

★ Елена Ларина ★

Муж мой — шеф мой?

В далекие 90-е двенадцать молоденьких девушек встречаются в астрологическом кружке «Зодиак». Они попадают в мир таинства небесных светил, мистических загадок правящих миром стихий. Недоступные звезды улыбаются, манят, обещают, взирая с непостижимой высоты на тех, перед кем только открывается дорога самостоятельной жизни.

Тернист и прихотлив путь героинь. Небесные силы то благосклонно поднимают к свету и блаженству, то низвергают вниз, в пучину несчастья, горя и обмана.

Взрывоопасная смесь добродетелей и пороков Скорпиона; нежность, сострадание и чистота помыслов Девы; неторопливое обаяние и житейская мудрость Тельца; непостоянство Близнецов; упрямство и скрытность Козерога... Двенадцать характеров, двенадцать дорог, двенадцать профессий: медсестра, секретарша, гувернантка, учительница, гадалка, писатель... Героини романов бесконечно разные, но объединяет их одно — стремление к женскому счастью. Помогут ли звезды осуществиться девичьим грезам? Встретит ли каждая из них того единственного и неповторимого, что предназначен судьбой?

Следуя данному 10 лет назад обещанию, повзрослевшие девушки встречаются вновь. Как сложились их судьбы? Какие сюрпризы, повороты и зигзаги уготовили им звезды? Об этом — каждая из историй, рассказанная на чудесной заснеженной вилле в Рождественскую ночь.

Жизнь юной красавицы Мэри Блинчиковой, родившейся под знаком Тельца, была веселой и беззаботной, пока все тридцать три несчастья не обрушились на героиню одновременно: разочарование в любви, болезнь отца, крах семейного бизнеса... Теперь ее будущее зависит только от нее самой. Мэри бросает вызов судьбе и устраивается секретаршей в фирму человека, который отвернулся от нее после божественной недели на островах Влюбленных. Но Судьба вновь совершает крутой вираж, и Мэри опять оказывается перед выбором...

Елена Ларина

Муж мой — шеф мой?

**или История Мэри Блинчиковой, родившейся под
знаком Тельца**

Женщины существуют для того, чтобы их любили, а не для того, чтобы их понимали.

О. Уайльд

ПРОЛОГ

Машина легко неслась по загородному шоссе. Быстро темнело. Как хорошо сидеть внутри теплого уютного салона, когда за окном — конец декабря и минус пятнадцать, крутить послушный податливый руль, ощущая себя воедино с мощным мотором авто, и слушать любимое радио «Эрмитаж». «Танец с подушками», какая прелесть! Я мчалась и весело постукивала в такт вечной мелодии ладошками по рулю. Ты еще молода и красива, и жизнь прекрасна и удивительна... И что за великолепное изобретение человечества — автомобиль, что бы мы, ленивые Тельцы, без этого изобретения делали?

Правда, где-то внутри головы крутилась тревожная мысль: как там он? Заболел, бедненький, и так не вовремя! Ну ничего, папочка вылечит, папочка все сделает как надо, он у нас умный. Да и Дашка уже не маленькая, поможет, если надо. Мобильный заиграл «Лебединое озеро», надо же, снова Чайковский! Я, аккуратно придерживая мягкий кожаный руль одной рукой, убавила громкость и взяла трубку.

— Ну как вы, любимый?

— Да спадает вроде температура...

— Сколько?

— Тридцать восемь и три, и наверно, еще упадет! Мы натерли его, как ты велела, водкой, а он спрашивает: «А мама знает, как вы тут надо мной издеваетесь?» Представляешь, так и спросил.

— Вы ее водой разбавили?!

— Дорогая, за кого ты меня держишь, за полного идиота? Ну конечно, разбавили и даже уксуса капнули — Дашка сказала, нужно еще уксус добавлять.

Молодец доченька! В маму пошла, умница-разумница, все знает и понимает.

— И главное — пить побольше, но понемножку...

— Дорогая, не волнуйся, все будет в полном порядке. Вы-то как? Толкаетесь?

— Понемножку. А в кафе ты не забыл позвонить?

— Да, Леха посмотрит за меня. Смотри, сама будь осторожна! Жутко скользко, не рухни, когда будешь из машины вылезать!

— Слушаюсь.

— И ничего не пей!

— Ну бокал шампанского-то можно?

— Никакого шампанского, ты с ума сошла! Только сок! Обещаешь?

— Обещаю, милый, — сдалась я. — Звоните мне, когда Пашка заснет! Целую.

— Я тоже, дорогая, — муж отключился.

Бодрый «Танец с подушками» уже отзвучал, играл Бах. Может, поискать чего повеселее? Например, «Европу Плюс». «Ее зовут Маша, она любит Сашу...» Я улыбнулась. Как трогательно! Внутри зашевелился маленький. Аккуратнее, мама ведет машину!

А все-таки молодец Ева, давно надо было собраться! Так интересно на всех посмотреть, целых сто лет не виделись. Ну или не сто, а десять, все равно много. Сначала перспектива застрять на несколько дней за городом испугала и ошарашила, но Ева была неумолима.

— Может, как-нибудь в другой раз соберемся? — вяло говорила я, ощущая спиной привычный, предвещающий длительное ворчание и недовольство взгляд мужа.

— Мэри, душа моя, так и состариться успеешь, пока вы все сами захотите приехать. И

потом, я недавно сделала ремонт...

Положила ли я теплые носки, вдруг у Евы будет холодно... Все, наверно, жутко изменились! Танечка, кто-то мне рассказывал, такая красавица стала. Из серой мышки превратилась в белого лебедя. Машинально я взглянула на себя в зеркало. Лицо уже чуть-чуть отекает. Помаду надо бы помягче...

Перекрывая глухой лающий тембр Тома Джонса, в салон ворвался первый концерт Чайковского.

— Алло!

Из трубки завопили:

— Мэри, тут засада полная! Мы с Белкой только что, представляешь, поцеловались, и неслабо! Снег еще пошел...

Странное чувство — будто не было этих десяти лет и мы расстались только вчера. Голос у Василисы совершенно не изменился.

— У меня нет снега, Вась.

— А где ты?

— Почти уже подъехала.

— А-а-а, мы только у Ольгино, — надрывалась трубка. — И у нас снег, и еще — полная задница, я нечаянно пробила Белке бензобак и, ну ты понимаешь... А у нее там как раз бутылки стояли, представляешь, какой там сейчас запах?

Вот в этом — вся Василиса! Въехала со всего размаху в автомобиль подружки и — «мы поцеловались». Представляю, если бы такое приключилось с ее машиной. Врезавшемуся в нее я бы искренне посоветовала убежать со всех ног.

— Короче, у меня вся морда — в кашу, боюсь, радиатор потечет, и еще...

— Вася, вы позвонили аварийному комиссару?

— Ну да, — с досадой ответила Василиса. — Вот его и ждем, родимого... Прикинь, как он сейчас обрадуется: вечер сочельника, свечи на столе плавятся, и шампанское остывает в ведерке, и женушка или кто там у него, как елка, вся нарядная и зовущая, а ему к тупым бабам за город! — фантазии у Скворцовой за годы не убавилось.

— Может, у Белки не все бутылки разбились — выдадите ему в качестве утешительного приза, — посоветовала я. — Кстати, она-то как? Позови-ка ее, Вася, я с ней поговорю.

— Мэри, не гони волну, с ней порядок, — неопределенно хмыкнула Василиса. — Ты давай рули и всем объясняй, что задерживаются, мол, закадычные подруги из-за непредвиденных обстоятельств...

— Я скажу, Вась. Вы, главное, спокойно разбирайтесь и приезжайте. Может, все-таки позовешь Белку?

— Что? Мэри, я не слышу тебя... А вы без нас не начинайте! — кричала в трубку Василиса. — А если начнете, то хоть камеру поставьте, чтоб записывала, наверняка у Евки найдется...

Периодически сверяясь с разложенным на пассажирском сиденье подробным планом — предусмотрительная Ева прислала по факсу, — я наслаждалась красотами зимнего леса. Как давно не была за городом! Так, вот за этой развилкой проезжаем 50 метров, налево, потом еще 30, поворот, еще один. Сейчас, по идее, я должна увидеть то, что скромно обозначено на плане как «Вилла Евы». Не может быть!

По узенькой расчищенной дорожке я подъезжала к великолепному двухэтажному дому, окруженному полукругом сверкающих наряженных елочек. Роскошная дама в босоножках на

шпильках в развевающемся и казавшемся невесомым платье махала рукой. Рядом на снегу скакали два далматинца — Ева всегда отличалась оригинальностью.

Догадавшись, что парковка за домом, я свернула в укатанный проезд. Заляпанный старенький «Мерседес» и сверкающий «Пежо». Попробую угадать: такая чистая машина может быть только у одного человека — у Надюши. А «Мерседес» — точно не Евин, при таком доме у нее в гараже должно стоять что-то вроде спортивного «Порше» или «Ягуара».

Массивная дверь со звоночком наверху была распахнута, и я прошла в дом. Приветливая полная женщина, вытирая руки о фартук, помогла раздеться и снова ушла. Причесавшись и подкрасившись перед внушительным, в тяжелой раме, зеркалом, я повесила сумку на чудную вешалку в форме дерева и вздохнула. Наконец-то добралась, надо позвонить домой. Сверху раздавались приглушенные голоса, и я спокойно оглядывалась по сторонам.

В просторной прихожей по углам — фигурки маленьких гномов в красных шапках с закинутыми за плечо мешками. Дальше — большой квадратный зал почти без мебели, темный прямоугольниками паркет, три огромных окна в разноцветных мигающих гирляндах и еловых ветках. Чудесный запах хвои распространялся по дому. Было тепло и комфортно, сейчас бы поспать, так ведь не дадут... Посередине зала стоял прозрачный низкий стол, вокруг него — пухлые диваны и кресла. На столе мягко горели свечи. Манерная ваза на длинной ножке рядом была полна мандаринов. Я взяла нагретый пламенем яркий терпко пахнущий плод — запах из детства. Как сейчас помню, в Новый год мне всегда позволялись всяческие глупости, я снимала с мандарина податливую кожуру и разбрасывала ее по всей комнате...

Я подошла к окну. Было то самое неопределенное время суток — перед сумерками, уже не день, но еще не вечер, когда особенно не понимаешь, чем заняться и куда себя приткнуть. Лес за окном стоял недвижим. С каким удовольствием побродила бы я среди заснеженных оцепенелых деревьев, оставляя следы на девственно нетронутым снегу.

С лестницы слышались шум и оживленный разноголосый смех.

— Ну что, копуша наша, наконец-то!

— Ой, так Мэри в интересном положении!..

— Тебе самой пора в таком положении побывать, остепенилась бы!

Восторженные восклицания перемежались с объятьями, поцелуями и всеобщим легко объяснимым гвалтом. Все такие изменившиеся, особенно Танюша, и красивые! Надя в зеленом платье, по-прежнему гибкая и стройная, как стебелек, Света Чернова в маленьком черном платье — будто с подиума сошла, Оля Ольгина в строгом костюме и ее закадычная подружка Регина, как всегда, в чем-то невообразимо длинном и нестандартном. Ну и, конечно, загадочная Ангелина, она, как оказалось, уже неделю жила на вилле.

— Осторожнее, здесь беременные!

— Не юродствуй, Чернова...

— Шикарно выглядишь...

— Ни за что бы тебя не узнала! Да-да, вот так бы и прошла по улице, и не оглянулась бы!

Снова зазвенел колокольчик, и раскрасневшиеся Марианна и Мила ввалились в дом. Раздался новый взрыв приветствий. Собаки попытались прорваться следом, но Ева строгим окриком отправила питомцев обратно — на свежий воздух.

Выяснилось, что на «Пежо» действительно приехала чистюля Надя, а старенький «Мерс» водит Танюша.

Я давно присмотрела себе местечко в углу, напротив окна и лестницы, и уселась. Девчонки наполняли бокалы у передвижного бара на колесиках и тоже рассаживались. Все выпили за встречу, и за Новый год, и за дружбу. Сквозь шум я еле услышала трель Чайковского, нажала на кнопку и прокричала, что благополучно доехала.

— А почему у вас так шумно?

— А как у нас должно быть, дорогой? — возразила я. — Мы не виделись десять лет и теперь хотим немножко пошуметь.

— Смотри там, не очень-то расходишься, — проворчал он. — Ты не пьешь?

— Только сок, дорогой, — заверила я, отхлебывая красного вина из бокала. — Только сок!

На другом конце провода подозрительно засопели.

— Мы ложимся спать, температура спала.

— Молодцы! — обрадовалась я. — Завтра доложу обстановку, спите, мои хорошие!

...Первой опомнилась Ева.

— Так, хватит! Сейчас мы назюзюкаемся и не сможем осуществить главное, ради чего собрались!

Под возмущенные крики она решительно выкатила бар в прихожую и убежала наверх. После вина меня потянуло в сон. Голоса доносились как будто сквозь вату.

— Тоже мне — позвала в гости, а выпить нормально не дает...

— Надюша, солнышко, плесни мне каплю...

— Ты этот салат пробовала — супер!

— Есть предложение — не ждать опоздавших, а записывать все на камеру! — послышалось с лестницы.

Ева впорхнула в зал, держа в руках компактную камеру, и установила ее в углу.

— Класс! И для истории останется!

— Да, Чернова, твои многочисленные внуки и правнуки через сто лет будут смотреть эту запись и говорить: ну бабка, ну дала!..

— Ну, Евочка, пошла я, — заглянула к нам домработница. — Всех с Новым годом, с новым счастьем!

— Спасибоочки, Галина Федоровна. — Ева вспорхнула с дивана. — Все получилось замечательно, а гусь какой, я видела в духовке — красота!

Галина Федоровна заулыбалась.

— Ой, милая, красота — это вы, голубушки, дай вам бог здоровья и радости.

— Спасибо, и вам здоровья, — загалдели все.

Бокалы наполнялись и осушались и рты не закрывались до тех пор, пока Ева не вкатила закуску... Оставалось выяснить, кому начинать первым. Тут поднялся такой гвалт, что у меня зашумело в ушах. Неутомимая Ева снова вскочила и побежала вверх по лестнице.

— Как в некотором роде специалист по таким вопросам я предлагаю: гадание на кофейной гуще или — карты, — взяла слово Ангелина. — На кофейной гуще сложнее, но интереснее: мы сварим кофе, а после этого...

— Да ты что! Посчитаемся — и все дела...

— Ага! Эни, бэни, раба, и щелкнуть хвостом? Обалдела, Милка? Ты в каком классе?

— Девочки, не ссорьтесь, — вступила вежливая Надя. — Может быть, бросим жребий?

— Стоп!

Ева стояла в позе балерины, обращенной к залу: торс изогнут, ножка отставлена назад,

руки театрально воздеты вверх. В одной руке она держала книгу.

— Мы будем гадать по Шекспиру, как приличные современные девушки! — заявила она таким тоном, что никто не осмелился перечить. — Открываем, это «Двенадцатая ночь» — нас же двенадцать...

— Пока только десять... — робко заметила Таня.

Ева оставила реплику без внимания и обвела нас глубокомысленным взглядом. Все притихли.

— Так, Надя, например, ты. Называй номер страницы и строку.

Благоразумная Надюша наморщила лоб, подумала немного:

— Страница сто двадцать один, строка... Девятая снизу.

Напряженную тишину разорвал хохот Евы:

— «Приветствую тебя, миленькая злючка!»

После взрыва смеха и долгих споров по поводу того, кого из нас можно наградить данным эпитетом, было решено не портить праздник и загадывать снова.

— Мила, давай ты теперь.

— Страница сто тридцать семь, строка двадцатая сверху, — не задумываясь, выпалила та и пояснила: — Это мой адрес — номер дома и квартиры.

Манерно поднеся книгу к глазам и игнорируя шум, Ева продекламировала:

Вы самая жестокая из женщин,
Коль собираетесь дожить до гроба,
Не снявши копий с этой красоты.

Я давно расслабилась и просто наблюдала за девчонками — я-то копии сняла, и еще собираюсь, это не про меня... Таня озадаченно шевелила губами. Надюшу текст классика явно навел на думы о чем-то личном, она словно ушла в себя. Мила наклонила голову набок и смотрела на Еву, а та и сама была слегка растеряна. Ангелина таинственно улыбалась, крутя на пальцах многочисленные перстни.

— Это типа кто из нас самая красивая? Или которая еще без детей? Ой, скучно, девушки! — непосредственная и быстро соображающая Чернова водрузила на стол бутылку шампанского. — Тут еще есть, но это поправимо!

Света влила остатки в свой бокал, раздвинула свечи на столике и положила бутылку на круглый бок. Ева выключила свет, и все взгляды устремились на центр стола. Пламя бросало отблик на сосредоточенные женские лица. Сидеть было тепло и уютно. Где-то вдалеке послышался шум электрички.

— Вот! Простенько и со вкусом, называется: русская народная игра бутылочка!

Все захлопали, Геля надулась. Танюша, сидевшая рядом с ней, обняла ее за плечи и что-то шепнула. Та послушала и заулыбалась.

— Итак, наступает исторический решающий момент! — провозгласила Света. — Я кручу, кручу... — зеленая бутылка в окружении горящих свечей красиво вращалась по прозрачному столику, и десять пар глаз замороженно наблюдали за ней. — Кручу, и она указывает... указывает... На Мэри!

Я вздрогнула и открыла глаза.

— Мэри, не спи! Тебе первой!

— Хватит вам издеваться, разве тут уснешь! Мэри, дорогая, начинай!

— А мне еще плесните вон того, розового...

— А не будет ли уже?

— Не груби старшим, Ольгина!

Я на секунду прикрыла веки и выдохнула. Я — не замужняя дама, мать двоих — скоро троих — детей и секретарь-референт со знанием двух языков и солидным стажем работы, а попросту говоря, — наивная молоденькая дурочка, вступающая на порог того, что зовется заманчиво и маняще: «Взрослая жизнь». Новогодний запах хвои и мандаринов, пройденный путь проб и ошибок, взлетов и падений остался здесь, в окруженном елями комфортабельном большом доме, а я перенеслась в то далекое прошлое, когда на дворе стояло лето и...

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

Автоматические створки огромных, словно до неба, дверей разъехались, и мы вступили в современный Эдем. Туристическое агентство «Айс-Парадайс» радостно приветствовало нас глянцевыми рекламными плакатами, неоновыми светильниками на стенах цвета морской волны и огромной разлапистой пальмой в углу.

Мы смущенно топтались в холле с прозрачным куполом. Изящная мраморная лестница, тут и там заставленная разноцветными китайскими вазами, легкой спиралью уносилась ввысь. Санта-Барбара какая-то, и Сиси Кэпвелл сейчас сойдет к нам в своем вечном голубом галстуке и накрахмаленной белоснежной сорочке. Вот что можно сотворить, имея вкус плюс неограниченность в средствах! Мое веселье как ветром сдуло — раньше мне не доводилось бывать в подобных местах.

За стильной стойкой мило щебетали две ухоженные девицы. До нас с подружкой им не было ну совершенно никакого дела.

Мимо бодро прогарцевала загорелая тетка. На полпути к лестнице она повернулась:

— Где-то я вас уже видела?

Все-таки мир не без добрых людей! Я с благодарностью уставилась на нее.

— Я работаю в казино, в этом же здании, а это, — Маринка указала на меня, — моя подруга и соседка. Понимаете, ей родители хотят сделать подарок — заграничную поездку, но вот выбрать надежную компанию попросили меня...

Честно говоря, от ее подбострастного тона и незамысловатого вранья мне стало слегка не по себе. «Да, подруга, быстро ты осваиваешь тонкости взрослой жизни! А может быть, именно так и нужно — спешить-поспешать, чтобы не становиться добычей всяких проходимцев и жуликов?»

— Пойдемте со мной, — сделав приглашающий жест рукой, уверенно произнесла тетка и направилась к лестнице.

Семеня за нашей Ариадной, мы в немом восхищении оглядывались по сторонам. Агентство «Айс-Парадайс», видимо, не имело недостатка в клиентуре. Одних живых цветов столько, что хватит на десять свадеб!

Со стороны мы с подружкой, вероятно, являли собой душещипательное зрелище: две молоденькие, только что снявшие школьную форму расфуфыренные дурочки, у которых все эмоции написаны на их глупеньких мордашках!

Вообще-то Маринка была права, она действительно работала в казино при холдинге, а я и в самом деле собиралась на отдых, куда отправляли меня любимые мама с папой. Но здесь мы с ней оказались случайно, и я немножечко разозлилась на то, что она как-то все переставила с ног на голову.

Послушно следуя за гостеприимной теткой, мы очутились в просторной комнате. Шикарный вид из громадных, во всю стену, окон, стильная мебель — наверное, путевка будет стоять целое состояние.

Тетка разместилась за одним из столов, мы — напротив, устроившись на низеньком, невероятно удобном диванчике. Это, наверно, специально просчитанный ход: клиент, находясь почти в горизонтальном положении, разомлеет, подберет и согласится на любые условия фирмы.

— Екатерина Сергеевна, туристический агент, — представилась спасительница. — И

куда же вы хотите поехать? Париж, Рим, Лондон?.. — Зубы у нее были неестественно белые и по-лошадиному крупные.

На диванчике было так комфортно, что мысли растекались. Вот так бы и сидела, то есть лежала всю жизнь в этом прелестном офисе, и зачем мне куда-то ехать?

— Нет. Хочется солнца, океана, — ляпнула я первое, что пришло в голову.

— Тогда лучшее, что мы можем вам предложить, — Канары, — профессионально уверенным тоном выложила агентша. — К тому же у нас прямой договор с принимающим отелем, и мы единственные в городе, кто может предложить программу «Все включено». Вы понимаете, о чем я говорю?

Я решила уточнить:

— А как это?

— Погодите, милочка, разрешите задать один вопрос: заграничный паспорт у вас имеется?

Я отрицательно покачала головой и почувствовала себя полной идиоткой. «Разоделась, прикатила, а сама элементарного представления не имеешь, что значит — по заграницам разъезжать!»

— Ну, невелика беда, не расстраивайтесь, — ласково утешила агентша. — Как и положено солидной компании, мы оперативно уладим необходимые формальности. Заполните, пожалуйста, анкету, — и, в очередной раз улыбнувшись своей конско-голливудской улыбкой, протянула мне твердую папочку в кожаном переплете с заботливо прикрепленной сбоку ручкой.

Ох, и закружилась же моя бедная девичья головушка! Меня, зеленую пигалицу, которая едва-едва покинула школьную скамью и поступила в институт, как солидного клиента принимают в лучшем агентстве города, сейчас, чего доброго, предложат кофе или... Словно читая мои мысли, мадам, расположившись с противоположной стороны стола, насколько могла тихо и нежно проворковала:

— Чай, кофе или сок?

Что может сказать молоденькая простушка, впервые почувствовав себя VIP-персоной? Как сейчас помню:

— Если у вас найдется ананасовый, то лучше — сок, — с понтом произнесла я.

— Ананасовый? Без проблем! Вера, будь добра, принеси нашей гостье ананасового сока! — мадам с серьезной физиономией обратилась с просьбой куда-то в недра офиса, и тут я почувствовала на себе тяжелый взгляд Маринки.

В мгновение ока перед нами оказался маленький столик на колесиках. Высокий узкий бокал с золотистым напитком на круглой бумажной салфеточке сиял, как солнышко, и был так же неправдоподобно красив, как и многочисленные рекламные плакаты на стенах. Плакаты обещали глянцевою роскошную жизнь, где поднимались в небо шикарные авиалайнеры, белоснежные яхты принимали на борт неторопливо шествующих пассажиров, мальчишки-посыльные в красивых тужурках сгибались под тяжестью чемоданов и кофров, скучающие принцы и миллионеры...

— Вы будете арендовать автомобиль? — голос моей собеседницы вернул меня в реальность.

Мы с Маринкой переглянулись. Вот это предприимчивость! Я еще не определилась, куда еду и еду ли вообще, а она про авто спрашивает! «Нет уж, хватить конфузить Мэри Блинчикову!» Я отвлеклась от анкеты, томно откинулась на мягкую спинку диванчика и

сказала:

— Если ваше агентство сумеет снабдить меня правами, то почему бы и нет!

По выражению лица, с которым тетя-лошадь встретила мой ответ, я поняла — вхождение в образ состоялось.

И тут — внимание! — я услышала за спиной голос. Хрипловатый тембр говорящего заполнял собой пространство, был невероятно приятен и ласкал слух. В нем чувствовалась мощная энергетика и еще что-то такое, отчего по спине побежали мурашки. Сейчас бы я сказала, что голос был — сексуальный, но без намека на пошлость. А десять лет назад Мэри Блинчикову просто бросило в жар от этого голоса. Я все так же полулежала, грациозно раскинувшись и закинув ногу на ногу, но внутри я словно заледенела — от ужаса, или от восторга, или от того и другого вместе.

— Екатерина Сергеевна, кто это у нас такой молодой и красивый?

— Серьезный клиент, Степан Борисович, — агентша засверкала самой широкой из всех своих улыбок.

Я не решалась повернуться, делая вид, что увлечена заполнением анкеты.

— Вот как? Отрадно видеть, как растет благосостояние нашей молодежи! Куда же держит путь очаровательная молодая леди? — переливался влекущими трелями голос.

Он приближался ко мне.

Это был первый в моей жизни комплимент, полученный в такой необычной — совсем как у взрослых — обстановке. И еще. Я как-то сразу почувствовала, что обладатель голоса будет *моим* мужчиной.

Хорошенький пухленький золотокрылый мальчишка примостился наверху у противоположной стены, как раз между рекламной картинкой паром величиной с десятиэтажный дом и сногшибательной длинноногой блондинкой в бирюзовом купальнике, в почти неприличной позе возлежавшей на бархатном золотистом песке неизвестной страны. Купидончик почмокал розовыми губками и потянулся. В золоченом колчане оставалась одна-единственная стрела. Шаловливо улыбнувшись и высунув кончик языка от восторга, Амур натянул тетиву, прищурился и — выпустил ее...

И как только моя агентша-покровительница сложила фиолетовые губы для ответа, я не спеша подняла взор и, встретившись взглядом с умными, чуть смешливыми холодно-голубыми глазами на загорелом лице, небрежно бросила:

— Пока — на Канары. Но это не мой выбор, а предложение компании. Придется навести справки, что-то там ждет меня сейчас?

И приняла озабоченный вид.

Мне жутко хотелось впериться в него во все глаза и рассматривать, впитывать, наслаждаться... Но я собрала все свои силы и заставила себя этого не делать. Ананасовый сок, вот что меня спасет! Но вкуса я не почувствовала. Как мне тогда казалось, довольно непринужденно закинув ногу на ногу и делая маленькие глоточки из прозрачного стакана, я глазела на рекламную дребедень на стенах, лишь краем глаза наблюдая за Степаном Борисовичем. Но кое-что я, конечно, отметила.

Он был весь какой-то подтянуто-спортивный, весь как на пружинках, но это никоим образом не выглядело смешно или нелепо, не бросалось в глаза. Просто он был — сама мужская сила, от него перло этим за километр.

Он весело и непринужденно рассмеялся:

— В этом я могу вам помочь: там солнце, океан, вулканический песок пляжей... Если верить содержанию вот этих проспектов, — продолжая улыбаться, он похлопал холеной рукой по пачке разноцветных журналов, лежащих на столе лошадиной Катерины Сергеевны.

Какой-то внезапный блеск на мгновение ослепил меня — нет, показалось.

— ...А чем на самом деле встречают туристов знаменитые Канарские острова, можно узнать, только лично посетив их. Любые, даже самые обстоятельные завлекалки — вещь субъективная. Екатерина Сергеевна, на самом деле у меня к вам просьба, — и, обращаясь к помощнице, перешел на серьезный тон.

Он наклонился над столом, и я увидела его лицо в профиль. Было в нем что-то... аристократическое, что ли. Тогда в моей голове обитали только расхожие книжные штампы. «Ты в сновиденьях мне являлся, незримый, ты мне был уж мил, твой чудный взгляд меня томил...»

— Не могли бы вы к концу дня подобрать мне три-четыре предложения для отпуска на выбор?

— Конечно же, Степан Борисович, сейчас же займусь, — засуетилась агентша.

— Сейчас, уважаемая, не стоит. У вас уже есть клиент, а к концу дня... Я был бы вам крайне признателен. А с вами, — он уже обращался только ко мне, светлые глаза ласково и многообещающе улыбались, — надеюсь еще увидеться.

Он выпрямился во весь рост, осанку он держал великолепно. И опять этот голос... Странная мысль о том, что я знаю его давным-давно, не покидала меня. Уже слегка закружилась голова.

Галантно склонив голову, он поднес мою руку к губам и осторожно коснулся ее легким поцелуем. Ах вот оно что! На безымянном пальце матово светил изумрудный перстень. Интересно, кто он по гороскопу, машинально подумала я. Эльга Карловна, безусловно, изругала бы меня на чем свет стоит, но я знала: никакие звезды не убедят Мэри Блинчикову в том, что Степан — не ее мужчина. От аромата, исходящего от Степана, в глазах потемнело. Я и не знала, что от мужчины может так пахнуть... Наверно, в тот момент я была похожа на бессмысленную куклу, которая только и может, что механически растягивать рот в глупой улыбке. Глаза успели пробежать фамилию на бейджике: «Полозов Степан Борисович».

— Екатерина Сергеевна, предложения передайте через секретаря. Разрешите откланяться! — И стремительной легкой походкой покинул офис.

Непроизвольно я собиралась подняться и бежать вслед за ним, но опомнилась и осталась на месте. Все происходившее после его ухода воспринималось неотчетливо. Какие-то вопросы об обмене валюты, какую сумму я желала бы поменять, что-то про диетическое и про стандартное меню, этаж в гостинице, который бы меня устроил... Я находилась в прострации и отвечала коротко и односложно. В голове царил сумбур. Мысли скакали, одна перебивая другую: есть ли у него жена? Как мне снова его увидеть? Понравилась ли я ему?

— ...Осталось только обсудить ваш будущий номер — вне категорийный, типовая студия, бунгало, люкс, апартаменты или пентхаус? — агентша тем временем веером разложила передо мной цветные снимки шикарных интерьеров.

Краем глаза я взглянула на Маринку — у той просто рот от удивления открылся. У меня у самой дыхание перехватило — никогда такой роскоши не видела! Про апартаменты, и про пентхаусы, и про бунгало я слышала впервые в жизни. Ну и брякнула первое, что на ум взбрело, знакомое по дефицитному советскому детству словечко:

— Люкс! — да еще, дурища, важно так добавила: — Только люкс!

Катя-зубастик еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Не понимая, что ее так рассмешило, я неожиданно занервничала. Маринка сидела рядом каменным истуканом, и мне вдруг стало одиноко. Что я вообще здесь делаю?

Это сейчас, когда езжено-переезжено по всему миру и его окрестностям, я знаю, что люксовые номера в тамошних гостиницах — это всего лишь две комнаты, мини-бар, хороший вид из окна да свежие цветы каждый день. А в остальном — обычные клетушки, хоть и парочкой.

Я с усилием вытаскивала себя из глубокого диванчика и холодно произнесла:

— К сожалению, Екатерина Сергеевна, мне пора, — и неторопливо направилась к выходу.

Недопитый сок в высоком стакане, как грустное, но красивое напоминание о несбывшихся надеждах, остался на столике. Маринка вскочила с диванчика и хлопала глазами.

— Но, Мария Николаевна, мы же еще не закончили...

— Вы знаете, как я уже сказала вашему шефу, у меня нет уверенности, что поездка на Канарские острова — это то, что мне действительно нужно... — уже на ходу кинула я.

— Если вы все-таки решите, — совсем ступевалась тетя-лошадь. Не надо было смеяться над неопытной девочкой! — Вот моя визитка. Там все реквизиты для связи, включая домашний телефон...

Взяв карточку и вежливо кивнув, я толкнула дверь.

— Мэри, да не переживай! Ты классно держалась! — говорила мне в спину подружка, когда мы спускались по лестнице. Не может быть, чтобы эти вазы были и в самом деле китайские — наверняка подделка! И розы у них уже начали скукоживаться. — Подожди меня на улице, я в туалет!

Каким же я тогда была ребенком! Вышла из офиса этого идиотского, иду по улице, и больше всего хочется мне разреветься. Повернула за угол, а там картина: у зеркальных дверей казино стоит огромный вороной лимузин, гориллы-охранники, какие-то представительные люди в костюмах и посреди этой свиты — Он!

Мои переживания как рукой сняло. Стала, будто вкопанная, и про себя шепчу: «Посмотри! Посмотри на меня!» Меня посетило видение.

Дорого и со вкусом одетый мужчина устало выслушивает последние рапорты подчиненных. Суровые охранники топчутся чуть поодаль в ожидании. Только воспитанные годами вежливость и учтивость мешают мужчине послать этих надоедливых подлиз к черту и укатить в загородную резиденцию компании, где его ждут важные документы и имеется возможность спокойно поработать. Он рассеянно смотрит поверх очередного провожатого, рассыпающегося в любезностях, и тут замечает прелестную незнакомку. Она в нерешительности остановилась на перекрестке. Рядом с ней притормаживают автомобили, образуется небольшая пробка. Девушка грациозно отступает назад и поправляет упавшую прядь, выбившуюся из копны роскошных волос цвета чайной розы.

— Минуточку, — мужчина изящным взмахом руки прерывает собеседника и направляется к девушке энергичной походкой.

Охрана не успевает за ним и озадаченно топчется неподалеку.

— Извините, совсем забыл узнать ваше имя, прекрасная юная леди!

— Ах, это вы... — небрежно бросает девушка. — Меня зовут Мэри...

— Мэри?!

— Вас это удивляет?

— Ничуть. Может быть, вас подвезти? — галантно предлагает мужчина. — Я —

Степан Борисович Полозов.

Девушка мило и застенчиво улыбается.

— Я еще не решила, куда мне хотелось бы поехать...

— Ну, на Канарские острова я вас сейчас подбросить не смогу, хотя и очень желал бы исполнить такую просьбу! — голос с хрипотцой приобретает доверительные нотки. — Сами видите — работа, люди, а вот поближе — пожалуйста! — мужчина галантно предлагает девушке руку, и они направляются к лимузину...

В какой-то момент мне и правда показалось, что Степан смотрит в мою сторону. Но чуда не произошло. Большая черная машина отъехала от холдинга «Айс-Парадайс» без меня.

ВЕСНОЙ РОДИЛАСЬ ТЕЛОЧКА

...С самого раннего детства я всегда получала все, что хотела, — ну или почти все. Родители всегда жили душа в душу, но детей долго не было. А хотелось! Наконец мамуля забеременела. Она заранее знала, что родится девочка. Добросердечная медсестра в консультации, которую исправно посещала мама, сказала ей как-то: «Хочешь, чтоб красотуля здоровенькая получилась — ходи и смотри на все красивое. На цветочки, картинки всякие, музыку душевную слушай — и внутрь себя складывай». Мама прониклась этой идеей и всю беременность действительно выгуливала себя в парке в любую погоду, выучила все пейзажи и натюрморты в Эрмитаже и Русском музее, а дома постоянно звучала классическая музыка. И вот в результате этих ухищрений в петербургском роддоме № 19, под знаком Тельца на свет появилась я! Радости всей семьи не было предела. Детство мое проходило счастливо и беззаботно — жила как у Христа за пазухой. Меня, конечно, и баловали больше, чем других детей. Только я, в колясочке лежа, приготавливаюсь зареветь — мне новую погремушечку: «Не плачь, Машенька, радость наша!» Потом пошли зайчики шоколадные, и леденцы на палочке, и пирожные да тортики. Росла я эдаким пончиком, вполне оправдывая свою фамилию — Блинчикова...

Сколько себя помню, я читала. Начала с пяти лет и уже не могла остановиться. Сначала сказки, потом приключения, потом фантастику, детективы... Я проглатывала одну книжку и бралась за другую. У бабули в деревне, правда, читать было нечего, да и некогда. Но в городе я читала запоем. Родители почти всегда пропадали на работе, и моим любимым занятием было остаться дома одной, сделать уроки и, обмотавшись клетчатым стареньким пледом, залечь с интересной книжкой. Иногда я совершала набег на холодильник и затем вновь возвращалась к дивану.

Лет эдак в шестнадцать я стала задумываться о некоторых других сторонах жизни и поняла: пора заняться собой. Ленишься дома с книжкой, конечно, милое и самое достойное дело, но так и проходишь всю жизнь кулебякой, на которую ни один парень не позарится. Вот если бы я жила где-нибудь в Африке, то дело другое. Там чем женщина толще, тем считается красивее. И жен африканские женихи выбирают себе по весу. Полагаю, что засылают сватов с весами и наказом: «Меньше двух центнеров не сговаривать!»

За шоколадненького я замуж не собиралась, поэтому решила худеть. Записалась в секцию аэробики и стала исправно посещать занятия. Фитнес в то время у нас только нарождался. В стареньком спортзале мы старательно выполняли махи, наклоны, приседания и тому подобное.

— Но главное — строгая диета, ты должна ее блюсти, как десять библейских заповедей. Про жирное и сладкое забудь, после шести часов вечера во рту не должно быть ни крошки. И запомни: пирожные — это яд, — вразумляла меня тренерша, верная последовательница Джейн Фонды из далекой Америки.

Была она тощая — как скелет. Особо мне не верилось, что по силам девичьим выдерживать такие строгости, и я скромно отвечала:

— Я постараюсь.

— Никаких «постараюсь». Или так, или никак. И скоро будешь стройной, как кипарис.

Какое-то время я, полная энтузиазма, пыталась соблюдать все рекомендации. Но как тут устоишь, если в холодильнике столько соблазнов? Тут тебе и варенье абрикосовое,

рядышком, на блюдечке, булочка со взбитыми сливками. Чуть левее — из духовки пахнет маминым пирогом. Хоть на кухню не заходи! Через пару недель я сорвалась, снова стала трескаться то самое сладкое да жирное, которым страшила меня моя строгая наставница. Но на занятия ходила регулярно: ногами-руками махала, не жалея сил. Поначалу было трудно — по семь потов сходило. Такой худой, конечно, как моя инструкторша, я не стала — комплекция не та. Но мало-помалу нашла свою золотую серединку — и вкусеньким иногда баловалась, и заниматься продолжала.

Даже поклонники у меня появились. Мальчишки спорили, кому Блинчикову до дома провожать. А девицы, что по вечерам во дворе на детской площадке тусовались, местные королевы бензоколонки, волком смотрели и даже что-то обидное мне вслед несколько раз кричали, «жиртрест» или что-то в этом духе. Но я-то знала, что это они от зависти, и потому не реагировала.

В общем, грудь у меня осталась пышной, да и бедра тоже, хотя стали они при этом более упругими. А вот обхват поясницы заметно уменьшился. Так что песенка, которой меня в былые времена дразнили: «У бегемота нету талии», теперь утратила свою актуальность.

И еще стали мне говорить, что я похожа на Мэрилин Монро. Блондинка с большими глазами, пухлыми губками и аккуратненьким носиком. Тогда же и получила я свое прозвище — Мэрилин, но проговаривать его слишком долго, так что вскорости осталось просто — Мэри. Я не возражала. Откровенно говоря, мне это и нравилось, и льстило.

По окончании школы встал традиционный вопрос: «Куда пойти, куда податься?» Я было думала направить свои стопы на филфак или журналистику, но особой уверенности в своих силах у меня не было. Я, конечно, побывала на обоих факультетах. На филологическом я с удивлением узнала, что преобладающий контингент здесь — девушки и за это факультет получил красивое название «факультет невест». Я, конечно, любила читать, но не до такой же степени.

Журналисты, в свою очередь, сообщили, что после окончания учебы распределить молодого специалиста могут куда угодно. Зашлют тебя в какую-нибудь тьмутаракань, и — пишите письма! Тетка в тяжелой черепашьей оправе с упертым пристрастием, как на допросе, дознавалась, пробивной у меня характер или не пробивной. Она долго распространялась насчет того, что в журналисты идут настырные, упертые и жутко целеустремленные люди, понимающие, чего хотят получить от жизни. По теткинскому тону, возмущенно подсакивающим очкам и красноречивым взглядам из-под них я догадалась, что конкретно у меня слегка недостает упомянутых качеств и я могу идти восвояси, что я и сделала с большим удовольствием.

Наступало время, когда экономическое образование могло стать большим козырем в устройстве дальнейшей жизни. И я без особой оригинальности решила, что буду поступать в Университет экономики и финансов, в народе именуемый Финэком. Математики, я надеялась, будет не очень много, да и папа предполагал в будущем передать мне свое дело. Но, как это частенько случается: «Мы предполагаем, а Бог располагает...» Впрочем, не буду забегать вперед.

Отец мой, Блинчиков Николай Аркадьевич, при советской власти был деятельным партийцем. Занимал пост главы райисполкома. Бизнесом мой отец занялся с самого начала перестройки. Тогда многие партийцы перекалвалифицировались в предприниматели, с одной кормушки перелетая на другую. Папа не стал крутым новым русским.

«Мое дело небольшое, но людям нужное» — так он всегда говорил. Снял в

долгосрочную аренду помещение бывшего кафе-мороженицы, поставил там импортную хлебопекарню и кондитерский участок при ней организовал. Тут же разместился торговый зал. Называлось все это маленькое лакомое царство «Блинчиков и К°». Пекарня-булочная «Блинчиков»! С чувством юмора у папани все в порядке. Под «К°» отец, естественно, подразумевал меня и маму — иных совладельцев у предприятия не было. Настоящее фамильное дело! На продуктах не экономил: муку покупал высшего качества. Пекарей нанял опытных, переманил с завода, что называется, длинным рублем. К тому же — бесплатные вкуснейшие обеды. Работники были довольны, покупатели тоже. Хлеб, что продавали в соседнем зале, всегда был горячий, ароматный, только что из печки. За таким и в очереди постоять не жалко. Кондитерская часть — тоже на высоте: никаких там тебе белковых жвачек, все на натуральных деревенских яйцах да добротном фермерском масле. С других районов народ приезжал торты-пирожные заказывать!

Когда дела совсем наладились, папа по соседству открыл кафе «У Блинчикова». В скором времени пришлось ассортимент увеличивать, до настоящих семейных обедов включительно — клиент шел, как рыба на нерест! Я частенько там обедала, вкусно, не то что в столовке школьной. А в последних классах школы уже всюю стояла и за стойкой, и на кассе — помогала, в общем. Однако расширяться дальше отцу не хотелось.

— Лучше, — объяснял он мне, — синица в руке, чем журавль в небе. Да и годы мои уже не те. Вот выучишься на экономиста, передам тебе все, тогда, глядишь, и откроешь сеть ресторанов по всему городу.

Впрочем, и того, что приносила в клювике нашему семейству эта самая синица, хватало на вполне безбедное существование.

В университет я поступила, набрав на экзаменах необходимое количество баллов. Ну, пришлось, конечно, поволноваться, позубрить ночами, шпаргалки пописать. Сочинения я не боялась, с литературой у меня никогда проблем не возникало, а вот математика вызывала опасения. Но заполненные меленьким убористым почерком миниатюрные листки, проще говоря — «шпоры» сделали свое доброе дело. К тому же экзамен был устный, а экзаменатор — мужчина, своей огромностью напомнивший мне Робин-Бобина. Ну который был Барабек и съел аж сорок несчастных — считалка из детства.

Правда, когда я стояла у доски и отвечала по билету, смешно мне не было нисколечки. Чисто интуитивно я старалась мило улыбаться, хлопать ресницами и изо всех девичьих сил выпячивала грудь. Видимо, действовала я правильно, потому что через долгих три дня увидела в списке поступивших свою фамилию! Добрый толстяк поставил четверку, и Мэри Блинчикова законно стала именоваться «абитуриенткой».

Вечером на семейном празднике в честь моего зачисления родители хитро переглядывались и подмигивали друг другу. Наконец я не выдержала и взмолилась:

— Мамуля, папуля, не томите!

— Дочура! — торжественно начал папа. — Мы тут с мамой посоветовались и решили: отправить любимую доченьку в заграничный курортный вояж по собственному выбору. Как ни тяжело родительскому сердцу чадо отпускать... — и достает из-за спины глобус.

Я бросилась папе на шею:

— Куда сама захочу? — от неожиданности я не верила своему счастью.

— Куда душа твоя ни пожелает — все исполним, как обещано! — Стоят, на меня смотрят, улыбаются. Чувствую — не меньше моего рады.

— Папочка, я тебя люблю!

— Так что, дочь, за тобой теперь слово... — папка довольный, аж светится весь! — Три дня тебе на размышление!

Хорошо, дорогие родители...

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

На следующий день с утра предки отбыли на дачу к хорошим знакомым. Звали с собой: воздухом, мол, свежим подышишь. Воздух я люблю, и в земле поковыряться не прочь. Телец — земной знак, притягивает она к себе, родная, манит своим теплом, силу дает. Но одно дело — с бабушкой в родной деревне, другое — на чужой территории.

К тому же хотелось просто побыть немного одной. Так что мы по-семейному почмокали друг друга в щечку, после чего родители загрузились в серую «Волгу» и, урча мотором, отбыли на уикенд в садоводство «Красносад».

А будущая звезда международной курортной жизни Мэри Блинчикова, выудив из недр книжной полки «Восемьдесят дней вокруг света», водрузилась в заблаговременно наполненную ванную. Хвойного экстракта — привычка с застойных времен, тогда только такое в аптеках продавалось — в воду насыпала. Лежу, кайфую. Но сосредоточиться на предмете географического выбора никак не получалось, бессмертное произведение французского фантаста никаких идей не навевало. То есть, конечно, имелся вполне определенный географический маршрут, коим бодро проследовали герои Жюль Верна. Туманный Лондон, беспечный Париж, непредсказуемая Индия, экзотический Гонконг, загадочная Япония, глобальная Америка... Захватывающе читать о похождениях отважных и любопытных в теплой расслабляющей ванне.

«Отсутствие практики порождает наивный дилетантизм!» Так папин главный кондитер Добряков укорял одну работницу, которая постоянно умудрялась целыми противнями портить безе. В общем, в ванной ничего не придумалось, и я решила на проверенное средство: занять руки готовкой, так моей голове легче думается; напечь блинчиков.

Мамуля всегда удивляется, отчего моя стряпня выходит гораздо вкуснее, чем у нее, а я и сама не знаю, в чем секрет. Нравится мне процесс кулинарный, когда в начале, например, кусок мяса заваливающий, морковь, кругляш лука и что там еще есть в доме, а в конце — внимание, господа! — говядина по-бразильски, запеченная с овощами в собственном соку! Эксперименты на кухне — моя слабость. А главное в готовке — успеть быстренько угостить всех сидящих за столом, чтобы не съест все самой.

По части блинов, кто забыл, я мастерица. Бабуля, светлая ей память, научила.

...Летние месяцы я проводила у бабушки. Бабуля была кладезем народной мудрости, прожив всю жизнь в одном месте — деревне Василево, в 40 километрах от Углича. Дом был старинный, с чуть покосившейся крышей, но уютный и родной. Хозяйство было хорошее: три бодливые козы, корова, толпа кур и две беспородные кошки, Муська и Нюська. Кошки в хозяйстве не помогали, но мышей отлавливали. Я помогала бабушке пропалывать огород и окучивать клубни — картошка на столе всегда была своя, розово-желтоватая, сладкая. Да что там картошка, все было свое — огурчики, помидорчики, клубника-земляника, смородина, крыжовник...

Около самого крыльца рос подсолнух небывалой величины, и я думала, что в крохотных ячейках подсолнуха живут волшебные маленькие человечки. До сих пор я с грустью вспоминаю ни с чем не сравнимый деревенский запах, смесь парного молока и ароматного прелого сена. В конце лета мы собирали полезную облепиху, бабуля варила варенье и сок. Собирать ягоду было противно из-за колючек, но с бабушкиными шуточками и прибаутками я справлялась и с этим...

Не было еще в моей практике ни одного блина комом. Ни первого, ни двадцать первого. Блинки получались как на подбор — поджаристые, золотые, будто солнышко. «Блинчики от Блинчиковой всем блинчикам блинчики!» — не помню уже, кто из друзей-знакомых эту присказку придумал.

Я открыла шкаф: так, мука есть. Соль, сода, уксус, молоко... «Блины в сметане да на меду, к соседке Тане сейчас пойду» — завертелся в голове незатейливый мотивчик из детства. Так, молоко, бабуля говорила, должно быть непременно горячее, не ленимся, греем, льем в тесто... Бац! Ни одного яйца в холодильнике.

В магазин ползти, одеваться-собираться? Лень страшно! Решение подсказала все та же песенка. Мурлыкая себе под нос: «К соседке Маринке сейчас пойду», я, накинув халатик и скользя в тапочки, вышла на лестничную площадку и привычно вдавила пумпочку на соседской двери. На звонок высунулась взлохмаченная голова.

— Здравствуйте, Роман Роменыч, а Марина дома?

— Дома-то дома, только дрыхнет до сих пор. Повадилась по ночам где-то шастать, потом сопит до полудня. Зайди, посмотри, может проснулась уже.

— Ой, нет, спасибо. Пусть она ко мне зайдет, когда встанет. Да, а у вас не найдется пара яичек? Я блины хочу испечь...

В глазах Маринкиного папаши промелькнул огонек. Похоже, он оценил мой произвольный каламбур. Роменыч — тот еще жук. Не будь я соседкой да к тому же подругой его дочери, наверняка бы какую-нибудь сальность сейчас отвесил. Однако промолчал, развернулся и, шаркая шлепанцами, отправился на кухню. Терпеть не могу дядек, которые ходят по дому в драных тапках и тренировочных с оттянутыми коленками. Впрочем, Маринкина маманя, Варвара Ивановна — муженьку под стать: всегда в огромных патронах бигуди, которые носит, как революционный матрос ленты — не снимая. Вот уж точно — два сапога пара.

— С тебя теперича, Марья-искусница, пяток блинков причитается! — Маринкин папаша протянул мне яйца, не отрывая при этом взгляда от выреза моего халатика.

Я почувствовала, как щеки постепенно заливаются густым румянцем.

— Спасибо, Роме... Роман Роменыч. Грейте чайник, скоро блины принесу.

Замешивая тесто, я думала о соседке. Родителей своих она всегда недолюбливала. Непросто стать нормальным человеком, когда твои предки такие неряхи. Но Маринка старалась. Особенно в последнее время, когда, покинув школьные стены, каждая из нас стала жить обособленной жизнью. Мы стремительно отдалялись друг от друга, забывали вчерашних друзей-одноклассников, детские свои интересы и обзаводились новыми, как тогда казалось, настоящими впечатлениями. Так и Маринка ушла в подполье и где-то доставала деньги, потому что я частенько видела ее в новом наряде.

Правда, со вкусом у нее существовали серьезные проблемы — не ориентировалась девочка из пролетарской семьи в тонком искусстве создания цветowych гармоний и дамского ансамбля. Хотя эпоха всеобщего дефицита, когда найти достойную вещь стоило больших усилий, уже канула в лету. Маринка покупала только те вещи, которые были одобрены мной. Или перед свиданием, бывало, забежит ко мне: «Мэри, посмотри, я нормально выгляжу? Да? Красная юбка с бордовой блузкой не смотрится? Слушай, пойдём ко мне на минутку, подскажешь, какую кофточку надеть, а? У меня сегодня такая важная встреча!»

Смешная она! Шуток не понимает до сих пор — напрочь! Иногда забудешься, скажешь что-нибудь несерьезное, а она все за чистую монету принимает, дуться начинает.

Приходится ей объяснять, что я ничего плохого не имела в виду и вовсе не хотела ее обидеть. Тяжеловатое общенье получается. Да и в серьезных вопросах на ее понимание рассчитывать не приходится. Начнешь о чем-нибудь сложном рассуждать, а Маринка глазами хлоп-хлоп, на лице глуповатая улыбочка и — «ни бе, ни ме, ни ку-ка-ре-ку» — что сказать не знает. Школу Маринка закончила на твердые четверки — брала усидчивостью. А еще она — добрая. Глупая, обидчивая, но добрая. За это можно многое простить — по-настоящему добрых людей всегда днем с огнем искать приходится.

Кстати, может, Маринку на поездку, что называется, за компанию подбить? Заодно и разузнать, откуда столь бессмысленное создание извлекает доход на гардеробные обновления! Вдвоем легче будет маршрут выбрать. Надо с ней потолковать и про доходы, и про походы, а то с этими вступительными экзаменами отстала я от жизни.

Блины были готовы. Я щедро отделила от высокой дымящейся стопки треть и положила на отдельную тарелку. Потом нехотя переделалась из халата в джинсы и бадлон: не люблю совершать лишних телодвижений, да больно не хочется, чтобы похотливый глаз Роменыча опять пасся в моем декольте. На этот раз пришлось запирать дверь. Ведь коли Маринка до сих пор лежебочит, вытащить ее из постели и в кратчайшие сроки доставить к себе на кухню — дело во времени трудноопределимое. Но до блинцов моих она охотница! Накормлю, а потом устрою ей допрос с пристрастием.

— Уже с блинами. Куда же столько?! — из вежливости спрашивал Роменыч, быстро захватывая тарелку с блинками.

— Ничего, они у меня вкусные, сами не заметите, как съедите.

— Да, твои блины раз попробуешь — никогда других не захочешь. Что, пойдешь эту соню тормозить?

— Пойду, что делать.

Плыву по коридору и спиной чувствую взгляд Маринкиного папаши. Да сюда надо в парандже приходиться! Я завернула в подружкину комнатенку. Давненько я здесь не была. Первое, что бросалось в глаза, — прищипленный над столом огромный плакат солиста группы «Кармен». Висит здесь лет пять. Ничего себе мужчина, только взгляд больно наглый.

— Маринка, хватит валяться, пролежни начнутся!

— Что... начнется? — спустя минуту раздался голос из-под одеяла.

Мы с Маринкой в чем-то похожи, одинаково долго соображаем.

— Ничего, вставай давай, блины стынут, — я в сотый раз наступила на те же грабли: попыталась при Маринке пошутить. Хорошо еще, что она не обиделась.

Десять минут спустя Маринка сидела у меня на кухне и методично поглощала блины со сметаной. Челюстями она работала энергично, но в остальном походила на сонную муху. Я взялась сварить крепкий кофе — сама бы с удовольствием навернула сладенького, да уж лучше кофе выпью.

— Вше хуфеть шобираюсь. Но, фидать, не шудьба, — пожаловалась она, с трудом пережевывая блин, который каким-то чудом умудрилась засунуть в рот целиком.

— Зачем так жадничать, ты ведь не удав, и блин не кролик, — заметила я.

Маринке наконец удалось проглотить добычу.

— Вкуснота! Вот у меня все блины вечно комом.

— Не фамильное потому что дело. Ты же не Блинчикова. Вот если бы у меня блины не получались, вот это был бы стыд и срам!

Моя шутка опять осталась незамеченной. «Эх, Маринка, смешной ты человек! Как

можно выжить в нашем сумасшедшем мире без чувства юмора?»

— Да, слушай, мне тут сказали, что, если хочешь худеть, надо каждый день за обедом съедать ананас. Там какое-то вещество содержится, которое жиры сжигает, — вспомнила Маринка.

— А шампанским запивать для усиления эффекта не советовали?

— Нет, про шампанское не говорили. А что, лучше с шампанским?

— Не знаю, Марин, как лучше, — я проглотила усмешку. — Я худеть не собираюсь. Меня моя фигура устраивает. Да и тебе зачем это нужно?

— Думаешь, не надо? А мне кажется, я немного толстовата, в талии особенно. У тебя грудь большая, а талия осиная. А у меня как-то ни то ни се. Вот ананасы и хочу попробовать. Помогут, как ты считаешь? — допытывалась Маринка.

«Красиво жить не запретишь», — подумала я, но вслух этого почему-то не сказала.

— Ну вреда то от них, во всяком случае, не будет. Хотя похудеет скорее твой кошелек, чем талия. А я бы тебе посоветовала спортом заняться. Хочешь, пойдем завтра со мной на шейпинг.

В разговоре возникла маленькая пауза: Маринка записывала себе в рот очередной блин. Я наблюдала за процессом. Вот она берет хитро свернутый квадратик со сметанной начинкой, раскрывает рот — ничего себе, так и челюсти вывихнуть недолго. Маринку и так-то симпатичной можно назвать с очень большой натяжкой, а сейчас она вообще напоминала бегемота. «Бегемот разинул рот, булки просит бегемот...» Пройдет или не пройдет? Не прошел! В последний момент блин развернулся, сметана потекла по подбородку, размазалась по пальцам... Я отвернулась.

— Ншпшнь.

— Что-что? Ты прожуй сперва, а потом говори.

— Не-е, шпортом лень... Слушай, а как твоя секция поживает?

— Какая еще секция?

— Ну... — Маринка наморщила лоб. — Гороскопы вы там изучали, что ли...

— Деревня! Не секция, а астрологический кружок «Зодиак», и мы там не только гороскопы изучали... Нет ее, закрылась, — и я вздохнула.

В «Зодиак» меня отправила мамуля, вычитав в газете объявление. В те годы интерес к астрологии только входил в моду. Ходить в кружок было интересно. Группа наша подобралась веселая, и мы все как-то сразу сдружились. Занятия в клубе вела незабвенная Эльга Карловна, чрезвычайно активная особа с высоченным бюстом и острым носом. Эльга Карловна была потомком немецких князей и очень этим гордилась. Вот только уехала она потом почему-то не в Германию, а в Израиль, где ее с нетерпением ждали многочисленные внуки и даже правнуки. Но перед тем как нас покинуть (наверное, Эльга Карловна так и не смогла простить страну, где до последнего времени астрология считалась лженаукой), энергичная «предводительница» успела закинуть в наши головы много интересной и полезной информации. Мы, открыв рты, слушали рассказы об ассирийских и вавилонских жрецах, которые, пытаясь узнать волю богов, производили астрономические наблюдения и положили начало астрологии, составляли гороскопы, изучали созвездия...

Когда кто-нибудь из нас без уважительной причины пропускал занятия, Эльга дулась и обижалась. Вела она нашу группу за чисто символическую плату, просто из любви к предмету обучения. И когда месяца три назад Эльга Карловна сообщила нам печальную новость, что «Зодиак» закрывается, некоторые из нас даже всплакнули. И на последнем

занятии во время торжественного церемониального чаепития договорились — разумеется, тут тоже не обошлось без Эльги Карловны — через 10 лет встретиться и посмотреть, как же работает эта открытая давным-давно — в первом веке до нашей эры — наука.

Папка только фыркнула, когда дома за ужином я вздохнула и пересказывала родителям «всю эту девичью ерунду». Сам он был приверженцем живой природы и несколько раз пытался отдать меня в зоологический кружок. Папка обожал любую живность. В родительской комнате рядом теснились энциклопедии и справочники, рассказывающие о гигантских ленивцах, императорских пингвинах и полевых жаворонках. Думаю, если бы не мамина аллергия, наша квартира напоминала бы зоопарк... А так папка только вздыхал и грезил о том, что когда-нибудь заведет небольшую ферму и будет ухаживать за козами, овцами и домашними голубями.

...Маринка закончила завтрак, и мы переместились в гостиную.

Итак, подследственный приведен в должное расположение духа, можно начинать допрос.

— Маринка, скажи, на какие-такие деньжищи ты собираешься покупать себе каждый день ананасы? Ты что, разве работаешь?

— Конечно на свои, на кровные! Не одним же Блинчиковым пользоваться плодами перестройки!

Я аж обомлела. Не ожидала от сонной соседки столь сложной фразы, да еще с таким политэкономическим подкладом.

— И где же ты работаешь, жертва экономических преобразований? — я довольно топорно постаралась восстановить дистанцию в нашем разговоре.

— В казино.

— В казино? А кем, директором?

— Зачем директором? Мы люди скромные, консумация наш хлеб.

— Что за профессия такая экзотическая?

А сама думаю: «Да, жизнь проносится мимо тебя, дорогая Мэри! Даже при консумации, образованная девочка, слышишь впервые!»

— Мы, — Маринка насколько могла изящно поднялась и отставила ногу от бедра, — сопровождаем клиента в игровой зоне. Помогаем увлеченному игрой человеку сделать заказ на напитки, в общем, наша задача проста — увеличивать выручку бара. С того и деньги получаем, процент, значит. Ты чего смеешься?

Я представила себе, как неуклюжая Иванова в храме азарта ночным мотыльком порхает между барной стойкой и игровыми столами. Ну, подруга, ну, повеселила!

— Прости, Мариш, это я так, о своем, долго рассказывать. Консумация, говоришь, — я с трудом заставила себя не расхохотаться по новой. — И какова зарплата, то есть, извини, процент?

— Представь себе, и на ананасы, и на заграничные курорты хватит! — похоже, Маринка все-таки немного обиделась.

Я спросила как можно дружелюбнее:

— Ты что, куда-нибудь собралась?

— Собиралась... Раньше, — сказала Маринка. — Но тут такая тема стоящая подворачивается, только туда деньги нужны. Я на курсы крупье пойти собираюсь, при нашем казино должны открыться, через год где-то.

— Крупье? Так для этого математику надо хорошо знать! — ой, сейчас снова обидится!

— Ну что ж, математика — это дело наживное, и слона можно танцевать научить. — Маринка вовсе не обиделась и даже пошутила. — Они там знаешь как тренируют! Если все домашние задания выполнять и соблюдать дисциплину, то справишься. Главное — захотеть. Зато потом профессия будет, сейчас казино везде открываются.

Я не могла не согласиться с Маринкиной дальновидностью. Только что за домашнее задание в казино?

— Я уже все разузнала, — с охотой делилась информацией Маринка. — Например, дают кучу примеров, а ты их должен в уме решить. Или какую-нибудь таблицу из цифр наизусть заучить. Так память и тренируется.

— Дело хорошее, конечно. Только тяжело, наверно, тебе будет.

— А кому сейчас легко? — улыбнулась Маринка. — К трудностям я готова. Я ж сама за себя. Только родителям пока — ни гу-гу, а то съедят, — добавила она.

Я невольно вспомнила отбывших папку с мамулей и улыбнулась. Повезло же мне все-таки с родственниками! Маринка вон со своими каждый день лается, а у нас в семье всем на зависть и удивление было всегда тихо и спокойно и полное взаимопонимание. А зачем же тогда еще жить вместе?

— Слушай, я ведь для чего тебя из постели вытащила, — начала я. — Мне родители трое суток дали на размышление, могу ехать куда хочу. Весь мир у моих ног, а как выбрать? Со вчерашнего дня думаю-думаю, а на ум, кроме газетных скандалов с обманом бедных россиян за границей, ничего не приходит, — я вздохнула. — Ну не в Индию же лететь — на слонах кататься!

— Это ты правильно решила — обратиться к нам за помощью, — как по-написанному складно выдала Маринка. — Профессия наша — помогать клиенту с правильным выбором оптимального набора гарантированных услуг!

— Иванова! У вас там, в казино, особо отличившихся и за границу посылают?

— «Посылают» сама знаешь кто, кого и куда, — Маринка не переставала меня удивлять. — А наше казино — лишь часть холдинга, в котором, между прочим, и свое турагенство имеется. Я, правда, еще там не была...

— А ты такой ценный работник, что в курсе всех направлений деятельности фирмы? — ехидно спросила я.

Но тут же мысленно себя укорила. Бабуля, царствие ей небесное, говаривала: «Нет радости в зависти».

— Если клиент, ошалевший от бешеного выигрыша, пожелает в Париж, мы обязаны оказать ему такую услугу...

— А если клиент «пожелает» тебя? — машинально спросила я, на мгновение представив себя прогуливающейся по Елисейским полям и напевающей под нос песенку Джо Дассена. — Это тоже обязательно исполнять нужно?

— Нет. Тут строгие инструкции, — по ее виду я поняла, что распространяться на эту тему Маринке не хочется.

— Ладно, забудь, лучше дай несведущей совет: в каком краю далеком можно без проблем провести пару недель?

— Да самое простое — через наше агентство на Канары махнуть. Океан, пальмы, вулканический песок на пляжах! Красотища! Опять же — размещение, сервис, экскурсии — все гарантировано солидностью нашего холдинга.

— Ну, Марина, ты как скатерть-самобранка, тебе запрос, а ты — «Извольте!»

— В нашей фирме не веники вяжут, а серьезно занимаются организацией досуга уставших граждан, — важно ответствовала Маринка. — Так что давай, собираемся и — айда на разведку!

— Что, прямо так и «айда»? — не ожидала от Маринки такого делового подхода. Откуда что берется?

— Время, госпожа Блинчикова, это деньги, а деньги, как известно, необходимо ценить! Я тоже пойду собираться, — и, томно поднявшись, Иванова направилась на выход.

В дверях она, правда, подзамялась:

— Мэри, — что-то дало сбой в ее уверенном поведении. — Ты... это... заглянешь ко мне, как соберешься?

Я посмотрела на ее смущенную физиономию; невооруженным глазом видно: очень уж хочется девушке гарантированно произвести впечатление на рядовых и руководящих сотрудников компании.

— Чем сможем — поможем, — интонация опытного стилиста далась мне легко и непринужденно.

Традиционный статус-кво в нашем общении был восстановлен.

Прокопалась я, как всегда, долго, не умею быстро собираться и вечно опаздываю. Хорошо еще лето, на улице — так же, как дома, и не нужно долго ломать голову, надевать ли шапку и подходит ли цвет перчаток к сапожкам. После длительных раздумий я решила остановить выбор на трикотажной синей маечке и юбке в горошек.

Краситься я научилась совсем недавно и старалась придерживаться правила, услышанного случайно по телеку в какой-то косметологической передаче. Ухоженная дамочка без возраста вещала с экрана, что главное в макияже — не перестараться. Выделять нужно что-нибудь одно, объясняла косметическая фея, либо губы — либо глаза. Румянами разрешалось пользоваться в обоих случаях. Следуя феиным советам, я нанесла на щеки совсем немного румян и аккуратно выделила губы, сперва контурным карандашом и затем — ярко-красной помадой.

Новоиспеченной «консуматорше», то бишь Маринке, были выбраны легкие брючки и розовая кофточка с люрексом.

И уже через полчаса мы с Ивановой, переглянувшись и одновременно глупо хихикнув, шагнули в разъехавшуюся дверь туристического агентства «Айс-Парадайс»...

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

...Вечером вся семья собралась за ужином. Вяло ковыряясь в своей тарелке, я таки дождалась маминого озабоченного вопроса:

— Доченька, что-нибудь случилось?

Плотину моих переживаний прорвало. Стараясь говорить спокойно, я в красках живописала подробности своего визита в агентство, лишь оставив романтический образ Степана для внутреннего пользования.

— Никуда я не поеду! — закончила я свою речь. — Что я за границей одна делать буду, когда даже несчастную путевку не в состоянии без позора купить... Мне и здесь очень хорошо.

— Конечно, наша с мамой вина, что тебе пришлось одной побывать в агентстве, — мягко начал папа. — Может быть, ты даже и права: ехать одной, без опыта — дело непростое и пугающее. Но так можно всю жизнь просидеть на одном месте, доча, — он помолчал. — Я, как ты прекрасно понимаешь, сейчас не могу оставить дела — слишком много договоров нужно перезаключать, впереди сезон, у мамы отпуск только в сентябре... Решать тебе, но только не сейчас — с бухты-баряхты, а, предположим, через денек-другой. Договорились?

Я молча кивнула, соглашаясь с родителем.

— Николаша, — мягко вмешалась мама. — Может быть, мы с тобой все-таки сами выберем турфирму и решим сложности с оформлением?

Но папа был категоричен.

— Времена изменились. Человек должен уметь делать правильный выбор, и чем более самостоятелен он будет, совершая его, тем лучше. Боязнь ошибиться — пустые страхи, ошибается тот, кто ничего не делает, верно, дочь? — Он ласково подмигнул мне. — Так что, мать, раз начала, пусть сама все и решает. Мы же всегда рядом и всегда поможем. — Он ласково погладил меня по голове и тихонько добавил:

— Утро вечера мудренее...

Спалось мне неважно. Я часто просыпалась, ворочаясь с боку на бок, но под утро увидела сон — яркий и потрясающий воображение.

Огромные океанские волны поднимаются до неба и с грохотом падают вниз. На бесконечном пляже, усыпанном белоснежным песком, стоит шезлонг. Томно потягивая коктейль, прекрасная незнакомка принимает солнечные ванны. Она не мигая следит за разбушевавшейся стихией. Многочисленные постояльцы отеля, похожего на сказочный замок с высокими башнями, уже который день ломают головы над загадкой ее одиночества.

Русская грустна, холодна и неприступна. Ош часами сидит в дальнем уголке пляжа и игнорирует малейшие попытки к сближению с кем бы то ни было.

Щуплая фигурка негритенка-боя в малиновой ливрейке с серебряными галунами, по щиколотки утопая в белом песке, стремительно бежит к дальнему шезлонгу:

— Мисс Мэри! Мисс Мэри!..»

— Маша, — меня будила мама. — Вставай, доченька, тебе какая-то Екатерина Сергеевна из турфирмы звонит.

— Так рано?

— Какое рано, двенадцатый час уже!

— Да, слушаю вас, — протянула я, не открывая глаз.

— Мария Николаевна, извините, что беспокою, но если вы все-таки не передумали...

Папка, как всегда, оказался прав: утро вместе с вваливающимся в комнату солнцем принесло спокойствие и надежду. Отголоски дивного сна еще колыхались в голове, будоражили душу. И я решила: «Эх, была не была! Канары так Канары!

НА КАНАРСКИХ ОСТРОВАХ

На отдых я летела без группы и сопровождающего, с пересадкой в Брюсселе. Стюардесса, выпроваживая нас из салона, посоветовала побродить по дьютифришной зоне, всячески расписывая здешний выбор сыров. Сыры мне были не слишком интересны, а вот тряпочки — святое дело.

Первым делом я заметила небольшую витринку спортивной одежды, где в самом центре на манекенах красовались потрясающие купальники. Я вошла в магазинчик и скромно, как могла, объяснила, что мне нужно. Продавщица — очень милая дамочка с профессионально сделанным макияжем, доброжелательно улыбнулась.

Конечно, эпоха тотального дефицита уже прошла, и в наших магазинах можно было купить что-нибудь кроме топорно сшитых хлопчатобумажных бюстгалтеров и фланелевых панталон. Но такое изобилие фасонов и расцветок я видела впервые в жизни, а цены! Я просто оторопела: и то хочу, и это. Английский у меня слегка хромал, но я поняла, что все это великолепие можно померить в кабинке.

Схватив разноцветный ворох, я закрылась изнутри и принялась за одно из любимейших занятий любой женщины — примерку. Вертелась перед зеркалами — их было на удивление аж целых три, так что имелась возможность полюбоваться на себя со всех ракурсов. Теперь-то я с благодарностью вспомнила худящую инструкторшу по аэробике, что заставляла меня накачивать мышцы! Не напрасно я столько потела и пыхла, результат моих трудов был налицо, а если точнее — на всей моей упругой и подтянутой фигурке. Мне нравилась эта девушка в зеркале, она довольно улыбалась и иногда даже подмигивала мне. На часы я не смотрела — не до этого было.

Счастливая и удовлетворенная, я расплачивалась у кассы. Сумма вышла астрономическая, но ни от одного купальника я не могла отказаться. Продавщица улыбалась мне, я улыбалась продавщице...

И тут я застыла как вкопанная. Бодрый голос, доносящийся из динамика аэропорта, в третий раз повторял мою фамилию. Мой самолет!

Я сгребла в охапку покупочки: три пакета — три купальника — и рванула по коридору. Слава богу, каким-то чудом я помнила номер терминала! Зрелище, наверно, было презабавное: я бежала что было сил, обеими руками прижимая к груди пакеты. Вихрем пронеслась по рукаву и, взмыленная, ворвалась в салон лайнера.

Городок, где мне предстояло провести свой скромный отпуск, назывался Лас-Пальмос. Название острова звучало еще красивее: Гран-Канария.

Целую неделю я жарилась под невидимым Канарским солнцем, каждый день выходя на пляж в новом купальнике. Особенно мне нравился бирюзовый, с серебристой каемочкой и серебристыми же тоненькими стразами — почти такой же, что красовался на бесподобной блондинке на плакате в агентстве. Мне казалось, он очень подходит к цвету моих глаз. В остальном, надо признать, мой гардероб не отличался разнообразием. Единственное, что я успела купить перед скоропалительным отъездом, был красочный, весь в огромных красно-белых цветах, кусок ткани, и мамуля помогла обшить его красной тесьмой. (Много позже я узнала название нашего с мамой творения — парео). Так вот, парео пришлось очень кстати: я на все лады то заматывалась в него, то небрежно завязывала на талии.

С изрядным аппетитом заправлялась у шведского стола всевозможной вкуснятиной. В самолете от нечего делать я проштудировала бесплатный рекламный проспект и теперь знала, что канарская кухня довольно демократична и включает в себя даже африканские блюда. Особенно я пристрастилась к папас арругадас — я запомнила это смешное название — соленый печеный картофель в мундире, обваленный крупной солью. Ну и, конечно, часто наслаждалась гаспачо — холодным супом из перца, помидоров, огурцов и чеснока. Стол со сладким я старательно обходила стороной.

С удовольствием перечитала любимый роман Бальзака «Беатриса». Каждый день до изнеможения плавала.

Отель был заселен немцами и арабами. Когда я, замотанная в свое парео, выходила к морю, все головы как по команде поворачивались в мою сторону. Немки, кстати, некоторые довольно красивые, недовольно одергивали своих мужей. Естественно, ни о каком знакомстве не могло быть и речи.

Один из них, маленький и вертлявый, приехавший без супруги, в ресторане всякий раз старался расположиться поближе ко мне и отчаянно строил рожи, от которых хотелось плакать. Принимать пищу он выходил в обтягивающих ярко-желтых плавках, видимо, считая себя неотразимым в таком наряде.

Также на пути то и дело попадалась колоритная парочка арабов, похожих на шейхов, при виде меня они бурно жестикулировали и восхищенно цокали языками. Каменно-ледяное равнодушие на моем лице никоим образом их не смущало, и мне оставалось только гадать, какими эпитетами они изо дня в день награждали мою скромную персону.

Растительное состояние подобного «ничего неделания» мне очень даже нравилось, но к концу недели я начала немного скучать. Хотелось чего-нибудь экзотического, необычного, хотелось романтики. В конце концов, я пролетела над всей Европой не только для того, чтобы ловить на себе похотливые мужские взгляды.

Каждую ночь мне снился Степан. Он наклонялся ко мне близко-близко, чертики в его насмешливых глазах плясали, блеск перстня завораживал. Иногда мечты уводили чуть дальше, за грань дозволенного, и я просыпалась в легкой истоме. Медленно, не спеша, шаг за шагом я пыталась выстроить план, логическую цепочку, которая могла бы способствовать повторной встрече со Степаном. По возвращении домой прийти в агентство с пачкой фотографий, удостоверяющих мой восторг от поездки? И на обороте каждой написать мой номер телефона? Нескромно, к тому же у меня не было фотоаппарата. Дежурить каждый день у входа в казино на манер прелестной незнакомки? А вдруг звезды откажутся помогать мне, я проторчу там неделю и вызову подозрения у охраны? Позора не оберешься... Да и не мой это стиль — добиваться, интриговать, хитрить. Может, написать, подобно Татьяне Лариной, романтическое послание? На какое-то время меня очень увлекла эта идея.

В детстве я сочиняла стишки и одним полноценным стихотворением особенно гордилась, Полноценным — потому что благодаря папиным стараниям его даже напечатали в журнале «Мурзилка». Оно звучало так:

Кошка сиамская шла по дороге
И промочила все задние ноги.
Лапки передние в муфту убрала,
Только на задних домой поскакала.

Помню, еще была жива бабуля, и она каждый раз с хитрецей спрашивала: «Машенька, а откедова у кошечки муфта взялась?» Она так и говорила: «откедова», и сеточка морщинок вокруг добрейших глаз становилась частой-частой. Я недовольно хмурилась и по-взрослому объясняла, что муфту кошка купила в магазине, а деньги взяла в тумбочке.

«Зачем я повстречалась с вами? Я вся смятения полна...» — тихонько декламировала я вслух. Какой-то смуглый немец, греющий свои косточки у самой воды, поднял голову, оглянулся (наверное, в поисках благоверной) и внимательно на меня уставился. Я привычно растянула рот в вежливой улыбке и продолжила свои экзерсисы.

Но на ум почему-то лезли именно пушкинские строки, и я постоянно сбивалась. «Степан вошел, я вмиг узнала, вся обомлела, запылала и в мыслях молвила: вот он!..» Онегина я со школьных времен знала почти наизусть. Да, лучше, пожалуй, и не скажешь. Нет, я не Пушкин... Стоп, это уже Лермонтов, и не Пушкин вовсе, а Байрон! Я рассмеялась и решила заканчивать филологический эксперимент. Загорю, отдохну, похорошею до неприличия, вернусь, и — что-нибудь само придумается! Уже входя в теплый обволакивающий океан, я заметила изумленный взгляд смуглого дядьки. Мне показалось, что он собирается рвануть за мной, но рядом послышался визгливый женский голос, и я вздохнула с облегчением.

...Одной отправляться на гостиничные танцуйки не хотелось, я вообще шума и гама не люблю, экскурсии тоже не привлекали. На седьмой день я решила покинуть наконец пределы отеля и поближе познакомиться с городом. Мама с папой, наверное, захотят услышать от меня что-нибудь более интересное, чем описание пляжа при отеле. Да и подарочки купить любимым родственничкам тоже не помешает.

Городок был милым, почти игрушечным местечком. Довольно быстро истратив имевшиеся в наличии песеты на сувенирчики маме и папе, я неторопливо вышагивала на своих выходных шпильках по мощенным булыжником петляющим и крутым улочкам. Поначалу я слегка робела, не приходилось еще Мэри Блинчиковой так далеко уезжать от папы с мамой. Одно дело — сидеть в гостинице с забором и услужливым персоналом, а другое — прогуливаться одной в хоть и маленьком, но все-таки незнакомом городе, и вокруг — ни одной русской души! Редкие прохожие приветливо смотрели в мою сторону. Я осторожно улыбалась в ответ.

Уличный музыкант, сидя прямо на мостовой и в такт мотая головой, наигрывал на своей маленькой гитаре что-то латиноамериканское. Сзади послышался шум автомобиля. Чуть подавшись в сторону, я продолжала свою прогулку. Может быть, где-нибудь перекусить? Заманчиво. Сейчас найду какой-нибудь милый ресторанчик, их тут пруд пруди, зайду туда, закажу...

— Простите, но мне кажется, что мы где-то встречались, — раздался за моей спиной голос, который я бы хотела сейчас услышать больше всего на свете.

Я стремительно обернулась и еле устояла на ногах. Поверить в это было почти невозможно, но объект моих девичьих грез, мой Онегин, стоял предо мной, небрежно облокотившись на дверцу красного авто с открытым верхом. В романах в таких случаях обычно пишут: «Я ущипнула себя за руку, чтобы убедиться, что не сплю...» Покачиваясь на своих шпильках, я думала: как хороша и прекрасна жизнь! Мой кумир широко улыбался и глядел на меня с искренним восхищением. Как он был хорош! В голубой футболке и длинных шортах до колена он выглядел еще привлекательнее, чем в строгом деловом костюме. Губы мои сами расползались в ответную улыбку.

— Вас, очаровательная юная леди, невозможно не узнать даже в этой экзотической обстановке, — обворожительно говорил Степан.

— А вы, как я вижу, не очень-то церемонитесь с малознакомыми людьми, — выдала я первое, что пришло в голову. — Или это так принято у новых русских?

Он звонко рассмеялся:

— Какой же я новый русский? Обыкновенный высокооплачиваемый, но все же — наемный работник. Так что, уважаемая, тут вы попали пальцем в небо. А по поводу моей бесцеремонности, — он широко развел руками, — как видите, здешние улицы не столь широки и разминуться вам с моим «ситроеном» было бы затруднительно. Поэтому зачем терять время на пустые разговоры?

Сперва я даже не сообразила, почему ярко-синее канарское небо вдруг оказалось прямо перед глазами: он подхватил меня на руки так стремительно, что, только почувствовав ощущение короткого полета, я поняла, что же произошло с моим уставшим телом.

Еще мгновение, и мой герой аккуратно опустил меня в нагретый солнцем кожаный салон.

Что опьянило меня больше в тот день? Вкуснейшая необычная еда? Терпкое, ни на что не похожее испанское вино? Долгое ожидание чудес и приключений? Не знаю.

Я впервые находилась наедине с человеком гораздо старше меня по возрасту, в обстановке, в которой мне еще ни разу в жизни не приходилось бывать, и необычность островной жизни, томная нега от бездельной недели рождали легкое головокружение.

Ужинали мы в ресторанчике на набережной. Местечко называлось «Валенсия». Мы уселись в прохладном сумраке ресторана, везде на столиках горели свечи. Снова звучала латиноамериканская музыка, хриплый гортанный голос выводил что-то очень задушевное. Самобытный интерьер: темного дерева столы, по стенам развешаны связки чеснока, натянутая перед стойкой бара рыболовная сеть с керамическими разноцветными рыбками — все радовало глаз. Особенно я запомнила рыбок — они располагались парами...

Со Степаном было потрясающе легко общаться. Говорил в основном он, я же слушала вполуха, понимая в лучшем случае половину из сказанного. Я наслаждалась музыкой его голоса, с трудом вычлняя смысл.

— ...Канары называют Счастливыми островами Блаженных или Сказочными садами Гесперид — дочерей титана Атланта, державшего на своих плечах небесный свод, — как маленькой девочке, рассказывал Степан.

У него была забавная манера жестикулировать руками, про что бы он ни говорил. Признаюсь, от непривычности происходящего я чуть-чуть одурела и как будто раздвоилась. Одна половинка меня сидела в чудном ресторанчике на берегу океана и непринужденно вела светскую беседу с малознакомым мужчиной, автоматически отпуская реплики и отвечая на вопросы. Другая же — буквально надрывалась от счастья, сходила с ума от близости того, с кем — интуитивно я это чувствовала — свела меня сама судьба. В голове немножко шумело. Я как замороженная внимательно следила за темно-изумрудным перстнем, выделяющим немислимые кренделя в воздухе. Степан поймал мой взгляд.

— Это фамильный перстень, от бабушки, и я ни при каких обстоятельствах с ним не расстаюсь, — пояснил он и положил прямо передо мной узкую смуглую кисть. Кольцо волшебно светилось, от него исходил какой-то магический свет. — Это александрит, камень, обладающий свойством менять свой цвет. А бабушка... Когда-нибудь вы услышите

подробную историю ее жизни...

Я послушно кивнула. Звучало это многообещающе. Я уже заранее обожала бабушку Степана, равно как и его необыкновенный перстень, и его полосатую футболку, так удивительно подходящую по цвету к глазам, и морщинки вокруг рта... Я находилась словно под воздействием гипноза. Могла ли я, сопливая абитуриентка, еще две недели назад представить себе, что буду сидеть в волшебном ресторанчике на Счастливом острове, и не одна, а с женщиной, да еще каким мужчиной!

— Да, вы еще что-то упоминали про Геракла, — напряглась и вспомнила я.

— Верно. Геспериды жили в сказочном саду, где росла яблоня, приносящая золотые плоды. Чтобы обрести бессмертие, греческий полубог Геракл должен был похитить три золотых яблока. Направляемый Прометеем, Геракл решил хитростью добыть яблоки...

Смуглый симпатичный официант поглядывал на нас, лукаво улыбаясь. Еще до того, как мы успели сделать заказ, перед нами красовалось блюдо с маленькими поджаренными хлебцами, на которые следовало намазывать томатную или чесночную пасту. И стихов никаких не пришлось выдумывать, вот как все потрясающе получилось! Ничего себе, а если бы я тогда не пошла к Маринке за яйцами, то не сидела бы сейчас здесь, и жизнь прошла бы стороной, сто-рон-о-ой! — сладко пела вторая половинка.

— В самолете я что-то читала про вилки, — чуть смущаясь, призналась я. — Но на английском не все поняла.

Степан громко расхохотался.

— Здесь, как и в Испании, рестораны разделяются по «вилкам»: одна вилка — самая простенькая забегаловка, пять — шикарное дорогое место.

— А, как звезды, которые присваиваются разным гостиницам! — догадалась я.

— Точно. Только есть одна хитрость — вилки даются за роскошь в интерьере и выборе блюд, а не за качество еды, — объяснил Степан. — Как вы думаете, Мэри, сколько вилок имеется в этом уютном местечке?

— Я бы дала все десять! — пошутила я.

— Всего четыре! Но кормят, поверьте, здесь отменно.

В стороне от нас весело проводила время шумная компания. Одно слово слышалось чаще всего.

— Степан, может, вы знаете, что обозначает это «патамадре»? — неожиданно для самой себя спросила я.

Сидевший за соседним столиком мужчина обернулся и уставился на меня во все глаза. Степан давился от смеха.

— Путамадре, — отсмеявшись, он придвинулся ближе. — Вообще-то это ругательство, так говорят истинные канарцы. Но оно не оскорбляет человека, а отражает все то, что составляет радость жизни под солнцем.

— А-а, поняла! Это как Эллочка Щукина у Ильфа и Петрова говорила: «Хо-хо!»

— А с вами интересно!

А потом мы наслаждались паэльей — название этого традиционного испанского кушанья я слышала впервые. Паэлью принесли, как и полагается, в огромных размеров сковороде, и ели мы ее прямо оттуда, причем ложками. Чего только не было в паэлье: и мясо, и рыба, и морские гады всех видов, и овощи, и диковинные специи... Ничего вкуснее в своей жизни я не пробовала.

Моя скованность и некоторая растерянность потихоньку растворялась в густом красном

вине. Незаметно мы перешли «на ты», а непроизвольные касания рук во время еды создали иллюзию близкого знакомства и доверительного общения.

Степан неожиданно склонился над столиком и взял мою руку в свои ладони.

— Дорогая, послушай меня. Ты сводишь меня с ума... — Холодные голубые глаза сощурились, голос стал хриплым.

Внутри у меня все опустилось и заныло. Полозов медленно водил по моей ладошке перстнем, он был гладкий и теплый и искрился от пламени свечи. Моя рука будто засветилась изнутри, наполняясь волшебным изумрудным сиянием.

— Когда я впервые увидел тебя, то сразу понял — ты удивительная...

Степан странно и отрешенно улыбался, но светлые глаза оставались серьезными. Я поглядела в них и увидела пропасть, бездонную и зовущую, на один короткий миг почувствовав себя маленьким зверьком перед пастью удава. Время остановилось, пространство съежилось до яркого зеленого пятнышка на моей ладони. Звуки исчезли, остался только хриплый голос, звучащий будто из другого измерения.

Ничего подобного в моей жизни мне испытывать не доводилось. Сил сопротивляться уже не осталось, от его властных пальцев словно исходил электрический заряд, сочившийся вглубь, до самых-самых отдаленных клеточек моего тела. Я в изнеможении прикрыла глаза...

Нежные прикосновения уверенных умелых пальцев сводили с ума. Что он со мной делает? Степан что-то говорил тихим и низким голосом, но слова мне были уже не нужны. Пальцы неторопливо ползли вверх, а затем так же, не спеша, опускались вниз. Мощные чувственные волны подхватили и раскачивали, бурля и переливаясь подо мной. Стихия набирала обороты, соленая вода налетала, швыряла, сбивала с ног. Тяжелые сладострастные капли падали на лицо, гладили спину, забирались в самые сокровенные тайники...

Движения рук становились более сильными и настойчивыми, я тяжело задышала, уже давно не замечая ничего вокруг. Напряжение стало невыносимым.

Если он сейчас остановится, я умру... Я громко застонала. Последняя сладкая волна наслаждения вознесла меня высоко-высоко к небесам и... с грохотом сбросила вниз.

Я открыла глаза. Степан совершенно спокойно сидел на своем месте и благодушно, как Чеширский кот, улыбался.

Я провела вспотевшей рукой по лбу, пытаюсь успокоиться. Что это было, почему он так спокоен? Я только что побывала в раю, на самом пике блаженства, и возвращаться обратно было страшно. Я в страхе огляделась по сторонам. В полусумраке все так же мягко горели свечи, появлялась и пропадала неуловимая тень официанта, почти неслышный перезвон приборов...

Глаза мужчины, сидящего напротив меня, продолжали пристально изучать меня, Гулко билось сердце, но дыхание восстанавливалось — я уже не походила на загнанную лошадь. Фантастический взрыв эмоций, пронесшийся во мне подобно цунами, успокоился и залег на дно.

Я нисколько не удивилась, когда Степан, внезапно замолчав и выдержав некоторую паузу, тихо сказал:

— Ты покажешь мне свой отель? Мне бы очень хотелось побывать у тебя в гостях...

Так началась *наша* неделя пребывания на острове.

Каждое утро красный «ситроен» ждал меня у выхода из гостиницы. Нет особой нужды

подробно останавливаться на курортных прелестях, которые окружали нас: океан, солнце, маленькие уютные кафешки, доброжелательные лица... Любая девушка в наше время хотя бы раз побывала на курорте. Но тогда для меня все было впервые. Я первый раз была за границей. Никогда раньше не окружала меня столь роскошная обстановка. И — что, как вы понимаете, было самым главным, — я встретила своего первого мужчину.

Свой по-детски надменный тон я отбросила в первый же день нашей встречи на острове. Я боготворила Степана и просто растворялась в нем. Моя уверенность в том, что мы «нашли друг друга, поженимся, будем жить долго и счастливо и умрем в один день» была непоколебимой.

Я не задавала Степану вопросов о его семейном положении. Мне это было не нужно. Я попала в сказку, а у сказки не бывает несчастливого конца. Несколько раз я собиралась выяснить, кто Степан по гороскопу, но слова замирали у меня на губах. Я хотела, чтобы он рассказывал обо всем сам. К тому же — тогда я не могла в этом себе признаться — я подспудно боялась, что Степан окажется «не моим» знаком и это омрачит общую картину счастья. Правда, иногда на дне моего наивного неопытного сознания шевелился червячок... Но сказка, которая окружала меня, заставляла гнать подобные мысли прочь.

Целоваться мы стали в первый же вечер. Но пока это было все. Когда неторопливо и умело Степан ласкал меня, комната начинала медленно плыть перед глазами. Он словно любовался и наслаждался формами диковинного цветка, бесконечно нежного в своей природной хрупкости. Счастлива в те минуты я была безмерно, и все происходившее начисто лишало меня способности думать. Я просто плыла по течению этой безмятежной реки и каждой клеточкой своего тела впитывала ее космическое умиротворение, совершенно не отдавая себе отчета, чего ему стоит так держаться со мной.

Новое, прежде не изведенное чувство росло и укреплялось во мне. Сама судьба столкнула нас в этом райском уголке земли, и мы предназначены друг для друга высшими силами. Казалось, весь мир знает, как я счастлива, и ликует вместе со мной. В школе на уроках английского мы смеялись над выражением: *fall in love*, то есть «быть влюбленным». Теперь я понимала, что это значит: я упала в любовь, погрузилась в нее без остатка, как капля падает в море и растекается в нем. Но в то же время вознеслась ввысь, к небесам, я парила, летала над землей в своей любви.

Но Степан ни на чем не настаивал и ни к чему меня не понуждал. Я часто засыпала под успокоительные ласки и, просыпаясь на следующее утро, удивлялась, отчего Степана нет рядом. Но каждую ночь он уходил, а утром его неизменный «ситроен» вновь ждал меня.

Вечерами, когда на землю опускалась долгожданная прохлада, мы спускались к океану. Бродили по берегу, взявшись за руки. Степан говорил, говорил, а я слушала... Лунная дорожка серебрилась, уходя в бесконечность, безмолвный океан лежал у наших ног. Степан рассказывал массу интересных вещей. Я впитывала в себя все, как губка. В детстве Степан увлекался астрономией — надо же! — и до сих пор помнил множество названий на звездном небе.

Помню, на том занятии Эльги Карловны, которое было посвящено небесной карте, меня постоянно отвлекала Василиса. У нее как раз намечался новый виток в ее романтическом увлечении, Василиса не могла сдерживать чувств и нашептывала на ухо вещи, вгоняющие меня в краску. Василиса была старше и опытнее, и у нее было чему поучиться. Кроме, пожалуй, того, что созвездий не двенадцать, как я раньше думала, а больше восьмидесяти, с того занятия я не вынесла. Эльга ворчала, мы хихикали...

Степан рассказывал об агате, мистическом камне-талисмане, связанном с моим знаком — знаком Тельца. Рассказывал, как ценился талисман мая в средневековой Европе, считался оберегом, но мог ввергнуть владельца в глубокую печаль.

Но как манило своей далекой таинственной красотой иссиня-черное небо, сплошь усеянное маленькими бриллиантами звезд! Я долго запоминала расположение моего созвездия на небе. Потом, в минуты особой грусти, я частенько отыскивала на небе свой «Тaurus» и гадала: а не вспоминает ли Степан, так же глядя в космос, как мы были счастливы тогда?

С НЕБЕС НА ЗЕМЛЮ

В последние два дня погода заметно испортилась. На небо то и дело набегали облака, океан шумел. Время нашей сказочной идиллии неумолимо приближалось к концу. Нам оставалось насладиться последним днем отдыха: на следующее утро мы улетаем.

В то утро накануне отъезда я проснулась очень рано. Весь отель еще спал. Я тихонько вылезла из кровати, быстро натянула шерстяной купальник черного цвета времен расцвета арт-деко, третий по счету: штанишки-бикини на высоком поясе и топ с рукавами в две четверти, плотно облегающими предплечья. Спустя минуту мои босые пятки звонко шлепали по мореному дубу замковых лестниц, и вот он — рокочущий Атлантический океан.

До сих пор, вспоминая этот день, я ощущаю не сравнимый ни с чем запах моря, шум волн и скрипучий прохладный песок под ногами и думаю, что же двигало мной тогда? Какие небесные силы вырвали меня из сладкого девичьего сна и понесли туда, где судьба готовилась совершить крутой замысловатый вираж? И каждый раз не знаю, что ответить.

Наперерез бросился непонятно откуда возникший служитель пляжа.

— Мисс! — Молодой парнишка в полосатом трико указывал на смешной, тоже полосатый матерчатый определитель направления ветра и на ломаном английском пояснял: — Купаться опасно, ветер дует от берега!

Но я твердо решила искупаться напоследок и не была расположена выслушивать разумные советы. Сбежав по выбитым в скале ступенькам прямо к беснующимся волнам, отважная покорительница вод Карельского перешейка смело ринулась в океанскую пучину.

Я смело пошла саженками вперед, но волны в небольшой бухточке были сильны и упрямы. Моих сил хватило ненадолго, и пришлось повернуть к берегу. Не знаю, сколько времени мне пришлось бороться с океаном, но последнее, что отложилось в сознании, когда случайная волна подбросила меня кверху, была фигура в полосатом трико, растерянно мечущаяся по маленькой площадке скального пирса. Потом силы оставили меня...

— Мэри... Мэри... — голос доносился откуда-то издалека, и единственное осязаемое ощущение — большие теплые ладони, на которых покоилась моя голова. Я открыла глаза.

На пляже мы находились одни. По загорелому бедру Степана разметались мои волосы, но я не чувствовала тепла его тела. Только от ладоней исходил бодрящий ток жизненных сил.

— Дурища ты, дурища, — но в голосе его было столько нежности и ласки, что я тихонько попросила:

— Скажи еще раз...

— Дурища...

Невесть по какой причине мышцы рук налились былой энергией. Я с силой притянула моего спасителя к себе и нежно поцеловала. По-настоящему — в губы. И поняла, к чему мы шли эту долгую божественную неделю. Мне хотелось одного: чтобы сильные мужские руки держали меня в объятьях и чтобы этот человек вот так же, как сейчас, закрывал глаза в упоении и делал со мной все, что захочет. Мысли покидали меня, и из последних сил я шепнула:

— Отвези меня к себе...

Я очнулась, когда машина остановилась у подножия настоящего средневекового замка. Степан заглушил мотор, выбежал, открыл дверцу и снова легко подхватил меня на руки. Как

во сне мимо проплывали четырехугольные башенки, обвитые плющом, стены с переходами, подъемные ворота...

В голове шумела Атлантика, я словно еще качалась на тяжелых грубых волнах. На губах остался терпкий соленый вкус. Чопорный дворецкий в струнку вытянулся перед нами. Степан ногой толкнул тяжелую дубовую дверь. В холле гостиницы было гораздо прохладнее, чем снаружи. Все утопало в цветах, их сладкий аромат, мешаясь с запахом мужчины, манил пьянящей вседозволенностью и свободой и сводил с ума. В полумраке за стойкой ослепительно улыбался консьерж. По резной лестнице Степан понес меня наверх.

А потом...

В последнюю ночь мы тоже были на берегу океана. Легли прямо на еще теплый песок и наслаждались близостью друг друга. Чернильное небо над океаном и звезды, звезды, звезды... Шорох прибоя сливается с нежно звенящим напряжением всех мышц.

Что это был за день! Я представляла себя спящей красавицей, дождавшейся наконец своего принца. Мне показалось несколько странным выражение лица Степана после того, как он отпустил меня, но я была слишком обессилена и ошарашена произошедшим, чтобы о чем-то размышлять. Я чувствовала: то, что случилось со мной сегодня, что в последнее время манило и вызывало смущение и безотчетный страх, на самом деле прекрасно.

Я была безмерно благодарна человеку, который был рядом со мной в эти минуты. Это было так не похоже на давно знакомые искреннюю радость и признательность по отношению к родителям и друзьям, что, недолго думая, я честно призналась: «Я люблю тебя! Люблю навсегда!..»

Это были последние счастливые впечатления моего первого в жизни путешествия. Белоснежный лайнер с королевской короной на борту нес нас домой, в Петербург. Уже во время полета я начала чувствовать какое-то едва заметное отчуждение Степана. Он по-прежнему был нежен и ласков, но сердцем я ощущала: он отдаляется от меня. Между нами незримо ощущалось напряжение.

Я как могла старалась сохранять непринужденный вид, но в сердце уже вползала тоска. Один за другим в голову полезли страшные мысли и вопросы: «Все было слишком хорошо, девочка! Что ты действительно знаешь об этом человеке? Женат он или нет? Ты подумала о том, что дома у него могут быть не только жена, но и дети, собака, которую он привык выгуливать по утрам? Да мало ли что может позволить себе одинокий на время отпуска умный и красивый мужчина...»

— Дорогой, тебя будут встречать? — с невинным выражением на лице обратилась я к Степану, когда самолет начал заходить на посадку,

— Надеюсь, что нет, — натянуто улыбнувшись, ответил он и прикрыл глаза рукой.

Вид у него был какой-то измученный. Перстень блеснул фиолетово-холодно и неприступно. Говорить больше было не о чем.

«Жить осталось так мало, мне уже семнадцать лет, — машинально напевала я песенку, пытаясь себя развеселить. — Соберись, Мэри, соберись! Представь себе, что ты находишься в начале долгого поиска своего *настоящего* счастья. Там, внизу, лежит большой и красивый город, который тоскует без тебя. Тебя ждут новые впечатления и знакомства, любящие родители и полная неизвестности, а потому заманчивая перспектива новой жизни, в которой, как ты узнала недавно, есть место и таким замечательным ощущениям!»

Но все это я проговаривала внутри себя автоматически. Казалось, что кто-то со стороны — кто-то довольно умный и компетентный — уже оценил ситуацию и начал нашептывать полагающиеся в таких случаях утешительные рекомендации и нравоучения. Мэри, ты просто спишь и видишь сон, сон про плохое настроение Степана. Вот сейчас ты проснешься и перед собой увидишь любимую летящую улыбку, и любимый, с хрипотцой, голос скажет...

Папа с мамой, конечно, встречали меня. Что-то подсказывало мне, что не стоит знакомить их со Степаном. Он как будто прочитал мои мысли. Мы прошли таможенную регистрацию. Я держалась изо всех сил, скорчив милую гримаску равнодушия, и еще на что-то надеялась. Его сухие мягкие губы коснулись моего лба.

— Позвоню. — И это было все.

КНИЖКА ЭНД ПОВАРЕШКА

Осенью я, первокурсница Блинчикова, погрузилась в новую, интересную и шибутную студенческую жизнь.

Сентябрь вместе со своими несчастными сокурсниками и сокурсницами я провела в деревне с роскошным названием «Худанки». Это был полный кошмар. Потом по ночам я долго просыпалась в холодном ужасе и подскакивала в постели: мне снился наш барак на 10 кроватей с чуть ли не земляным полом, тоненькая струйка ледяной воды в черно-ржавом сортире и картошка, картошка, картошка...

Первый курс, скорее интуитивно, нежели расчетливо, был полностью отдан наукам и больше напоминал добровольное удаление в монастырь. Я с особой теплотой вспоминаю это время, когда мы, как первоклашки, гордые своей принадлежностью к студенческой корпорации, где надо и не надо бравировали своим новым положением и даже с совершенно посторонними людьми предпочитали общаться на фирменном языке финэковского сленга.

Практически все свободное время делилось между учебой и помощью отцу. К тому времени наше семейное предприятие окончательно зарекомендовало себя серьезным общепитовским подразделением. Забот изрядно прибавилось: постоянные клиенты, увеличившийся штат. Папке, человеку уже немолодому, справляться со всем этим было откровенно тяжеловато. Я вертелась, как белка в колесе.

Публика собиралась разношерстная. Каждый день в нашем уютном зале одновременно за разными столиками умещалось с добрый десяток всяких президентов, да вице-президентов, да менеджеров старшего и далее звеньев. Визиток за неделю набиралось столько, что хоть в макулатуру сдавай. В общем, наблюдался «классический угар нэпа», а я выступала в роли семейного представителя предприятия на всех фронтах.

Не скрою, я очень сильно уставала — и физически, и морально. С раннего утра — в университет. С учебы я мчалась в кафе. Приходилось и за стойкой стоять, и помогать на кухне. Как сапожник без сапог, толком не успевала нормально поесть, так, на ходу что-нибудь закинешь в себя — и ладно. А еще книжки-тетрадки-зачеты-сессии! До постели я доходила еле живая.

Иногда запах еды, непрекращающийся звон посуды и вид постоянно жующих челюстей вызывал отторжение. Я брала тайм-аут и ползла домой. Отдушиной была ванна. Я часами отмокала в горячей воде, представляя, как медленно растворяются в ней все неприятности и заботы. Иногда звонила давнишней подруге Аришке, и мы выбирались куда-нибудь в кино. Вот и вся личная жизнь!

Вспоминала ли я Степана? Я старалась забыть волшебную сказку на острове. Уже давно не подбегала к телефону с бьющимся сердцем в надежде: а вдруг?.. Давно не рыдала ночами, обняв подушку. Перестала лелеять дурацкую мечту о том, что Степан просто потерял мой номер и скоро примчится ко мне на крыльях любви.

Но иногда не могла победить тоску и начинала ворошить прошлое. Может быть, я слишком быстро и сильно полюбила его? Степан мог счесть меня молоденькой дурочкой, которой безразлично, кому подарить себя в первый раз. Но я же знала: это — настоящее! Может, не следовало так открыто объявлять свои чувства? Мог ли он не поверить, что я была честна с ним? Я вновь и вновь перебирала в памяти все, что было между нами. Я искала счастья. Разве это преступление — желать его? Разве неправильно — быть искренней с тем,

кому отдаешь себя целиком?

Чувственное «я» рвалось наружу, томилось и металось в клетке, словно раненый зверь. И перед глазами стоял взгляд Степана, тяжелый и холодный, от которого бежали по спине мурашки и становилось не по себе.

Я перебирала в памяти книги, где несчастных героинь бросали любимые мужчины. Взять ту же Татьяну Ларину. С Онегиным секса у нее не было, зато она первая ему открылась в своих чувствах. Я, помнится, тоже собиралась писать письмо. Может, еще не поздно?.. Говорила ли я Степану, что люблю его? Я пыталась вспомнить его глаза, но не могла. Кто там еще? Анна Каренина — у нее хоть ребенок остался. Анну было жалко, хотя под поезд я все-таки бросаться не собиралась, а вот Катерина Львовна, то бишь «леди Макбет», не вызывала сочувствия. Любила бы своего Сергея и других не трогала! А то не страсть, а преступление одно получается... Сама она, в общем, была во всем виновата. А правильно ли вела себя я?

Как-то зимой, перемещаясь на метро из университета в кафе, я уютно дремала в уголке под мерный перестук колес. Вдруг что-то заставило меня открыть глаза. В другом конце вагона я увидела знакомый разворот плеч и аристократический профиль. Неужели?.. Прижимая к себе тяжеленную сумку, я вскочила с места и стала пробираться вперед, туда, где в рыжей меховой шапке стоял Он. Скорей, сейчас будет остановка! В полном беспмятстве я тронула рукав мягкой на ощупь дубленки и будто со стороны услышала свой собственный голос: «Здравствуй...» Ой! Какой ужас! Молодой черноглазый парень с интересом разглядывал сумасшедшую девицу, которая уже потеряла всякий стыд и пристает к мужикам в общественном транспорте. И этой девицей была я, Мэри Блинчикова! Окружающих ситуация явно забавляла. Как я сейчас понимаю, симпатичный молодой человек был бы не прочь познакомиться, но я шарахнулась от него в сторону и — о счастье! — поезд остановился. Лепеча извинительные слова, я выскочила из вагона. Сзади что-то кричали, но я бежала прочь, на улицу, на воздух. Поднявшись по эскалатору наверх и чуть отдышавшись, я поняла, что забыла на сиденье перчатки... В кафе я в тот день не поехала, проревев весь оставшийся вечер в своей комнате. Я оплакивала новенькие кожаные перчатки и свою пропавшую молодость.

Но злости как таковой на Степана, как ни странно, не было. Каким-то шестым чувством я ощущала, что, несмотря ни на что, благодарна ему за все, что случилось. Я была уже достаточно взрослой для того, чтобы понять: с первым мужчиной мне повезло. Даже если его присутствие в моей жизни длилось всего неделю. В этом хаосе, смятении чувств, что царили в душе, жила даже гордость. Гордость за то, что Степан был моим. Семь дней его насмешливые холодно-голубые глаза смотрели только на меня. В общем, я выросла и набиралась мудрости.

Но время поистине лучший доктор, и боль притуплялась. Несмотря на колоссальные нагрузки, отражение в зеркале все больше и больше радовало меня. Я с прежним рвением убирала квартиру: Тельцам, как известно, необходим порядок и в доме, и в голове. Родителей уже не пугало мое безжизненное лицо и потухший взгляд. Конечно, они догадывались о многом, но у них хватило ума и такта не приставать ко мне с расспросами.

С превеликим трудом я заставила себя снова ходить на занятия аэробикой, но потом втянулась. Мышцы как будто истосковались по привычным упражнениям, да и голова прочищалась. Выбиралась в зал лишь два раза в неделю — на большее времени не хватало.

В общем, решив самоутверждать свою личность учебой и работой, я вполне преуспела.

Первый курс я закончила на одни пятерки. Заработала повышенную стипендию, рублей шестьсот! Два оставшихся летних месяца трудилась в кафе. Папа с мамой как-то пытались заикнуться о том, что хорошо бы великой труженице и отличнице отдохнуть, но, встретив мой мрачный взгляд, больше на эту тему не заговаривали.

Зато приготовили для меня потрясающий подарок. Как-то вечером я усталая вернулась домой, ввалилась к себе в комнату и — застыла на пороге в немом изумлении. Меня ожидал сюрприз — округлый, переливающийся, как мне сначала показалось, всеми цветами радуги аквариум на тоненьких резных ножках. Внутри было все что нужно: подсветка, и перламутровые камушки, и переплетающиеся чудесным образом морские водоросли, и таинственные гроты. Но главное — там были рыбки, целых пять штук! У меня прямо дух захватило от такой красоты. Когда спустя двадцать минут папа вошел в комнату, я продолжала сидеть на полу и, как замороженная, не могла оторвать взгляда от своих новых подружек.

— Папка! Ты просто чудо! Они такие удивительные, я всю ночь буду тут сидеть и смотреть на них!

— Мы очень надеялись, что тебе понравится, Машенька, — папа радовался не меньше меня. — Ты придумаешь им имена?

— Ну конечно! А это мальчики или девочки?

— Вот этот, синий с красным хвостом — мальчик, это лабео двухцветный. Остальные — все девочки, видишь, они покрупнее.

Из грота царственно выплывала черная красавица с коротеньким туловищем.

— Ой, пап, а эта как называется?..

— Это скалярия, — после некоторого раздумья ответил папа. — Если честно, Машутка, остальные записаны у мамы на бумажке, надо посмотреть. Уж больно сложные у них названия.

К выбору имен моих новых питомцев я подошла очень серьезно. Должна же я к ним как-то обращаться! Неделью я ломала голову, пока однажды ночью, крутясь на подушке и в который раз отгоняя канарские воспоминания, меня не осенило — созвездия! Названия некоторых из них звучали так необычно и романтично. Может быть, конечно, оттого, что мне о них рассказывал Степан... Но рыбки — мои, и я имею полное право назвать их так, как заблагорассудится!

Покопавшись в столе, я наконец нашла конспект занятий Эльги Карловны. Нужное, по закону подлости, было испещрено цветочками и смешными рожицами. Машинально листая тетрадку, наткнулась на свой знак. Так, Телец... «Решителен, предан и постоянен в своих пристрастиях... Спокоен и нетороплив, страстен и чувственен. Ох... Привязан к земле... упорен и трудолюбив... как правило, добивается поставленной цели». Последняя фраза понравилась мне больше всего, и я захлопнула тетрадь.

На следующий день пришлось идти в книжный. Купила красочное издание «Астрономия в картинках» и весь вечер просидела, изучая карту звездного неба. Наконец достойные имена были выбраны. Черная скалярия, моя любимица, получила имя Кассиопея. Яркая желто-розовая пецилия стала Андромедой. Согласно греческому мифу, Андромеда была дочерью эфиопского царя Кефея и царицы Кассиопеи. Грозный бог морей Посейдон предназначил царевну в жертву морскому чудищу, но храбрый Персей спас ее. Были ли они потом счастливы?..

Изящная гуппи с разноцветным, как у павлина, хвостом, нареклась Лирой (арабы

называли это маленькое, но очень красивое созвездие «Падающий Орел»), Ну и самая большая и самая активная рыбеха невиданного леопардового окраса была по логике вещей названа Большой Медведицей, семь ярких звезд которой образуют знаменитый ковш. Греческая легенда гласит, что могучий Зевс превратил прелестную нимфу Каллисто в медведицу, потому что опасался мести своей ревнивой супруги Геры.

Непроизносимое название породы пятнистой Медведицы могла бы запросто взять в оборот героиня фильма «Карнавал», которую сыграла актриса Муравьева. Помните, она работает дворником и, перебирая во рту орехи, бормочет поговорки? Я очень люблю этот фильм и обычно плачу, когда героиня возвращается домой к маме, сидит у изголовья кровати и гладит маму по плечу, а мама такая старенькая... Так вот, порода Медведицы называлась «птеригоплихт».

Единственного мужчину в компании я шутки ради окрестила Геркулесом — чтобы не терялся на фоне своих бойких подружек. Хотя вид у него был весьма и весьма subtilный.

САША ПЛЮС МАША

Снова наступила осень, начался второй курс. В тот год город стал неожиданно «очень-очень сексуально озабочен». Все и вся — газеты, телевидение, даже бабки у подъезда на все лады жевали и мусолили тонкости межполового общения. Возникло множество независимых театров-студий, где эротику почитали за новое (или хотя бы современное) слово, которое необходимо энное количество раз произнести со сцены. Как опенки в лесу, повсеместно выросли видеосалоны, где демонстрировались в том числе эротические или даже полупорнографические фильмы.

Славное начало второго учебного курса мы, человек пятнадцать экономических надежд, пошли отмечать в ближайшую кафешку. Засиделись едва ли не до полуночи. А потом из дыма и тумана, хохота и гогота выплыл и нарисовался рядом со мной некий субъект из параллельной группы. Звали моего долговязого ухажера с густыми длинными ресницами — Александр Таланов.

Сашка три года проучился в Ярославском военно-финансовом училище — столько времени ему понадобилось, чтобы осознать, что казарма — не его призвание. Возмущенные возгласы и причитания родителей не имели успеха — свою жизнь Сашка (как мне потом рассказывала его мама) с семи лет строил сам и решения, касающиеся его самого, принимал один. В финэк Таланова взяли сразу на второй курс, заставив досдать пару предметов.

Сашка вызвался проводить меня домой. Бредем, разговоры ни о чем и обо всем сразу, и вдруг — оказываемся у моей квартиры. На часах — половина первого. В общем, пришлось мне одолжить у папы денег, чтобы галантный кавалер смог добраться до дому.

С тех пор мы стали с Талановым почти неразлучны. Проявив недюжинное проворство и где нужно подсуетившись, Сашка перевелся в мою группу. Теперь мы сидели вместе на всех занятиях. Даже на английском, где я выступала для него суфлером, — иностранный язык для Таланова был сродни китайской грамоте. Зато там, где речь шла о цифрах и логике, ему не было равных — Сашка шутя решал интегральные уравнения и предпочитал «Фортран» «Бэйсику».

С гуманитарными дисциплинами Сашка не дружил совершенно. Помню, как я хохотала, когда Таланов с вполне серьезным видом рассказывал, как писал вступительное сочинение. Тем на экзамене в ярославском училище было три: свободная, поэма Гоголя «Мертвые души» и «Капитанская дочка». «Дочку» Сашка умудрился не прочесть, да и проходили ее в школе сто лет назад, из «Мертвых душ» помнил одну фразу, что-то про птицу-тройку, и поэтому решил писать на свободную тему. После половины отведенного времени преподаватель, для какой-то неопределенной цели всю дорогу ходивший между партами, зачем-то подошел к Сашке, склонился над ним и поинтересовался, на какую тему пишет будущий курсант. Заранее чувствуя подвох, Сашка неуверенно ответил. «А-а», — многозначительно протянул «доброжелатель». — «Ну-ну. Вот все обычно и заваливаются на свободной теме, хе-хе», — и отошел.

Сашка в ужасе схватился за голову, посидел минут пять в ступоре, достал новый листок и решил действовать на манер того студента-ботаника, который, вытянув билет про огурец и ровным счетом о нем не зная, рассказывал историю про помидор и про то, чем он, помидор, от огурца отличается. За одиннадцать лет обучения в средней школе Сашкины пристрастия в литературе ограничивались «Мастером и Маргаритой» Булгакова, рассказами Зоценко и

почему-то «Апокалипсисом» Иоанна Богослова; прочтением последнего произведения Таланов особенно гордился. Чем объяснялся такой странный выбор не входящих в программу произведений, осталось для меня загадкой. За оставшийся час Сашка накропал ровно страницу. Писал «большими буквами и короткими предложениями». Коронную фразу про тройку, которая как птица и куда-то несется, он тиснул в финале, не преминув поставить в конце восклицательный знак.

— Вот мне три шара и вкатили! — ликовал тогда Сашка. — Так не два же!

Учитывая тот факт, что по остальным предметам у Таланова было «отлично», его благополучно приняли.

У Сашки была смешная привычка придумывать преподавателям прозвища. Помню, как-то в мрачную промозглую аудиторию, где мы всем потоком слушали лекции, осторожно зашел востроносенький субъект, ростом и выражением лица напоминающий шестиклассника. Безуспешно прорываясь через незатихающий галдеж, человек что-то тихо говорил. Видимо, называл себя.

— Да замолчите наконец! — рявкнул кто-то с галерки. — Ни фиги не слышно!

— ...вести предмет — «Тисленные методы», — спокойно закончил человек и направился к кафедре.

Воцарилась долгожданная тишина — все старательно записывали.

— Машка, ты чего, сбрендил? — толкнул меня под руку Сашка. — Ты что написала? — И весь затрясся от смеха.

— Как что? Название предмета. Сам потом будешь спрашивать... — обиделась я.

— Дурында, да он так букву «Ч» произносит! Методы не «тисленные», а численные, — почти икая от восторга, объяснил Сашка.

С того дня весь поток с легкой талановской руки называл Соколова — кстати, отличного юморного дядьку, искренне любившего своих студентов, — не иначе как Тисла.

Преподавательский состав в основном состоял из мужчин, но бухгалтерский учет у нас вела жуткая крыса, Клара Вениаминовна Гульпенко. Всех особ женского пола, бывших моложе ее, она не переваривала, а симпатичных — люто ненавидела. Сдать зачет, а после — экзамен Кларе Вениаминовне было практически неосуществимой задачей.

Постоянным аксессуаром госпожи Гульпенко была меховушка, повязанная на мощной шее и напоминающая чей-то пушистый хвост в стиле «а-ля мексиканский тушкан». В отличие от Элочки-людоедкиногого, хвост был не зеленый, а какой-то кремовый, и выглядел он весьма вульгарно.

Клара Вениаминовна поправляла меховушку, щурила поросячьи глазки и, явно наслаждаясь моментом, ехидно цедила:

— Придете в следующий раз, милочка...

Сашка ласково называл Гульпенко Пушистиком. Еще бы, ему-то, равно как и всем парням Финэка, она всегда ставила «зачет»! Зато все девчонки в университете знали, что в мини-юбке или обтягивающих джинсах бухучет сдать невозможно. Только одевшись позатрапезнее и смыв в туалете макияж, можно было на что-то рассчитывать.

Сумасшедшую Азу Арнольдовну, которая тягучим трубным голосом не рассказывала, а пела «Экономическую теорию» вместо прежней политэкономии, Сашка окрестил Цыганкой Азой.

Обжегшись раз на молоке, я решила дуть на воду и перво-наперво выяснила у Сашки дату его рождения. Так учила незабвенная Эльга Карловна и на наши недоуменные улыбки

строго отвечала, что звезды — не лгут, а выбирать мужчину нужно только и только по звездам. И неожиданно для себя очень обрадовалась, узнав, что по гороскопу Сашка — Рак, а следовательно, подходит мне целиком и полностью. Во всяком случае, так говорили звезды...

Что касается Степана, то я была больше чем уверена: он — Стрелец. В моей тетрадке до сих пор сохранилась запись, сделанная с громогласных слов Эльги Карловны: «Стрелец — страстная любовь, кончающаяся крахом». Я тогда еще скривила гримаску, а Эльга, наклонившись ко мне, сделала страшное лицо, зыркнула глазами и изрекла: «Мэри, не связывайся со Стрельцом, в нем твоя гибель!..» И ведь права оказалась!

Мы ходили вместе в кафе, в кино — если у кавалера водились деньги. Был неподалеку от Финэка симпатичный гриль-бар, где настоящие грузины готовили совершенно фантастического цыпленка табака. Я предпочитала белое мясо, Сашка же обожал грызть куриные косточки.

— Как ты можешь это есть? — недоумевала я, глядя, как Таланов с хрустом перекусывает кость.

— Это же самое вкусное, Машка!

Когда у будущего финансиста финансы кончались, мы часами бродили по улицам. Даже в подъездах иной раз ошивались, грели у батарей руки. Иногда садились в трамвай и ехали куда глаза глядят.

И вот через несколько месяцев такого времяпрепровождения приглашает Сашка меня в гости. Родители, мол, завтра уезжают в канонические гости и квартира будет свободна.

— Чай, кофе, потанцуем, — небрежно так говорит и потешно подмигивает. А сам красный, как галстук пионерский.

— А что делать будем?

— Смотреть новый фильм! — моментально нашелся Сашка.

— Какой? Я стрелялки-страшилки не люблю, — капризно протянула я.

— Не волнуйся, фильм что надо, тебе понравится! Но название пока не скажу — сюрприз!

Итак, формальная сторона дела была утрясена. Мэри Блинчикова идет к своему одногруппнику смотреть фильм на видео. Культурное, можно сказать, мероприятие. Теперь мне предстояло разобраться с моральной стороной.

Степан уже давно мне не снился. Со времен канарской сказки прошло полтора года, и я изменилась. Чего греха таить, в интимных вопросах я была полнейшим профаном. Та ночь в волшебном замке прошла как в угаре, и она была одна. Я искренне продолжала считать, что та ночь — лучшее, что случилось со мной, но жизнь шла своим чередом. Но чему может научить молоденькую дурочку одна ночь любви, тем более если эта дурочка еще и влюблена, как кошка? Я больше не хотела раздваиваться, моя вторая — безумная и восторженная — половинка стихла и спряталась глубоко-глубоко в зыбкое сознание прошлого. И я не собиралась эту сумасшедшую половинку ворошить.

В отношениях с Сашкой я почему-то сразу почувствовала себя как будто старшей, более опытной, более умудренной. Ему даже нравилось уступать и соглашаться со мной. Хотя порой Сашка бывал невыносимо упрям и умел настоять на своем. Если мы ссорились, а делали мы это часто, мириться первым всегда начинал он — долго не общаться со мной он не мог. При этом принимал такой нарочито-невинный вид и так хлопал ресницами — ресницы эти как-то раз настолько поразили кондукторшу в трамвае, что она смилостивилась

и не стала нас штрафовать, — что я покатывалась со смеху, и он вместе со мной.

Сашка терпеливо подждал меня на выходе из метро. Стоял ноябрь, было уже очень холодно, а он опять надел свои дурацкие баретки — подошва тоненькая-тоненькая. И, конечно, без шапки — головные уборы Сашка презирал. Нос и уши у него были красные.

— Привет-привет, — подпрыгивая, сказал Сашка. Мне было очень уютно под его нежным взглядом. — А это тебе.

Таланов протянул пук ярко-красных гвоздик. Несчастные цветочки имели обветренный и болезненный вид, завтра, наверно, умрут совсем. Жалко!

— Спасибо, — я поцеловала его в щечку.

— Ну что, важнейшим из искусств для нас является кино? — захохотил Сашка, пихаясь в бок. Не человек, а вечный двигатель какой-то!

И вот мы в заветном месте. Квартирка — ничего себе такая, холл огромный, как я люблю, темно-желтые кресла и торшер с желтым же абажуром и длинными кистями. Сашка суетился всюду, предлагая то тапочки, то чистое полотенце, то еще что-нибудь.

— Да уймись ты, наконец! Показывай свой сюрприз.

— Сейчас, Маш! — крикнул Сашка из недр квартиры.

— И вазу для цветов принеси!

В гостиной было тепло и уютно. Хрусталь в стенке, рядом — знакомые корешки подписных изданий, на стене — копия Айвазовского в темной раме, в общем — все как положено. И диван такой мягкий-мягкий, с пухлыми огромными подушками. Я устроилась поудобнее и прикрыла глаза.

— А вот и я! — сначала показался поднос, заставленный всякими разностями, а потом уже Сашка. Ложечки в фиолетовых с золотой каемкой чашках радостно позвякивали. — Может, ты выпить хочешь?

Да, для храбрости не помешало бы.

— Давай!

С заговорщицким видом Сашка открыл дверцу серванта и достал бутылку «Зубровки» и две маленькие пузатые рюмочки.

— Знаешь, как надо быстро согреться? Запивать крепкий алкоголь чем-нибудь горячим, у папаши друг — полярник, так он научил, — тараторил Сашка. — Вот так, давай.

Горячий чай упал на наливку и словно толкал ее во все стороны, по телу разлилось блаженное тепло. Молодец, полярник, не соврал, действительно хорошо!

— А вот и фильм!

Сашка вставил кассету, ничего себе — «Ромео и Джульетта», да еще и на английском! Сюрпризом, конечно, назвать сложно, но спасибо и на том, что не «Калигула». В неделикатности Сашку трудно было упрекнуть. Интересно, где он откопал эдакий антиквариат? Половины слов я не могла разобрать, но фильм был красивый.

Сашка, естественно, не понимал ничего. Мы сидели, пили чай и неотрывно пялились в телевизор. Все возможные и невозможные темы для разговора были исчерпаны, сплетни — рассказаны-пересказаны. Чая мы тогда выпили, наверно, ведро, не меньше.

— Маш, может еще по чуть-чуть? — нарочито бодро спросил Сашка.

— А родители ругаться не будут?

— Нет, что ты! — тон у Сашки был, как у пса из мультика «Бобик в гостях у Барбоса». — Они у меня смирные, понимающие.

— А-а, понятно. А если не слушаются — ты их веником, да? — мы расхохотались.

— Ну могу я немного выпить с любимой девушкой? — ляпнул Сашка и прикусил язык.

Нашу мимолетную раскованность как корова языком слизала. Мы уставились друг на друга. Сашка то и дело нервно заправлял за уши падающую на лоб черную прядку волос. Телевизор голосом Ромео завывал что-то тоскливое — надо же, сколько времени прошло, Джульетта уже лежала в гробу, как мертвая, — перипетии несчастных влюбленных скоро должны закончиться... Артист, играющий Ромео, был довольно красивый, но какой-то субтильный. И бледный — наверное, из-за английского влажного климата. Краем глаза я покосилась на Сашку: два пунцовых пятна на скулах выдавали волнение, кончик слегка курносого носа будто поднялся еще выше, прямые плечи неестественно застыли... Сердце у меня колотилось сильно-сильно.

— Машка, ты в порядке? — и голос такой — прямо за душу берет.

А взгляд безумный, зрачки бездонные, и все в них — и желание, и страх, и счастье, и все на свете.

Между нами сконцентрировалось такое напряжение, что казалось: стоит поднести спичку, и она вспыхнет. Дышать стало не вмоготу, я через силу набрала воздух в легкие и выдохнула.

В ту же секунду Таланов, подпрыгнув на диване, повернулся и загреб мои руки в свои. Пальцы длинные, узкие, как говорят — музыкальные — и чуть-чуть дрожат. Его возбуждение передалось и мне. Широко распахнутые Сашкины глаза неотрывно следили за мной, в них читалась тревога.

— Скажи, — выдохнул он. — Скажи мне, ты... у тебя...

Хочет знать, был ли у меня кто-нибудь до него! Сейчас надо томно откинуться на диван и, обворожительно улыбаясь, тоном опытной львицы произнести что-нибудь бальзаковское, вроде: «Мой милый мальчик, красивым женщинам не принято задавать подобные вопросы...» Но я не могла — да и не хотела — говорить так Сашке. Сейчас мы были с ним, как бы точнее сказать, наравне, да, наравне. Со стороны мы выглядели, наверно, как два молодых глупых идиота, ну и что с того? Вместо ответа я неожиданно для самой себя прижалась к Сашке и тихонько поцеловала его в губы. Они были мягкие и пахли конфетами. Какое-то незнакомое ощущение нежности окутывало меня.

Его рука робко и аккуратно прикоснулась к моей груди и начала шарить в блузке. Над бюстгальтером он колдовал целую вечность, не переставая быстро и нежно целовать меня в шею. Когда и этот ребус был разгадан, он так жадно набросился на мою грудь, что я чуть не вскрикнула. Но болезненное ощущение сразу перешло в иную ипостась, приятную и желанную. Я застонала.

...Мы все сделаем правильно, мы уже большие, и никакой Степан нам не сможет помешать. Против воли все-таки вспомнив о нем, я вдруг по-настоящему на него разозлилась. Да, Сашка неопытный и немножко смешной, особенно сейчас, когда борется с одеждой. Самыми упорными оказались джинсы, длинные и узкие, как и весь он сам, они никак не желали сниматься. Но у нас все получится, потому что мы оба одинаково беспомощны на этом пухлом диване. И самое главное — я у него первая любовь, он сам так сказал, и это правда. И я значу для него в сто, тысячу, нет, в миллион раз больше, чем значила для Степана! Но какой же он смешной! Пыхтит, старается. Снова перед глазами возник Степан. Как же он все непринужденно и легко делал...

И тут я разозлилась на себя. Что же мне, пояс верности надевать? В монастырь удалиться? Он был первый, да, но не последний же! Я живая красивая женщина, и мне

нужен мужчина!

Я сама изумилась такому неожиданному повороту мыслей. Будет у меня мужчина! Воодушевившись подобным образом, я распалилась и вновь притянула Сашку за шею...

Когда мы пришли в себя, за окном чернел вечер.

— Тебе было хорошо? — спросил Сашка.

— Да, — я поцеловала его в горячую, как у маленького, щеку и, собрав растерзанный конфекцион, направилась к ванной. Сашка — следом за мной.

Мы мылись в ванной вдвоем, и эта совместная процедура произвела на меня большее, чем секс, впечатление. Эротичной помывку никак нельзя было назвать, Сашка так увлекся, пока растирал меня всю чем-то, что называл «мочалкой», что сильно замерз.

Мы постепенно привыкали друг к другу, как привыкают каждую весну деревья к тому, что на них появляются листья. Сначала совсем маленькие, потом все больше, больше... Мы привыкали к нашей нежности, к новому необычному ощущению близости и доверия, ведь нам предстояло с ним жить.

В этот же день мне пришлось познакомиться с его родителями, очень приятными и тактичными людьми. Они вернулись домой, когда мы с Сашкой на кухне мирно попивали чаек. Я до сих пор не понимаю, как в наших животах могло поместиться такое количество жидкости. Я заметила внимательный взгляд Сашкиного отца, который он бросил на нас с порога. Видимо, на наших лицах было написано все, хоть мы всю старались казаться безмятежными простачками. Но отец сразу стал расспрашивать меня об учебе, о кафе, и я чуть расслабилась. Сашка, я поняла, довольно много рассказывал обо мне, и это тоже меня тронуло. Мы очень хорошо посидели, болтая о том о сем. К концу вечера от моего смущения не осталось и следа.

— Машенька, приходите еще, — на прощание сказала мне Сашкина мама и простодушно добавила: — Вы нам очень понравились.

Была уже ночь, когда мы стояли у дверей моей квартиры и никак не могли расстаться. Вдруг Таланов отлепился от меня, нахмурился, подумал и спросил:

— Машка, а сколько у нас будет детей?

— Что-о?

— Ну сколько детей у нас родится? — терпеливо продолжал допытываться Сашка.

Глаза были серьезные, только где-то в глубине мелькали смешливые чертики. Вот это да, ну Таланов дает! Я посмотрела на часы — 00.03.

— Трое! — я чмокнула Сашку в кончик носа. — Беги, а то на метро опоздаешь!

ОН ПРОСТОЙ СТУДЕНТ

С того дня Сашка стал моим постоянным любовником. Нам было хорошо вдвоем.

...В одно далекое лето, когда бабуля сильно болела и лежала в больнице в Угличе, папа вывез меня в Крым.

Тот необыкновенный день врезался в мою память. Среди бела дня на небо внезапно напозла серая дымка и накрыла солнце. В воздухе разлилась непонятная истома, почти осязаемое напряжение повисло над почерневшим морем и пляжем.

Люди вокруг засобирались, и вскоре у воды, кроме нас с папкой и старичка со смешной острой бородкой, никого не осталось.

Воздух еще сгустился, дымка на небе становилась все темнее и темнее. Я сидела на песке, как замороженная, и ждала чуда. Было так нереально тихо, что в ушах звенело. Казалось, в мире осталось только незыблемое море, нависшее над ним небо и мы — три букашки, замершие в благоговейном восторге перед грядущей стихией.

Я на коленках подползла к воде — она была горячая!

— Доча, смотри, — шепнул папа.

На горизонте от воды столбом поднимался розовый гриб с белой, словно пенящейся шляпкой. Я восторженно ахнула.

— Что это?

— Смерч, — как-то уважительно произнес смешной старичок.

Гриб рос на наших глазах — до самого неба, шляпка лезла вверх и вширь, слоилась и брызгала, как убегающее из кастрюльки молоко. Будто гигантский рой беспечных веселых пчел, собранных со всего света и неожиданно выпущенных на волю, закручивался в лихую спираль и уносился ввысь. Белоснежная дрожжевая лава курчавилась, пенилась и текла через край. Затаив дыхание, мы сгрудились в кучку и наблюдали невиданное выступление природы...

В нашем тандеме Сашка был неугомонным смерчем. Энергия била в его длинном организме через край, он все время спешил, мчался, суетился, не успевал. Мне в силу природной лености было невдомек, куда он торопится. Сашку, в свою очередь, искренне забавляла моя неторопливость и «тугодумство». Он шутя называл меня «тормозом», а я его — «торопыжкой». Мы дополняли друг друга.

Родителям моим Сашка нравился, особенно папке. Они легко отпускали меня на дни рождения, дискотеки и прочие вечеринки и не сердились, когда я возвращалась поздно, — Таланов всегда, как верный страж, провожал меня до дверей квартиры.

Мы никогда не разговаривали о будущем. Вернее, Сашка неоднократно предпринимал такие попытки, но я всегда отшучивалась. Мне это просто не приходило в голову — обсуждать какую-то мифическую совместную жизнь, когда целиком и полностью зависишь от родителей и живешь в их квартире! Мы встречались практически каждый день. Нам уже не пели пошлых стишков в университете, мы считались официальной парой. Сашка устраивал меня тем, что всегда был под рукой, и он был свой, привычный и родной Сашка.

Но где-то в самом глубоком закоулке девического сознания жила мысль о том, что сердце мое разбито. Рана уже не кровоточила, она затянулась рубцом и почти не давала о себе знать, но иногда накатывала волна грусти, и я понимала: настоящую страсть я уже испытала, а такое дается в жизни один раз. Мне нравилось думать про себя подобным

образом. Главное в моей жизни произошло и никогда не повторится; *так* счастлива я уже не буду никогда. И я, как Татьяна Ларина, выйду замуж, нарожаю детей, но мой истинный возлюбленный остался далеко-далеко в прошлом и навсегда похоронен в моей душе. А может... Но я запрещала себе думать о Степане и мечтать о невозможном. К чему?

Мало-помалу я стала замечать, что Таланов относится ко мне, как к своей собственности. Поначалу все это выглядело невинно, так, легкие проверки типа «где была», да «с кем», да «зачем». Сначала я не обращала внимания на подобные штучки. Пусть мальчик поиграет во взрослого дядю! Как говорится, чем бы дитя ни тешилось...

Потом Таланов стал открыто ревновать к кому надо и не надо, иногда устраивал сцены. В общем, вел себя так, будто имел на меня какие-то права. Не скажу, что это не доставляло мне никакого удовольствия. Ревнует — значит, любит! Но Сашкина ревность постепенно все набирала обороты, и я начинала уставать. Ссоры наши проходили по известному традиционному сценарию: придумав очередную причину для ревности, Сашка принимался методично ныть и выпрашивать, я вяло отбивалась, но в конце концов не выдерживала и тоже начинала кричать в ответ. Мы, Тельцы, вообще-то ребята терпеливые, пока нас совсем не достанут. Наоравшись всласть, мы несколько дней не разговаривали — отдыхали и набирались сил. Потом Сашка приходил мириться, какое-то время я для порядка кочевряжилась, и дело заканчивалось бурным сексом.

К тому же у Сашки вдруг стал портиться характер. Его, экономическим языком выражаясь, тяготило отсутствие денежных средств. Почти всегда теперь он был не в духе и ворчал, что он нищий студент и даже не в состоянии сводить свою девушку — то есть меня — в ресторан. Да какое там, иногда мелочи у него в кармане не хватало на обед в университете! Правда, кормежка в местной столовке была просто аховая. Но иногда растущие молодые организмы бунтовали, и мы оказывались в огромном неуклюжем зале с устойчивым капустным запахом, причем каждый наш поход туда Сашка непременно сопровождал «аппетитными» комментариями.

— Ну что, вдарим по супчику «Блевонтин» и «макарошкам по-скотски»?

В кафе на втором этаже варили вкусный кофе и продавались плюшки, но там было дорого. В нарядном зальчике тусовались манерные девицы и стильные мальчишки — так называемая «золотая» молодежь; они курили, звонили по мобильным и обсуждали светские сплетни.

Сашка с самого начала наших отношений искренне считал, что обязан поить и кормить меня. У родителей денег он не просил принципиально, даже на одежду. То, что носил Сашка, имело вид все более и более печальный. Свои дурацкие баретки он не снимал никогда, так и проходил в них всю зиму. Доходило до смешного — с декабря по март первую пару Сашка проводил, прикрыв глаза и прижавшись ко мне так, что было неудобно писать — отходил от озноба.

Как-то я стала свидетелем небольшого семейного скандала. Мы сидели у Сашки на кухне и отогревались традиционным горячим чаем, когда пришла Сашкина мама. На улице стоял жуткий мороз, и мне было просто страшно смотреть на Сашкину «обувь».

— Здравствуйте-здоровствуйте! — деликатно донеслось из прихожей.

Я выбежала в холл. Мама осторожно вынимала из пакета красивые черные ботинки.

— Здравсте, Дариванна! Ой, какая прелесть! — воскликнула я, опустила на корточки и погладила блестящую мягкую кожу. мех внутри был теплый и пушистый, как маленький котенок. Люблю хорошие вещи, они украшают жизнь. Мама умоляюще смотрела на меня.

— Машенька, может у вас получится уговорить Сашу?.. — шепнула она тихо. — Он нас совсем не слушает.

— Что это вы здесь шушукаетесь? — почуввав неладное, сыночек грозно возник в проеме двери.

— Померь, пожалуйста, ботинки, — попросила я. — Смотри, размер, кажется, твой, и они такие теплые, ноги ни за что не замерзнут.

— У меня есть в чем ходить, — отрезал Сашка, косясь на ботинки.

— Что ты имеешь в виду? Вот это? — я двумя пальчиками подняла одну из бареток. — Да здесь дырки сплошные, это же просто неприлично! Знаешь пословицу: встречают по одежке...

— Я сам разберусь, что прилично, а что нет! — вспыхнул Сашка. — И того, кого надо, я уже встретил!

— Сынок, а деньги можешь отдать со стипендии, — робко вставила мама.

— Что вы мне зубы заговариваете? Они столько стоят, моей стипендии хватит только на подошву, да и то на одну!

Сашка еще раз окинул нас гневным взглядом и на манер Глеба Жеглова проорал:

— Все! Не буду носить — я сказал!

...Чтобы хоть иногда питаться на мои деньги — во-первых, я получала повышенную стипендию, во-вторых, папка постоянно что-то подкидывал — не могло быть и речи. Когда я один раз в финэковском буфете пыталась доложить недостающую для покупки двух пирожков сумму, Сашка больно перехватил мою руку и, не обращая внимания на мой отчаянный писк, оттащил от стойки. В тот день мы так и остались голодными, Сашка только отчаянно смотрел на меня и раздувал ноздри от бешенства. Больше денег я ему не предлагала.

Сашка похудел и осунулся.

— Я себя чувствую полным ничтожеством! — он запуская руки в черные кудряхи и полушутя-полусерьезно вопрошал: — Машка, ты меня презираешь?

— Конечно, презираю! Надо сессии лучше сдавать! — возражала я.

Стипендию Сашка получал мизерную, поскольку оценку «отлично» по математике и физике всегда перекрывало твердое «три» по английскому.

— Слушай, не смеши меня, — раздражался Сашка. — Стипендии этой хватит тебе на булавки! Надо что-то делать!

— Что делать, Саша?

— Не знаю что, вот и нервничаю.

— Зачем ты нервничаешь? — удивлялась я.

— Затем, что ты найдешь себе другого, богатенького, а меня бросишь!

Это был коронный трюк Сашкиных припадков ревности, так сказать, номер на бис. Что я могла сказать ему? Что я устала от бесконечных сцен? Общаться с таким Сашкой было невозможно. Несколько раз мы очень серьезно ругались, и я звонила подруге Аришке.

Когда-то мы учились в параллельных классах, но почему-то сдружились и вскоре стали «не разлей вода». Друзья-приятели нас даже в шутку называли одним именем — Маришка. После уроков ездили на Невский в «Лягушатницу» есть мороженое и за столиком, неизменно покрытым зеленым бархатом, вываливали друг другу свои секреты.

А потом жизнь нас как-то разметала. Уже в последнем классе школы мы общались все меньше и меньше. Я, с головой уйдя в зубрежку, готовилась к поступлению в университет, а

Аришка, не терпевшая обязаловки и принуждения, занятия посещала с пятого на десятое. А в десятом моя славная подружка и вовсе исчезла — переехала в другой район, и начались у нее какие-то свои тусовки, возникли новые интересы. Частые поначалу телефонные созвоны как-то сами собой сошли на нет. Мы виделись раз в полгода. Но мне всегда было легко и хорошо с Аришкой. У нее на личном фронте всегда хватало своих заморочек, но меня Романова выслушивала с ангельским терпением.

— Слушай, завязывай ты с ним, он тебе скоро все мозги проест, — советовала мудрая Аришка.

— Что же я, одна останусь? А кто меня по вечерам домой провожать будет?

— Сама будешь ходить, не маленькая!

— А с кем я буду... — в интимных вопросах я не могла быть такой же раскованной, как подруга, которая могла пересказывать постельные сцены кому и когда угодно.

— Трахаться? Свято место пусто не бывает! — учила подруга. — Ты же его не любишь, скажи честно?

Аришкин вопрос поставил меня в тупик. Я никогда не спрашивала себя, люблю я Сашку или нет. Когда мы с ним в постели — наверно, да, а когда он изводит нас обоих бесконечной ревностью и разговорами о деньгах...

— Не знаю, — признавалась я.

— Ну и посылай его к едрене фене поскорей!

Сама Аришка крутила шуры-муры с каким-то заезжим немцем-студентом, непонятно чем занимающимся в нашем городе. Парень обитался в общежитии для нищих иностранцев недалеко от Финляндского вокзала. Судя по Аришкиным рассказам, немец был веселый, симпатичный и «продвинутый в сексе». Я не очень понимала, что это значит, но спросить стеснялась. Звали немца Ральф. Уроки английского в школе Аришка прогуливала, о немецком вообще представления не имела, посему общение между влюбленными в основном происходило на международном языке любви. В русском Ральф был не очень силен.

ЛЮБОВЬ И АКВАРИУМ

Весна была в полном разгаре, пришел май, а с ним и мой день рождения. Дата была не круглой, зато какой повод для кулинарных экспериментов!

День рождения начался, как обычно. Лежа в постели, как Малыш из моей любимой в детстве книги про Карлсона с крыши, я принимала подарки. Мамуля торжественно преподнесла роскошный косметический наборчик «Пупа», а папка — вот хитрец! — огромных размеров кулинарную книгу в роскошном переплете. Где он такую достал, ума не приложу. Сколько в ней, наверное, новых замечательных рецептов можно накопать! В Финэк и на работу в честь такого знаменательного события я не пошла.

Аришка с Маринкой накануне клятвенно заверяли меня, что придут в указанное время и помогут варить-резать-подавать. Но первым, как и следовало ожидать, явился Сашка, хоть мы и поругались два дня назад и в университете демонстративно не общались. Он торжественно внес букет традиционных красных гвоздичек и как ни в чем не бывало прошептал мне на ушко: «Приготовил сюрприз». Интересно, чем еще может удивить Таланов? Посмотрим.

Маринка позвонила из казино и замямлила:

— Мэри, прости, занятие никак не заканчивается, вот еле вырвалась тебе позвонить. Стоим весь день, пальцы нам ставят...

— Пальцы? Какие пальцы? Иванова, а вы там на занятиях, часом, на грудь ничего не принимаете?

— Мэри, ты что, с ума сошла, — как обычно, приняла все за чистую монету Маринка. — Тут не то что выпить, вздохнуть лишний раз нельзя! Строгость, дисциплина, прилежание... Вы там как-нибудь без меня справитесь?

— А что нам еще остается? — мрачно спросила я.

Романова не звонила. Оставалось только гадать, почему она задерживается таким nepозволительным образом. Наверно, встретила опять со своим Ральфом и не может от него оторваться. В результате помощником на кухне оказался Сашка. Мы еще не успели помириться как следует, и оба были слегка на взводе. Я заметила, что он, видимо для храбрости, опрокинул стопку-другую. Мой кавалер справлялся с заданиями на удивление ловко — безропотно резал лук, кромсал колбасу, чистил яйца. Я специально подсовывала Сашке самую занудную работу. Ничего, у меня сегодня день рождения, могу и поиздеваться немножко! Но, похоже, Сашка действительно хотел помочь.

В который раз я задумалась о наших отношениях. Может, зря я ополчилась на него? Такого верного поклонника еще поискать надо. Он совсем не глуп, с ним интересно, смешно... А какой у нас теперь секс, просто рай иногда какой-то! Не уверена, что его можно назвать «продвинутым», но иногда с Сашкой я испытывала такой восторг, что хотелось петь! Без денег, он прав, трудновато, но это же не главное. Я поймала себя на мысли, что невидимая ниточка привязала нас друг к другу.

А еще — что я давно перестала сравнивать его со Степаном. Время шло, и канарский оазис все дальше и дальше уходил, уплывал от меня в прекрасное далеко. Степан остался в прошлом, и его не вернуть. А Сашка был рядом, он был часто несносен, до глупости ревнив, зануден, но он был. Был со мной. И сейчас он, наверно, переживает из-за ссоры, может быть, хочет извиниться...

— Мэри, — начал Сашка противно знакомым тоном. — Давай, пока никого нет, обсудим...

Ну вот! Я ему тут дифирамбы пою, а он опять за свое занудство принялся! Сейчас вцепится своими клешнями, как настоящий рак. И называет меня — Мэри, значит, злится.

Сашка был единственный, кроме, конечно, папы с мамой, кто отказывался называть меня «Мэри». Он упорно утверждал, что имя «Маша» несравненно красивее и благороднее. Сначала я сопротивлялась, но потом сдалась. Было в этом какое-то свое очарование, в том, как Сашка произносил мое имя, специально чуть шепелявя и кривляясь...

Меньше всего сейчас мне хотелось обсуждать что-либо с Талановым. Тем более я примерно догадывалась, какая тема была бы выдвинута на повестку дня.

Два дня назад я имела неосторожность беседовать с Ванькой Мухановым из параллельной группы. Иван — неглупый парень, с ним приятно поболтать, к тому же нам всегда было что вспомнить, потому что, будучи бессмысленными малышами, мы посещали один и тот же детский сад. Разговор с Мухановым носил совершенно нейтральный, я бы даже сказала — деловой характер. Потому что Ванькина мама недавно уволилась с прежней работы и подыскивала другое место, поближе к дому. А профессия Ванькиной мамы называлась «повар высшей категории». Обо всем об этом мы и беседовали с Мухановым, и мне было очень важно договориться с ним о том, чтобы мама пришла к нам в кафе поговорить. Она была мастером высокого класса, а у нас как раз не хватало рук. Однако наше мирное общение было нарушено самым неподобающим образом. Сашка вылез как будто из-под земли и, наскაკивая на нас с Мухановым, зашипел:

— Я тебя везде ищущ, а ты тут неизвестно с кем прохлаждаешься!

— Почему неизвестно, познако... — я попыталась сгладить ситуацию, но ничего не вышло.

Бросив на меня испепеляющий взгляд, Таланов исчез так же неожиданно, как и появился.

— Кавалер твой? — мягко спросил Муханов.

Я видела, что на Ванькином языке вертелась шуточка, но он был человек деликатный и не стал расстраивать меня еще больше. — Как ты терпишь-то его?

— Сама удивляюсь, — честно призналась я.

...Видимо, сейчас Сашка собирался устроить разбор полетов и узнать наконец, сколько раз за два дня нашей ссоры я успела ему изменить. Боже мой, знал бы он, что нас ожидает в ближайшем будущем...

— Сашенька, давай попозже выясним отношения, ладно? — пропела я. — А ты лучше хлеб нарежь.

Сашка обиженно засопел, но промолчал. Долго злиться на меня он не мог.

Когда стол уже был накрыт и предвкушал гостей, радостно источая манящие ароматы, наконец-то явилась Аришка. За ней следом в квартиру ввалились два парня, оба какие-то худые и длинноносые. Вся компания была взбудоражена, и от них шел какой-то странный запах. Аришка поцеловала меня в щеку и вручила красиво упакованную коробку.

— Кто это? — в ужасе шепнула я.

— Не волнуйся, пожалуйста, сейчас все объясню! Знакомьтесь, это Ральф и Отто, наши друзья из Германии. А это — Маша и Саша. Ой, Мэри, что было, что было! — и умчалась в ванную прихорашиваться.

Мы смущенно толкались в прихожей. Немцы слегка растерянно озирались вокруг, не переставая при этом улыбаться. Сашка стоял и молча пялился на них, как баран на новые ворота. Да, дипломат из Таланова, надо признать, никудышный. Чтобы как-то разрядить обстановку, я обратилась к незванным гостям:

— Хелло! Хау ду ю ду?

— О! Файн, вери гуд! — обрадовались те. Один из них, тот, который был Отто, не выпускал из рук какой-то сверток. По-моему, странный запах доносился как раз оттуда. — Ду ю спик инглиш?

— О, литл бит!

Я изо всех сил пыталась разыгрывать из себя современную особу, умеющую поддерживать разговор с малознакомыми людьми. Но получалось не очень. Половину из того, что пытались мне сообщить Ральф с Отто, я не понимала, а в голову почему-то лезли зазубренные фразы из текста про Лондон, что-то про Трафальгарскую площадь. Краем глаза я отметила, что Сашка опять налил себе водки и, не закусывая, опрокинул рюмку. Это, интересно, которая по счету? Четвертая? Надо срочно садиться за стол, а то он скоро напьется в сосиску. Да и остальным не останется, вон сколько мужиков набралось! Эти самые мужики стояли, вопросительно на меня глядя; видимо, настал мой черед для реплики, а я все прохлопала! Я улыбнулась и сказала как можно медленнее:

— Ду ю спик рашн?

— Отто хорошо по-русски понимает! — выпорхнула из ванной Аришка. Наконец-то! — Правда, Отто?

— Та, та, канешна, — широко улыбнулся Отто.

— Он мне все и объяснил, — тараторила Аришка. — Да убери куда-нибудь эту вонищу!

— Что это?

— Это наша закуска!

Мы решили не ждать Маринку и уселись за стол. Оказывается, Аришка с Ральфом должны были чинно встретиться у метро и пойти ко мне. В условленный час Романова почти без опоздания прибыла на место встречи, но Ральфа там не оказалось. Прождала час, мучаясь страшными подозрениями и догадками, и уже не знала, как поступить, как вдруг увидела своего возлюбленного. Вид он имел ужасный, от него жутко воняло, и он был не один, а со своим сотоварищем по общежитию. Радостный, Ральф бросился Аришке навстречу. Выяснилось, что утром Ральф и Отто имели неосторожность отправиться гулять по городу. Вид у них был не очень презентабельный, так что немцев никто не трогал. Они забрели в центральный район, долго шли и оказались у Кузнечного рынка. На тротуаре вокруг мрачного здания рассеялись многочисленные бабульки с корзинками, банками и прочими разносолами, повсюду царило какое-то оживление, кипела жизнь. Тут Отто вспомнил, что еще в Германии друзья очень рекомендовали ему попробовать русских солений, особенно тепло отзываясь о русской капусте, заквашенной каким-то «волшебным» способом.

— Та, нам говорить — валшепна, — объяснял Отто.

— Наверно, водки много выпили, вот им наша капуста волшебной и показалась! — смеялась Аришка.

Интуиция подсказывала приятелям, что внутри здания скорее всего имеется вожаденная капуста, и они смело устремились внутрь.

Прилавки ломились от обилия съестного. Ральф и Отто удивились — они еще не

видели, чтобы в петербургском магазине было столько еды. В тех местах, куда они заходили раньше, выбор был более чем скудный. На радостях друзья купили большой куль капусты и довольные поспешили к выходу. Но тут везение перестало улыбаться немцам. На выходе с рынка откуда ни возьмись появилась толпа цыганок, которые окружили несчастных плотным разноцветным кольцом. Прижимая драгоценный куль к груди, Ральф и Отто пытались освободиться, но не тут-то было. Цыганки гомонили все разом, оглушая приятелей, теребили их за руки и чего-то явно хотели. В какой-то момент Ральф и Отто перестали понимать, что происходит, оставив надежду на спасение, но вдруг цыганки исчезли. С ними также исчезло все то, что находилось прежде в карманах немцев. Не осталось даже мелочи на метро. Осталась только драгоценная капуста, и Отто пришлось в голову попробовать продать ее обратно. Шумливые торговки расхохотались приятелям в лицо, но пожалели горемык и подарили два жетончика.

Мы попробовали капусту — на вкус она была такой же противной, как и на запах. История рассмешила всех, кроме Сашки. Он сидел насупленный и вяло клевал салат. Красные гвоздички рядом с ним грустно топорщились в вазе. Черная волнистая прядь, как у маленького, снова налезла на лоб, карикатурно падая в тарелку. Мне стало его жалко. Я придвинулась поближе и тихонько спросила:

— Саш, а что за сюрприз?

— А, сейчас-сейчас, — слегка приободрился Сашка, привстал с места и постучал вилкой по бокалу. — Уважаемые гости! Сегодня, в этот празднич...

Раздался звонок в дверь. Это была запыхавшаяся Маринка.

— Прости, Мэри, я не виновата, — бормотала она. — Изверги, замучили совсем... Пять часов подряд на ногах стояли, просто сил нет! И старший еще накричал...

— Ничего себе ученице!

— Да, а что делать!

— Ничего, тяжело в учении — легко в бою, — утешила я подругу. — Пошли.

Сашка долговязо высился над столом, вертя в руках какую-то открытку и обводя присутствующих слегка ошалелым взглядом. Смутное подозрение посетило меня. Стихи, что ли, написал, менестрель доморощенный? Сама не знаю почему, я была уверена: чего-чего, а хороших стихов Сашка сочинить не может. Ох, может, не стоит, может, потом, когда все разойдутся?.. Но уже было поздно.

Мэри, Мэри, просто Маша,
Я хочу сказать сейчас —
Пусть крепчает дружба наша
В обаянье чудных глаз!

В нашей жизни встреч немало,
И соблазнов в ней не счесть,
Но Мария стала главной,
Только Машка в жизни есть!

Отто с Ральфом громко заплодировали. Аришка снисходительно улыбалась. Сашка был так трогательно-смешон, что у меня на глазах выступили слезы. Вообще в тот день я с утра

чувствовала себя не в своей тарелке, словно что-то предчувствовала. Наверно, это от усталости. Но стихи мне понравились — для человека, не читавшего «Капитанской дочки», они были просто венцом творения. Ну как можно злиться на такого? Я поднялась с места и, обняв Сашку за шею, поцеловала. Он просиял:

— Тебе правда понравилось, Машка?

— Ну конечно! Ты просто гений, второй Бальмонт.

— Я так старался, так старался... — забормотал он, прижимаясь ко мне.

Я принялась накладывать салат в Сашкину тарелку. Желанный мир был обретен.

Потом все танцевали под агутинские южно-американские напевы. «Хоп, хей, ла-ла-лей...» Сашка захмелел порядочно. Он обнимал меня обеими руками и шептал, зарываясь в волосы: «Машенька-Маруся, я на тебе женюсь...» Не Таланов, а какой-то литературный прорыв! От Сашки незнакомо пахло водкой, я шутливо вырывалась и объясняла: «Меня зовут Мэри!..»

Иностранные гости, я видела, объелись и немного заскучили.

— Может, чай будем пить? На десерт — фирменный торт «Прага»!

Торт должен был получиться на славу. Коржи пропеклись чудесно, ни один не подгорел, и варенье я положила черносмородиновое, чуть кисленькое.

— Я пойду принесу торт, — вызвалась Маринка и умелькнула на кухню. Вот сердобольная душа, переживает, что обещала помочь и не сдержала слово.

— Мариша, он в холодильнике на нижней полке, — крикнула я.

— Найду, не беспокойся!

Раздался очередной звонок в дверь. Странно, кто бы это мог быть? Может, родители?

На пороге стоял молоденький парнишка с огромным букетом белоснежных роз. Сразу было заметно, что цветы не из обычного магазина — слишком изящно сочетались упаковка, зелень и бутоны. Некоторые раскрылись, а другие оставались в том бесподобно-девственном состоянии, что сейчас показывают в рекламе по телевизору — еще чуть-чуть, и навстречу солнцу подернется один лепесток, за ним следующий, и роза во всей своей первозданной красоте и чистоте притягивает к себе всеобщее внимание и восхищение. Запах букет распространял бесподобный. Там было, наверное, штук пятьдесят роз, и еще какие-то маленькие желтенькие цветочки, и бантики, и ленточки... Я не могла оторвать глаз от букета.

— Здравствуйте, — произнес парнишка. — Мне нужна Мария Блинчикова.

— Это я!

— А это — вам, — парнишка протягивал мне букет. — И здесь, пожалуйста, распишитесь.

Машинально я взяла предложенную ручку и поставила роспись на бланке.

— Поздравляю, — галантно сказал парнишка и удалился.

Надо срочно что-нибудь придумать, иначе разразится скандал. В голове стоял туман.

— Эт-то еще что такое? — Сашкин голос заставил меня вздрогнуть.

Боже, что сейчас начнется! А я даже не знаю, кто прислал это дорогуший букет!

Все приутихли. Я медленно повернулась. Передо мной стоял Сашка. «Что-то будет... Что-то будет» — застучала у меня в висках песенка из телеспектакля «Али-Баба и сорок разбойников». От кого же цветы? Неужели... Нет, этого просто не может быть! Все десять тысяч сомнений и предположений, мечтаний и опасений, живших во мне это время, взметнулись вихрем. «Я жду тебя: единым взором надежды сердца оживи...» Это он!

Обогнув Сашку, я прошла в комнату, положила цветы на стол — подальше от него — и как можно спокойнее начала:

— Дорогой, ты будешь смеяться, но я не...

Плотину талановской ревности прорвало.

— Да как ты могла! Ты!.. — кричал он.

Немцы торчали в прихожей и недоуменно таращились оттуда, не понимая, что происходит.

— Фу-ты, ну-ты! Что это здесь? — удивилась Маринка, шествуя из кухни с красиво нарезанным тортом. — И что сегодня за день такой, все с катушек срываются!

— Сегодня, Мариша, день рождения вавилонской блудницы! — орал Таланов, мечась по комнате и гремя стульями. — Я к ней — со всем сердцем, стихи... И даже собирался... А она... А она...

Тоже мне, Александр Македонский, подумалось мне, и стулья сейчас ломать начнет. Только тут я заметила, что он очень сильно пьян. Я поискала глазами Отто и бочком, осторожненько стала подвигаться в его направлении. Ему я смогу объяснить, что надо утихомирить разбушевавшегося дебошира.

Когда раздался грохот, мы с Отто стояли в коридоре. Увидев, что произошло, я в ужасе зажала рот ладошками — привычка из детства. Видимо, неловко повернувшись, Сашка пошатнулся и упал на аквариум. Упал боком, но задел тонкую гнутую ножку, и моя ненаглядная игрушка рухнула на пол.

Вода в перекошенном рыбьем доме, как в замедленной съемке, нехотя выливалась через край. Помню, в памяти отпечаталось бьющееся в судорогах на полу розово-желтое тельце Андромеды, а рядом — острые лезвия осколков.

Что было дальше, лучше не вспоминать.

Я была в шоке. Догадливая Маринка бросилась на кухню и вернулась с банкой воды. Водоросли висели даже на одной из стен. Сашка плакал, и Отто на ломаном русском утешал его. Только Аришка легко улыбалась и говорила:

— Это к счастью, Мэри, к счастью...

ЖЕЛАНИЕ ЛЮБВИ

Наше семейное кафе, даже почти уже ресторация, давно имела свое фирменное меню, которое время от времени обновлялось. Мы позиционировали себя как заведение с исконно русской кухней. Потчевали своих гостей настоящим хлебным квасом и многослойными кулебяками. Петербургские гурманы знали, где можно отведать вручную слепленных пельменей и утонченных баклажанов с грибами. А наше фирменное овощное рагу, которое таяло во рту! А картофельные зразы! С утра — для особо страждущих — выставлялся запас кислых щей, настоянных в течение суток на изюминке. Что творилось у нас по утрам в дни всенародного похмелья! Тут нужен мастер эпического жанра, а не такой любитель, как я. Нашими клиентами в основном были мужчины примерно за тридцать, любящие вкусно поесть и выпить. Величина порций соответствовала их представлениям о настоящей еде, конкуренты умывались горючими слезами по утрам и вечерам.

Коллектив у нас был веселый и сплоченный. По большей части состоял из поваров, которые с давних пор работали с папой.

В то ясное теплое утро город с трудом продирает глаза после очередных выходных, и мне с утра пришлось дежурить в нашей лавочке. Папа отбыл к очередному фермеру с вразумлениями. Я несла вахту за стойкой вместе с нашей буфетчицей Клавдией Флавиевной. Имечко у нашей старейшей работницы было замысловатое, зато характер ангельский — смешливый и легкий. Она не уставала радостно переговариваться с постоянными клиентами, отпускала шуточки.

Я старалась обслуживать посетителей вежливо, но на улыбку была не способна. Настроение было неважное с утра. Я плохо спала ночью, а вставать пришлось ни свет ни заря. Сегодня выходной, все люди как люди, отдыхают, а я который час на ногах.

Неожиданно для себя я обратила внимание на очень симпатичную парочку. Чем-то они выделялись на фоне всех остальных. У меня сложилось впечатление, что они совершенно случайно забрели в наше кафе. Казалось, им было все равно, что происходит вокруг и что лежит у них на тарелках. Молодой темноволосый парень так глядел на нежную блондиночку, что у меня захолонуло сердце. Они смотрелись вместе так красиво!

Я невольно залюбовалась ими, фантазии сами собой заползали в мою голову. Сейчас, наверное, они направятся в парк. Не спеша пойдут по озаренным последним осенним солнышком разноцветным аллеям, сядут на скамеечку, обнимутся и станут целоваться. Потом соберутся в кино и на сеансе будут сидеть, держась за руки. А вечером возвратятся в свое уютное гнездышко и будут всю ночь любить друг друга. А я — куда пойду я? Никто не пригласит меня в кино, и целоваться мне не с кем. Я поплетусь домой, где меня ждет горячая ванна и мои рыбки. Интересно, чем сейчас занимается Сашка?..

С того самого памятного дня рождения мы не общались. Еще в мае Сашка совсем забросил университет и на летнюю сессию не явился. Я чувствовала себя смертельно оскорбленной и не собиралась первой восстанавливать отношения. Конечно, умом я понимала, что Таланов не специально расколотил мой чудесный аквариум. Но простить Сашке его поведения и слов, а главное, недоверия — я не могла.

Но основная причина нежелания встречаться с Талановым была другая. В тот день все мои давние мечты, тщательно упакованные и захороненные где-то в глубине сознания, полезли наружу, невзирая ни на какие предостережения Эльги Карловны. Букет, из-за

которого мы с Талановым чуть не подрались, стоял до сих пор в моей комнате, хоть уже подсох. Надежда ожила и расцвела в моей душе розовым бутоном. Это Он! Шум океана зазвучал в ушах, я почувствовала прохладный бархатный песок и вновь увидела мириады звезд, рассыпавшихся по бездне канарского неба. Хрипловатый голос успокаивает и убаюкивает меня, и огонь, который невозможно потушить, рвется изнутри наружу.

Каждый день я ждала звонка в дверь и с самого раннего утра приводила себя в боевую готовность. Родители косились на меня, но опять ничего не спрашивали. При звуках телефона замирало сердце. Я не ходила — я летала на крыльях счастья. Он придет, и жизнь засияет, заискрится, подобно его волшебному перстню, всеми цветами радуги! Зачем мне какой-то жалкий Таланов, вечно без копейки денег и со словами про женитьбу? Это же просто смешно! Человек, приславший этот бесподобный букет, сделает Мэри Блинчикову самой счастливой женщиной на свете. Он сложит к ее ногам все богатства своей души, и она в ответ откроет ему свое сердце.

Но время шло, и никто не звонил и не приходил. Я терялась в догадках, находя все новые и новые объяснения отсутствия Степана. Может, он заболел? От этой мысли у меня начинался озноб, и я тряслась, как в лихорадке. Ему нужна помощь, а я сижу здесь и даже не знаю, где он! Или его срочно вызвали в командировку на другой конец земного шара, он же незаменимый работник, и надо только немного подождать?

И я ждала. Сашка не приходил тоже. Ну и пусть! От мужчин одна морока. В общем, чувствовала я себя скверно.

Зато у меня есть любимая работа, а это уже немало, утешала я себя. Я настолько углубилась в свои мысли, что не сразу сообразила, что очередной клиент хочет от меня чего-то большего, чем порцию щей и «Смирновки» со льда. Я вскинула глаза. Симпатичное лицо, где же я его видела?

— Извините, пожалуйста, я не расслышала. Что вам угодно?

— Извините, пожалуйста, по-моему, мы с вами где-то встречались? — Передо мной стоял высокий темноволосый молодой мужчина и близоруко щурился через оправу очков. Более банальной фразы он не мог придумать! Наверно, волнуется.

— Может быть, вы меня путаете с известной артисткой?

— Нет, я вас видел уже несколько раз и... запомнил, — наивно сказал мужчина и покраснел. — Вы не учитесь случайно в Финансовом университете?

Сзади уже образовалась небольшая очередь. И тут я вспомнила. Ну конечно! Это же тот самый аспирант, что весной заменял заболевшую преподавательницу по экономике! Мы с Сашкой тогда прохихикали всю лекцию, наблюдая за стеснительным парнем. Таланов уверял, что аспирант нацепил очки лишь для того, чтобы лучше разглядеть симпатичных девушек, которые придут слушать его экономическую дребедень.

Как же его фамилия? Я мучительно морщила лоб. Что-то связанное с войной...

— Меня зовут Михаил Раевский. — С подносом он выглядел очень забавно.

Но было в нем нечто притягательное, уютное, располагающее. Очки сползли ему на кончик носа, но он не мог их поправить — обе руки были заняты. Аспирант неловко попятился назад, задел локтем витрину и — содержимое подноса полетело на пол. Слава богу, там был только стакан с чаем и порция салата.

— Ничего-ничего, — заворковала Клавдия и исподтишка подмигнула: иди, мол, девочка, помоги добру молодцу!

Я в который раз подивилась ее способности поворачивать любое событие в нужное

русло и грациозно выплыла из-за стойки.

— Как нехорошо получилось, — смущенно бормотал пунцовый Раевский, пытаюсь собрать руками с пола капустный салат.

Я, как добрая фея, прилетевшая по срочному вызову, опустилась с ним рядом на корточки:

— Не волнуйтесь, ничего страшного! Сейчас все уберут, садитесь за столик, я принесу вам новую порцию!

— Вы так добры! Спасибо большое! — и, набравшись храбрости, он спросил: — Могу я теперь, раз уж все так повернулось, узнать ваше имя?

— Меня зовут Мэри, Мэри Блинчикова, и я действительно учусь на втором — ох, нет, уже на третьем — курсе Финансового университета!

— Оч-чень приятно. — Раевский находился в явном замешательстве.

Видимо, испытывает проблемы с женским полом. Но чем-то он мне нравился. Может, не все мужчины — или обманщики, или сумасшедшие ревнивцы? Отвяжись, дурная жизнь, привяжись, хорошая, любила повторять бабуля.

Я поспешила прийти на помощь.

— Вам нравится наше кафе, Михаил? — как можно дружелюбнее спросила я.

— Да, очень, — Раевский ответил мне взглядом, полным благодарности. — Здесь атмосфера такая... как сказать... Домашняя! И по-настоящему вкусно!

— Мы стараемся! А что вы заказали на горячее?..

Домой в тот день я возвращалась, чуть не подпрыгивая от возбуждения. Как Михаил на меня смотрел! Робко, но вместе с тем так по-мужски.

И разница в возрасте у нас — самое то, что нужно, Раевский лет на семь меня старше. Очки его немножечко портят, но это дело поправимое. И потом, хватит уже с меня красавцев. От них ничего хорошего не жди, уже имеется печальный опыт. Кажется, я начинаю разбираться в мужчинах.

Следующий день также был выходным, но я позволила себе выспаться. Когда я проснулась, в квартире стояла тишина. Папа, значит, уже ушел в кафе, а мама — на дежурстве. С наслаждением потянулась, предвкушая сегодняшний вечер. Михаил обещал зайти за мной в кафе. Что бы надеть девушке на свидание с интеллигентным молодым человеком? Костюм не подходит, это слишком строго. Может, ажурную голубую кофточку? Мамуля постаралась, связала, она у меня — золото! А вниз — тоже что-нибудь женственное, например, летящую широкую длинную юбку. И туфельки-лодочки, темно-серые, мои любимые.

Я с наслаждением приняла душ и позавтракала. Радио на кухне надрывалось голосом Софии Ротару: «Было-было-было-было, но прошло, о-о-о, о-о-о» Вот и меня так же — что было, то былшем поросло, а теперь я — наученная горьким опытом молодая и — положила руку на сердце — довольно симпатичная женщина. И все у меня будет хорошо, просто замечательно.

Впорхнув в родительскую спальню, я уселась перед трюмо. Подкрашу ресницы и губы, а румяна не буду. Я придирчиво оглядела руки. Ярко-красный лак для ногтей закончился, ну, не беда, сейчас подправим немножко пальчики и нанесем бесцветный... Раздавшийся звонок в дверь оторвал меня важнейшего мероприятия — я выбирала аромат.

«Клима» или «Шанель»? «Шанель» или «Клима»?

— О, привет-привет! — Это была Маринка. — Заходи!

— Ты чего такая веселая? И музыка орет на всю лестницу!

— А чего грустить-то, соседка? Жизнь прекрасна и удивительна! — вид у Маринки был какой-то озадаченный. Но громкость пришлось убавить, а то разговаривать было невозможно. — Что-то случилось? Как курсы?

— Да нет... Ничего не случилось, во всяком случае пока, — загадочно сказала Маринка. — А ты куда собираешься?

— Трудиться, Маришка, трудиться. Труд сделал из обезьяны человека, слыхала об этом?

— Не умничай. На свидание, что ли, идешь?

«Быть может, я смогу быть счастлива с другим...» — настойчиво доносилось из радио.

— ...А может, нет, — безмятежно пела я.

Наверно, лучше все-таки «Клима», мама говорит, это мой запах. Воздух наполнился чарующим сладковатым ароматом.

— Вот, хотела с тобой посоветоваться... — мялась соседка.

— Ну?.. — если честно, в тот момент меня больше интересовала моя прическа.

— Мэри, можно я буду встречаться с Талановым? — набравшись храбрости, выпалила Маринка. — Тебе он не нужен?

Я застыла с поднятым гребнем. Сначала мне показалось, что Маринка просто пошутила. Представила на мгновение Сашку с кем-то другим, и у меня помутилось в глазах. А как же... Запах духов показался мне приторно сладким и вульгарным. И он *с другой* будет испытывать все то, что довелось пережить *нам*? Неужели это возможно?

Я прикрыла глаза, спиной ощущая тяжелый Маринкин взгляд. Значит, так тому и быть, объясняла разумная половинка второй, мятущейся в гневе. Эмоции ни при чем, просто мы, как пишут в заявлениях о разводе, «не сошлись характерами».

Я с тоской кинула взгляд на маленький круглый сосуд, сиротливо стоящий у стены. После Талановского погрома моим любимцам пришлось переехать в это подобие аквариума — разбитый восстановлению не подлежал. В тот ужасный день удалось спасти всех, кроме Лиры. Ее потеряли в общей суматохе и нашли, когда было слишком поздно. Как я плакала! До сих пор, когда вспоминаю, как увидела на полу мертвую рыбку, к горлу подкатывает комок.

— Ну, аквариума у тебя все равно нет, так что... А у вас что, роман намечается? С этим полоумным малолеткой? — небрежно ответила я вопросом на вопрос.

Удивила меня Маринка, ничего не скажешь! Да и от Таланова я такого не ожидала. Отомстить мне таким образом решил? С чего это мама решила, что «Клима» мне подходит, такой тяжелый и удушливый аромат! А Сашка вообще злился, когда я пользовалась парфюмерией; говорил, что мой настоящий запах возбуждает его в тысячу раз сильнее, чем любые духи...

Злость и обида на Сашку в последнее время стали затихать. Я скучала по нему, что скрывать. Мне не хватало Сашкиных шуток, даже ревности и занудства, я соскучилась по его ласкам. Секс с Талановым был умопомрачительным. За семь месяцев интимной жизни мы изучили вкусы и пристрастия друг друга вдоль и поперек, и нам было не утомиться. Вспоминая наш первый сексуальный опыт на родительском желтом диване, мы весело хохотали. Особенно веселился Сашка — посмеяться над собой он умел. Как-то раз, в гостях, мы заперлись в ванной и устроили там такое, что перепуганные хозяева, ориентируясь по доносившимся оттуда звукам, собирались вызывать не то «Скорую», не то милицию...

Что же ты наделал, Таланов? Я вздохнула. Сашка хотел меня всегда и везде, где мы

только этим не занимались... В глубине души я была уверена, что вот-вот — и он заявится с вечными своими красными гвоздичками, долговязый и смешной, широко улыбнется, обнимет меня... Раньше он не выдерживал трех дней ссоры. Что делать, все изменилось. И я тоже. У меня появился новый кавалер, а у Таланова — новая подружка.

— ...Ну, в общем... можно и так сказать, — смущенно мямлила Маринка. — Тебе ведь все равно, правда?

— Забирай! — я была великодушна.

Разум возобладал над чувствами. Не хотелось думать ни о чем плохом. Пускай катится, скатертью дорожка!

— Только смотри, будь с ним поосторожней, голубушка!

— Да ладно тебе, Мэри, издеваться, — вздохнула Маринка. — Ты вон какая, стоит на мужика посмотреть, и он — твой! Тебе легко.

— Ну ты себя тоже не на помойке нашла! Давай, иди сюда, я на тебя духами пшикну!

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

До кафе я добралась к 11 утра. И с порога поняла: что-то случилось. В глаза бросилось бледное перепуганное лицо Клавдии. Народу в зале было немного, час для выходного дня был еще ранний. За столиком у окна спиной ко мне сидели два квадратных кожаных мужика. По мордам сразу видно, какого полета птицы. Сердце екнуло, я немножечко струсила. Вчера как раз в новостях рассказывали о криминальной рэкетирской разборке в каком-то кооперативе. Я распрямила спину, глубоко выдохнула и пошла между столиков.

От столика у окна донеслось:

— Вах, какой красивый дэвушка! Давай пазнакомимся, а?

— В следующий раз, — оглянувшись, мило проворковала я. С клиентом ссориться нельзя, это правило я давно усвоила. Ну и рожи! Чем им плохо на своем Кавказе, сидели бы там, ели бы свои мандарины, пили бы чачу и нас не трогали! Я с горем пополам добралась до стойки, где как столб стояла белая Клавдия, и юркнула в дверь, ведущую на второй этаж, в папин кабинет.

Папа сидел красный от волнения — никогда прежде его таким не видела.

Я присела рядышком, на поручень его рабочего кресла:

— Папочка, что случилось?

— У нас неприятности. — Он обнял меня и прижал к себе.

— Большие?

— Более чем достаточные...

— Это имеет какое-то отношение к тем абрекам, что сидят в зале?

— Вот видишь, ты уже в курсе, — устало выдохнул отец.

— Пап, я только видела две бандитские рожи там, в зале, и испуганную Клавдию. Прошу тебя, объясни, чего эти кавказские гастролеры от нас хотят?

— От меня, доча. — Папа смущенно смотрел в бумаги.

— Не от тебя! От нас! — Отцу явно было очень стыдно за свое растерянное состояние. Я уже примерно знала, что услышу сейчас.

— Хорошо, от нас. Они хотят, чтобы мы продали им наше дело. Денег мне их главный, этот Варик, предложил: «Мы за цэной нэ постойм. Богатый станэш, на старость хватит», — папа пытался шутить и как-то скрасить неловкость момента.

— Пап, и что ты им ответил?

— Конечно, я отказался, — вскинулся отец. — Не для того я все здесь с такой любовью создавал, чтобы этим нерусским отдать. Так я и поверил, что городу необходимо расширить количество точек с традиционной кавказской кухней! Ишь, разбежались, шашлычную им тут открыть захотелось. Не будет этого. Только через мой труп!

— Молодец, папка! — я чмокнула отца в щеку. — Только не говори так, у них вид довольно серьезный. Ты сейчас пойдешь к ним?

— Да, — и папа, аккуратно отстранив меня в сторону, вышел из кабинета. — Жди здесь.

Я не могла сидеть на месте и взад-вперед шагала по кабинету. От моего романтического настроения не осталось и следа. Семейное дело под угрозой! Во мне просыпалась решительность. Мы, Тельцы, очень терпеливые и мирные существа, но до поры до времени. Если нас сильно задеть или обидеть... А собственно, почему я должна ждать здесь? Папа считает меня еще маленькой глупенькой девочкой, у которой на уме одна ерунда. Надо

помочь, поддержать его в трудный момент! Я вылетела из кабинета и, стуча каблучками, понеслась по лестнице вниз.

Уверенно прошествовала по залу присела за столик, где отец вел переговоры с огромным мрачного вида кавказцем. Второй дежурил у входа — видимо, был взят только для мебели.

— Дочка? — кавказец плотоядно раздевал меня взглядом.

— Я будущая владелица фирмы, — заявила я, прежде чем папа успел ответить, и сама себе удивилась.

Варик уставился в вырез моей кофточки. Как, наверно, я смешно сейчас выгляжу — деловая женщина в рюшах. Ну кто знал, что надо было строгий костюм надевать? И с духами переборщила... Ну ничего, была не была. Я собралась с духом и продолжила:

— Я должна быть в курсе всего, что здесь происходит!

По тому, как потеплел отцовский взгляд, я поняла: папа гордится мной. Он ласково положил на мое плечо теплую руку и сказал:

— Понимаешь, Маша, товарищ, какой-то непонимающий, все уговорить меня пытается. Никак не возьмет в расчет, что только время теряет зря.

— Ты балшой, но упортый, русский. Это — нехорошо. Ты как взрослый думай, харашо думай: сэйчас дэнэг прэдлагаю, патом хужэ будэт.

— Это угроза?

— Зачэм угроза? Это совет...

— Вы, уважаемый, как восточный человек, должны понимать — это мое семейное дело, — папка еле сдерживался. — Все, что здесь сделано мною, сделано для моей дочери, для ее детей, моих внуков. Почему я должен по первому требованию кого-то, кого первый раз вижу, взять и все отдать?

Гороподобный Варик поднялся и, ни слова не говоря, двинулся к выходу. Второй уже открывал ему дверь, сверля нас тяжелым мрачным взглядом.

Только в дверях абрек обернулся и маслено посмотрел на меня.

— Вах, какой всо жэ дэвушка красивый! Какой дэвушка! Поехалы покатаемса!

— Некогда, уважаемый, дел много!

— Напрасно, красавыца! Эще свыдимса!

Мерзко ухмыляясь, Варик со свитой загрузился в черный «БМВ» и уехал.

Папа прошел по опустевшему залу, заглянул за стойку. Затем, заложив руки за жилетные проймы, совсем как товарищ Ленин, сказал:

— Да, времена настали... Дожили купцы, если дальше так пойдет, эти беженцы кавказские нам всех посетителей распугают. Придется и впрямь кафе продавать. Но уж только не им.

В течение недели Варик со своими прихвостнями навевались еще дважды. Каждый раз Варик получал отказ, но и не думал успокаиваться. Пришлось вызывать людей из охранного агентства, с которым у папы был заключен договор. Заявившись на следующий день и увидев охрану, кавказцы сразу убрались. Но, уходя, сквозь зубы обронили: «Мы прэдупрэждали — хужэ будэт!»

И в самом деле, наши дела приняли скверный оборот. В следующий за последним кавказским «наездом» понедельник, в три часа ночи, нам позвонили из охранного агентства. Наше семейное предприятие, наш милый зальчик с круглыми уютными столиками и старинными рецептами в деревянных рамках на стенах — сторел. Тревожная группа

подъехала, когда все уже пылало синим пламенем. Пожарные хрестоматийно заявили к шапочному разбору, и усатый майор, окинув взглядом пепелище, развел руками: «Огня уже нет, а головешки — не наша специализация», после чего быстро смылся со всей командой досматривать прерванный сон.

Когда мы с отцом, набросив на себя первое, что попало под руку, прибежали на место — кафе находилось в десяти минутах ходьбы от нашего дома, — на месте недавнего пожара дежурили только милиционеры да телевизионщики. Папа от журналистов отмахнулся, и они, смекнув, что я дочь главного потерпевшего, стали осаждать меня.

— У вас нет версий по поводу причин случившегося? Какова вероятность того, что это мог быть поджог?

— Это и был поджог, — и я, как и положено умной Маше, верящей в сказочки молодой российской демократии, выложила перед камерами всю историю нашего локального межнационального конфликта.

Какая же наивная я была, размечталась о кренделях небесных! Думала, вот сейчас по телевизору покажут-расскажут и — справедливость восторжествует. Дымящиеся угольки и комментарий: «Причины произошедшего выясняют следственные органы» — такова была телевизионная интерпретация моих юных представлений о справедливости.

Половину следующего дня папа провел в милиции. Писал заявления, рассказывал про визиты Варика и его свиты. Прямо из отделения его и увезли. На «Скорой». С диагнозом — инфаркт миокарда.

Три недели я носила папе в больницу апельсины. По вечерам отвечала на многочисленные телефонные звонки — оповещала широкие круги районной общественности о состоянии здоровья отца, днем же терпеливо пересказывала содержание этих разговоров папе. Ему было приятно, и поправлялся он заметно быстро. Так что, слава богу, обошлось.

Только выписавшись из больницы и едва придя в себя, он позвонил одному из бывших коллег по партии, который теперь занимал высокий пост в городской администрации, и попросил помочь.

Больше мы кавказцев не видели. Папа — какой он все-таки оптимист! — заявил, что интерьеры нашего заведения давно настала пора «освежить и осовременить». С проведением ремонта, а точнее — восстановлением из руин, очень помог постоянный посетитель кафе, преподаватель Мухинского училища. Иннокентий Петрович совершенно безвозмездно (есть же на свете добрые люди!) передал мне старинный альбом с литографиями интерьеров некоего знаменитого трактира. Он же привел и исполнителей работ — веселую шумную ватагу студентов из «Мухи», продвинутых в строительном и интерьерном искусстве ребят.

До сих пор не могу понять, как я успевала и учиться, и следить за ремонтом, и ухаживать за папой. Он был еще очень слаб, но почти каждый день приезжал в кафе посмотреть, как продвигаются работы. Суммы уходили астрономические, но выбора не было — приходилось все начинать с начала.

Проблемы с мужским полом как-то сами собой отодвинулись на двадцать первый план. Я как сумасшедшая гонялась по строительным магазинам, заказывала грузовики, часами висела на телефоне, ругаясь с подрядчиками. К тому же творческие личности из «Мухи» любили иногда уходить в присущий богеме запой, и доставать их оттуда и приводить в чувство тоже выпадало мне. В общем, было совершенно не до душевных переживаний и мучений. О Сашке я старалась не думать, а Маринку избегала.

Иногда звонил Раевский и робко предлагал встретиться. Если мне требовалась помощь, я соглашалась, и он безропотно таскался со мной по всяким делам. Миша безошибочно угадывал, что мне не амурных приключений, и вел себя исключительно корректно. Я не хотела разбираться подробно, из какого теста сделан мой новый ухажер.

Да и ухажером его можно было назвать с большой натяжкой. Появлялся Раевский «наскоками», проводил со мной дня три-четыре, а потом на столько же дней пропадал. Но с ним было легко, только робкость и застенчивость Раевского иногда переливали через край. Забавно, он никогда не ругался и не повышал ни на кого голоса. Одним этим Раевский привлекал меня, потому что круг моего общения тогда в основном составляли строители-ремонтники, не умеющие разговаривать иначе как матом и на повышенных тонах. Раевский обладал энциклопедическими знаниями и с ним всегда было о чем поговорить.

КРОВНЫЕ УЗЫ

Через два месяца после выхода папы из больницы наше кафе опять открылось. А еще через два началось страшное.

К тому времени пандемия расселения охватила весь город, будто средневековая чума — Европу. Наше предприятие «Блинчиков и К°» занимало очень выгодное положение: оно располагалось в цокольном этаже небольшого сталинского особняка и окнами обеденного трактирного зала выходило на оживленную городскую магистраль, что связывала крупнейший спальный район с историческим центром. Место было чрезвычайно бойкое и многолюдное.

И некий владелец «заводов, газет, пароходов» положил глаз на наше кафе. То есть сам «мешок с деньгами» никогда не достаивал нас своим появлением; вместо него приезжали помощники, «шестерки». Как я ненавидела этих наглых и лощеных молокососов, что с гнилыми улыбочками на мерзких лицах объясняли нам наши права! Они были еще отвратительнее, чем прихвостни Варика, потому что «действовали по закону». Нам с первых слов дали понять, что за «мешком» стоит административная власть, заинтересованная в том, чтобы постепенно прибрать к рукам недвижимость в центре города. Просить помощи было неоткуда.

— Если вы, уважаемые, в течение трех дней не дадите согласия на заключение сделки, придется включить счетчик, — мы сидели ни живы ни мертвы и молча выслушивали, что говорят продажные рожи в чистых белых воротничках.

После того как папа вышел из больницы, на всех переговорах мы присутствовали оба.

— Знаете, этакая хитроумная машинка, но в отличие от своего квартирного родственника, что считает киловатты, он будет крутиться в обратную сторону: с каждым днем предложенная сумма будет уменьшаться на пять процентов, — объясняли наглецы. — И это еще не все огорчения вашей заминки. Если вдруг возникнет желание возобновить переговоры, тогда вы их будете вести не с нами, а со службой охраны, а у этих людей свои, далекие от цивилизованных правил, методы общения.

Но отец, как и в прошлый раз, наотрез отказался: не продам вам ничего ни за какие деньги. Через три дня нам позвонили с вопросом, где и когда можно оформить сделку. «Сделки не будет!» — проорал папа в трубку и так швырнул ее на рычаг, что ни в чем не повинный тайваньский аппаратик раскололся на две половинки.

На следующий день к нам в офис пришла проверка из налоговой инспекции. Дела отец вел честно, и бухгалтерия не подвела. Отпраздновать эту маленькую победу мы не успели.

...В тот день после университета я заехала домой. Погода стояла ужасная — ноябрь, самый отвратительный месяц в году. Снега еще нет, и листьев на деревьях тоже, ветер с ног валит, все чихают и кашляют. В противоположность уличной, моя внутренняя температура, я чувствовала, поднималась, и я собиралась наглотаться таблеток, одеться потеплее и уже потом ехать в кафе. Мы теперь жили как на иголках, каждый день могло случиться что-нибудь непредсказуемое. Слава богу, в аптечке нашелся последний пакетик растворимого заграничного аспирина. Огромная красивая таблетка, брызгаясь пузырьками, вращалась в стакане по кругу. Держа лекарство в одной руке, другой я шарила в ящике шкафа, пытаюсь извлечь оттуда шерстяные носки. Я уже поднесла спасительное питье ко рту, как раздался

телефонный звонок.

— Да? Говорите.

После секундного молчания в трубке кто-то по-гадючьи хмыкнул, и потом раздалось: — Ну что, уважаемая, вас предупреждали. Не обессудьте уж...

В горле мгновенно пересохло.

— Кто говорит?

— Кто-кто? — На том конце провода матерно выругались и снова мерзко рассмеялись.

Я почти не дышала, крепко прижимая к уху трубку. Где-то вдалеке запиликал мобильный телефон. Я ждала. В трубке послышался какой-то треск, а затем голос из наглого переродился в подобострастно-услужливый, обращался он явно не ко мне:

— Да, Степан Борисович... Да, мы все сделали, как вы сказали... Да, так точно... Обязательно.

Снова треск, шум, и связь оборвалась. Я застыла на месте с трубкой в руках, короткие гудки проникали прямо в мозг. Степан Борисович! Да как же... Этого не может быть, при чем тут Степан?!

Засохший букет еще стоял в вазе на журнальном столике. На секунду мне показалось, что замысловатые, причудливо свернувшиеся листья напоминают бесцветного раскоряченного паука. Надо немедленно выбросить на помойку, мелькнула мысль, но я была не в силах даже притронуться к цветам. Только ни в коем случае не плакать, ни в коем случае...

От следующего телефонного звонка я подпрыгнула на месте. Ах они, сволочи... Сейчас я им покажу! Я схватила трубку и рявкнула:

— Попробуйте еще раз позвонить, и я вызову...

— Машенька, — еле живой мамин голос пробивался сквозь помехи на линии. — Машенька, папа...

В глазах потемнело, а ноги сами вдруг подкосились, в момент сделавшись ватными и безжизненными. Я нашарила бессильной рукой стул и упала на него.

— Мама, что с папой?!

— Машенька, папу избили прямо у кафе, был повторный обширный инфаркт, — мама едва не рыдала, сдерживаясь изо всех сил. Вдруг вспомнилось, как совсем недавно папка помогал маме тащить тяжеленные сумки по лестнице, а мама не давала и все отчитывала его. — Машенька, ему срочно нужна операция, но нет крови...

— Какой крови, мамочка?

Огромный паук сидел в вазе, распластав корявые белесые лапы.

— Врачи говорят, что требуется открытая операция на сердце и им нужна кровь. Но такой группы, как у папы, сейчас нет, и они не могут начинать...

Мне хотелось завывать от ужаса, но я понимала — если я сорвусь, надежды не останется никакой. «Блинчиковы — не сдаются!» Злость помогла мне взять себя в руки. Мы с мамой будто поменялись местами.

— Мама, где вы?

— Мы в кардиологическом центре, нас по «Скорой» сюда привезли. Машенька...

— Адрес! Мама, скажи адрес!

— Я не знаю... — похоже, маму тоже надо отправлять на операционный стол.

— Спроси у медперсонала, сейчас же! Я жду.

Видимо, уверенность моего тона немножко приободрила маму. Я записала на руке

адрес и, велев маме, чтобы ждала меня, начала метаться по комнате. Только сейчас я сообразила, что мой приезд в больницу главной проблемы не решит. У папки — самая редкая группа крови, четвертая, мы с мамой все время над ним подшучивали, что он у нас, мол, самый редкий экземпляр.

Может, глотнуть коньяку? У родителей в шкафу всегда стоит дежурная бутылка — для гостей. В фильмах и книжках так всегда делают — принимают рюмку-другую и расслабляются. Но это в фильмах, а мне было плохо по-настоящему. Плохо и страшно. Дела принимали серьезный оборот. Что же предпринять, у кого просить помощи? Состояние было такое — хоть на улицу выскакивай и кричи. От бессилия я была готова разрыдаться. В отчаянии я набрала телефон Раевского, но его, естественно, не было дома.

Что делать? Маринка! У нее, по-моему, мать работает в каком-то медицинском учреждении. К черту личные отношения, не до них теперь! Я, как была, босиком, выскочила на площадку и со всей силы вжала звонок соседней квартиры.

— Мэри?

Маринка была удивлена даже как-то сверх нормы, но ее реакция меня не интересовала.

— Слушай, у нас беда, папе срочно нужна операция, и нужна кровь, а мама твоя — дома? — выпалила я с порога.

— Мама? Мэри, подожди, я не понимаю. Что случилось?

— Нам нужна кровь, четвертой, редкой группы, а твоя мама — медработник, — начиная раздражаться, проговорила я.

Босым ногам вдруг стало так холодно, и озноб пополз вверх по телу.

— Мэри, она в регистратуре в обычной поликлинике работает, — чуть смутившись, сказала Маринка.

— Четвертая гру... Что же делать? — предательские слезы подступили совсем близко.

Действительно, я с перепугу забыла, что Варвара Ивановна просто сидит в регистратуре и выдает больным карточки. Никакой крови у нее и быть не может. Я рухнула на пол и обхватила голову руками. Идти было некуда.

В глубине квартиры послышалась какая-то возня и препирания. Маринка не одна, а тут я со своими проблемами. Надо вставать и ехать в больницу, а там будь что будет. Ну неужели в целом центре — мне почему-то представился огромный медицинский центр, а папка лежит на носилках такой маленький — нет для него крови? Они же врачи! А папка — умрет! Я больше не могла сдерживаться и зарыдала.

...Кто-то крепко держал меня за плечо и тянул вверх. Ну и руки у Маринки, все-таки пошла в тренажерный зал, тупо пронеслось в голове. Я зажмурилась. Сейчас, еще три секунды повою и встану, умоюсь и...

Меня рывком подняли на ноги и трясли за плечи. Я открыла глаза. Сашка. Сашка? А, ну да, они же встречаются... А я такая страшная, отовсюду течет, боже мой!.. Сашка держал меня обеими руками, совсем как тогда, на диване, год назад, и черная кудряха все так же спадала ему на лоб.

— Хватит ныть, — грубо сказал Сашка и поволок меня к выходу. — Пошли, оденешься и поедем.

— Куда поедем?

Таланов помедлил с ответом.

— На дискотеку!

— Зач-чем на д-дискотеку? — от волнения я начала заикаться.

— Машка, не будь идиоткой, одевайся и поехали!

Сашка буквально выталкивал меня на лестницу.

— Иди, я жду тебя здесь! Носки не забудь надеть!

Я послушно помчалась выполнять приказ. Схватила первый попавшийся свитер и с трудом напялила. Голова просто раскалывалась. В ванной из зеркала на меня глянуло незнакомое опухшее лицо в обрамлении всклокоченных волос. Уже убегая, я заметила стакан на столике. Аспирин! Если я не приму лекарство, точно заболею... А если приму, то меня вырвет, быстро решила я и вылетела из квартиры. «Паука» выброшу, когда вернусь... Когда мы с папой и мамой вернемся домой.

Сашка о чем-то тихо говорил с Маринкой, водя длинным указательным пальцем по косяку двери. У нее было странное выражение, какое-то растерянное и жалкое. Увидев меня, она смутилась еще больше. Сашка снова больно схватил меня за локоть и потащил вниз.

— Счастливы вам!

— Спасибо, Мариша, — бросил на ходу Таланов, и мы покатались по лестнице дальше.

Я сидела одна в пустом больничном коридоре с голубыми стенами и ждала Сашку. Сидела на жутком коричневом стуле с прямой спинкой, склеенном с четырьмя или даже пятью своими братьями. Придет же такое в голову, стулья приклеивать друг к другу. Мама — я была права — действительно нуждалась в медицинской помощи, и для нее нашлось место в соседней с папой палате. К родителям меня не пускали, и Сашка велел ждать в коридоре. После длительного тихого разговора с пожилым врачом, которого Таланов нашел в пять минут, достав всех в клинику, они вместе куда-то ушли. Я не знала, сколько прошло времени, часов у меня не было. Может, уже ночь? Рабочий день, судя по количеству белых халатов и хлопанью дверей, давно закончился. Стояла гнетущая пугающая тишина. Меня знобило. Надо было выпить аспирина... Отупение, как туман, властвовало во всем теле, голова не работала.

Я не понимала, где взять кровь и как спасти папу. На мои приставания в такси Таланов почти ничего не отвечал, отделяваясь ничего не значащими фразами и заверениями в том, что «он разберется».

Наверно, я задремала. Когда я с трудом разлепила глаза, рядом был Таланов какого-то серого цвета. И ему плохо стало, испугалась я.

— Все в порядке?

— Да, Маш, теперь — в порядке, — бескровными губами ответил Сашка.

— Теперь? Ты... ты не заболел?

— Да нет, — Сашка усмехнулся и потер заострившийся нос. — Что ты на меня уставилась? Голова — два уха, все в норме.

Я боялась спрашивать дальше. Что значит «теперь»? Вечно он со своими сюрпризами и недомолвками! А вдруг папка...

Словно прочитав мои мысли, Сашка повернулся и взял меня за руку. Кисть была ледяной, наверно, такие бывают...

— Папу двадцать минут назад увезли на операцию. Она продлится долго, и надо ждать.

— Увезли? — у меня перехватило дыхание.

— Да. И мы ждем.

— Ждем?..

— Сиди спокойно.

Наверно, это хорошо, что увезли. Значит, где-то нашли кровь, необходимую папке, и все будет хорошо. Мы подождем, мы же вместе... Какая-то мысль не давала мне покоя... Мама!

— С твоей мамой ничего серьезного, просто очень поднялось давление, и она под капельницей, — сказал Сашка, сжимая мою руку.

Похоже, Таланов превратился в ясновидящего и научился читать чужие мысли. Ну и пусть, неважно, сейчас вообще нет ничего важного, кроме папы. А мы подождем, и все будет хорошо. Я машинально опустила голову Сашке на плечо и закрыла глаза. В голове слегка прояснилось, и меня почти не трясло. Мы молчали. Хорошо, что он рядом, он сказал, что разберется. Мужики на то и нужны, чтобы разбираться. Господи, зачем они такой цвет выбрали для стен? Голубой — это цвет радости, весны, смеха... Насмешка какая-то просто. Я снова заснула.

Всю ночь мы с Сашкой просидели в коридоре, находясь в полузабытьи. Пить и есть уже не хотелось. Иногда я просыпалась, взглядывала на Сашку, сопевшего под боком, и снова засыпала.

Длинный-предлинный узкий коридор, ярко-голубой, как небо летним днем, но солнца нет. Все чувства обострены, и я знаю, что папина душа сейчас мечется между ночью и светом. Моя — рвется на части. Я — в коридоре, я жду папу. Стены такие яркие, как папин смех, и я знаю, что сейчас дверь откроется, выйдет папа и весело скажет: «А это кто здесь сидит? А ну — марш домой!» Я сижу долго, но никто не выходит. Дьявольский страх тоненькой струйкой заползает внутрь меня, но я не пускаю. Сейчас откроется дверь, и грянет солнце, и голубое расцветится ярким, светящимся, слепящим, и папа выйдет, живой, здоровый и веселый.

Я жду. Хочется спать, но нельзя. Мэри — хорошая девочка, она ждет своего папу. Я таращусь глазами в дверь и не сплю.

И когда приоткрывается дверь, я остаюсь на месте, но папы нет. Что-то выползает оттуда тоненькой струйкой. «Папа?» Я медленно, как и должно быть во сне, привстаю с места. Голубой свет — такой яркий, что невозможно глядеть. Он заполняет собой все вокруг, и светлый шар катится по коридору. Шар завораживает, притягивает, околдовывает, и я смотрю на него, когда он проплывает мимо. Коридор длинный, но в конце нет света. Там нет ничего, там пустота, и мне вдруг становится страшно.

Шар — впереди, он вобрал в себя всю жизнь, прошлую и настоящую, и он катится вперед. Я хочу бежать за ним, но не могу. Не идут, не бегут, не двигаются ноги. Шар все дальше и дальше, коридор длинный-длинный, но я стою на месте. Будущего нет в этом шаре, и он катится вперед. Я кричу, но никто меня не слышит, даже я сама. Далеко-далеко, в конце коридора, появляется щелка. Я знаю, что бывает свет в конце тоннеля, но сейчас этого не нужно, это неправильный свет. Я снова кричу, но меня никто не слышит. Я знаю, что это папа, и я никогда его больше не увижу. Я плачу, но слез нет... И птицы летят. Откуда здесь птицы, думаю я, и уже нечем дышать. И это хорошо, зачем?..

Операция, как сказали позже, длилась шесть часов.

— Ну что, просыпайтесь, орлы боевые! — будил нас веселый громогласный окрик.

Пробираясь сквозь наваждение сна, я с трудом узнавала, где я. Стул очень жесткий, и рука потная и липкая, затекла — у Сашки, наверно, тоже. Врач в смешной белой шапочке на макушке довольно улыбался. Глаза у него были добрые-предобрые, именно такие, какие и

должны быть у высококлассного хирурга: всезнающие, вечно усталые и с лучиками морщин. Я, во всяком случае, только так представляла себе папкиного доктора.

— А... где папа?

— Где положено, милая барышня, в реанимации.

Я охнула и зажала рот руками. Во сне все так и было... А почему он такой веселый?

Видимо, поняв мое состояние, врач перестал шутить и сказал серьезно:

— После такой серьезнейшей операции ваш отец нуждается в реанимационном уходе, — и добавил: — Так бывает со всеми больными. А вам, молодой человек, еще раз — огромное спасибо, — и протянул Сашке плотную широкую ладонь.

Сашка, ошалело оторвавшись от дерматинового монстра, пожал ее обеими руками.

— Так папа не умрет? — тоненьким голосом спросила я.

«Белая шапочка» вдруг рассердился:

— Барышня, врачам нельзя задавать подобные вопросы!

Наверное, на моем лице было написано нечто такое, от чего он смягчился:

— Состояние очень тяжелое, но все показатели близки к норме, и мы надеемся, что организм справится. Всего хорошего, молодые люди, — шапочка съехала чуть вперед, доктор поклонился и ушел.

Я перевела дух.

— Саш, а зачем он тебе руку пожимал?

Таланов пожал плечами, ресницы нехотя сделали взмах — вверх-вниз.

— Откуда я знаю? Захотелось ему.

Захотелось... В Сашкиных глазах промелькнули знакомые смешинки-чертики. Я напрягла последние остатки сознания и... Ну конечно, он вернулся бледный, как смерть, и слегка пошатывался. Господи боже мой! Кровь! Я схватила его за руки:

— Ты сдал кровь, да? У тебя такая же группа, как у папы...

Я кинулась к Сашке на шею и в который раз разрыдалась.

Три дня отец находился между жизнью и смертью. На четвертый он пришел в себя, и доктор сказал, что кризис позади.

ПРОЩАЙ, КАФЕ

Папу отпустили домой только через месяц. Он стал инвалидом второй группы, ему полагалась пенсия и полный покой. Мы каждый раз вздрагивали при звуках телефона и все ждали, когда же объявятся прихвостни господина «денежный мешок» или он сам, лично. О том, что им может оказаться Степан, я решила до поры до времени не думать.

Неожиданно объявился Раевский и, как ни странно, даже привел с собой адвоката. Адвокат оказался другом детства, но не самого Миши, а отца Раевского. С приходом в нашу жизнь господина Гайтановича я даже подумала — тьфу, тьфу, тьфу, — что черная полоса закончилась и можно перевести дух.

...Мы сидели в ресторанчике Дома актера, вели беседу ни о чем и за чудным тамошним кофе поджидали встречи с Гайтановичем. Раевский был в тот день в ударе, беспрестанно шутил и отпускал комплименты.

— Здравствуй, здравствуй, племя молодое, незнакомое, — раздалось напевно вдруг где-то сбоку.

За болтовней мы и не заметили, как к нашему столику кто-то подошел. Это был, конечно, адвокат с большой буквы, наша надежда и опора — господин Гайтанович. Ничего не скажешь, умеет человек себя преподнести! Мы с Мишей невольно заулыбались. Тем временем тот, отчаянно жестикулируя и строя гримасы, продолжал:

— Извините за задержку, но, увы и ах, дела играют человеком, а...

— ...человек играет на трубе! — бойко закончил фразу Раевский.

Адвокат непринужденно поцеловал у меня руку, не смущаясь, с грохотом придвинул себе кованный стул и, поерзав, утвердился на нем. Контакт был налажен мгновенно.

— Совершенно верно...

Гайтанович был невзрачным, небольшого роста мужчиной без возраста с каким-то неопределенным неброским лицом, на котором сидели цепкие пронзительные глазки, — до того момента, пока не открывал рот. Как только момент этот наступал, все менялось: чрезвычайно живые и подвижные черты приходили в движение, и адвокат начинал походить на гениального сыщика, у кого «нюх, как у собаки, а глаз, как у орла».

— Итак, чем могу служить, чем могу угодить, чем могу угостить? — мы переглянулись. — Первое правило деловых ланчей, молодые люди: сначала обезопасить себя от непредсказуемой энергетике официанта, а потом уже — знакомиться, представляться и вести взаимоприятную беседу о делах. Так что будем заказывать?..

Не вдаваясь в излишние юридические подробности, скажу, что Гайтанович блестяще провернул дело. Он оказался честным и порядочным человеком, и обширный круг знакомых в структурах власти позволил выручить за кафе довольно приличную сумму. Процент он взял себе, как и обещал, просто мизерный. Мы с родителями были бесконечно благодарны ему за поддержку в тяжелую минуту.

Несмотря на то что оформление бумаг и прочая финансовая канитель прошли без сучка без задоринки, я очень переживала. Слава богу, что мы не остались с носом. Благодаря виртуозной работе Гайтановича мы получили деньги, и довольно приличные.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но семейного бизнеса больше не существовало! На последней вечеринке в кафе (которая стала возможной опять-таки проворному Гайтановичу, так как бизнес и,

соответственно, место уже нам не принадлежали) я сдерживалась изо всех сил. Был канун Нового года, но настроение у всех было отнюдь не праздничное. Клавдия рыдала, никого не стесняясь. Все старались подбадривать друг друга, но вид у бывших специалистов был мрачный. Конечно, я была уверена, что без работы большинство персонала не останется. Они обязательно найдут себе место, только вот такого сплоченного веселого коллектива — уже, наверно, ни у кого не будет никогда.

У меня появилась уйма свободного времени. Никто не поверит, если я расскажу, сколько раз после университета я машинально проезжала нужную остановку и выходила на той, что вела к кафе.

Бездельничать я не привыкла, и занятия находились сами собой. Зимнюю сессию я снова сдала на ура, родители были счастливы. Папка очень сдал в последнее время, он-то переживал потерю бизнеса еще сильнее меня. Даже на вечеринку не пошел — боялся, наверно, не выдержать. Да и мама проявила себя неожиданно решительно: встала у двери, загородила собой проход и сказала: «Что хочешь делай, никуда не отпущу!» Пришлось папке покориться.

На семейном совете было принято решение о покупке жилья за городом, и папка воодушевился: всю жизнь он мечтал о своем хозяйстве. Предложений подобного рода имелось более чем достаточно, и после двух месяцев активных поисков мы остановились на чудесном, словно с рождественской картинки, домике в месте с говорящим названием Грибное. Правда, на приобретение домика ушла львиная доля вырученных за кафе средств, но он — домик — того стоил. Все удобства находились внутри, планировка была более чем удобной. К тому же теперь наше загородное чудо находилось почти что на берегу озера, и вид открывался потрясающий. Косметический ремонт решили отложить до лета.

Перевозил родителей осунувшийся и постаревший в последнее время старинный работник Добряков. О его тортах и пирожных ходила в городе слава, и любители сладенького специально ехали к нам, чтобы вкусить настоящего «птичьего молока» или бесподобных кнедличков со сливами. Он никак не мог привыкнуть к мысли, что папка больше не его начальник. Развалюха-«копейка» дребезжала на ухабах, и грусть накрывала нас, и слезы подкатывали к горлу.

Оставшись в квартире одна — папе прописали полный покой и свежий воздух, и маме пришлось взять долгосрочный отпуск по уходу, — я до умопомрачения драила квартиру, читала, занималась, стараясь как следует устать за день. Тогда тревожные мысли в кровати перед сном меньше одолевали меня.

После той ночи в кардиологическом центре мы больше не встречались с Сашкой. Часто я ловила себя на мысли, что мы оба совершаем какую-то грубую ошибку. Но невидимую стену между нами невозможно было разрушить. Прощаясь утром в больничном коридоре, нам нечего было сказать друг другу. Оба чувствовали себя натянуто и принужденно.

— Всего тебе хорошего, Мэри, — глядя в сторону, сказал Сашка. — Звони.

— И ты тоже звони.

Расставшись, мы оба испытали невероятное облегчение. Все случилось так, как случилось, значит, нам не суждено быть вместе, уговаривала я себя. Родители восхищались Сашкой и его «самоотверженным поступком» и то и дело спрашивали меня, как он и что. Но, поняв, что я отмалчиваюсь и ухожу от ответа, перестали.

Папка выглядел замечательно, свежий воздух действовал на него самым что ни есть благотворным образом. Первым делом он привез откуда-то кобеля овчарки, назвал его

Паганелем — в честь любимой книги своего детства — и посадил на цепь во дворе, перед этим предусмотрительно своими руками скототив Паганелю будку. Затем обложился справочниками по животноводству и садоводству и принялся ждать лета, чиркая на полях какие-то одному ему понятные мудреные записи. Мама только вздыхала и, когда папы не было рядом, ласково называла Паганеля — «Поганец».

Глядя на папку, порозовевшего и довольного, я тоже понемногу успокаивалась, набиралась сил. В семье единогласно было решено раз и навсегда забыть страшные события и наслаждаться тем, что у нас осталось.

Прошедшие события настолько вымотали меня, что хотелось отдыха и покоя. На все каникулы я уехала в Грибное, в домик на берегу озера. Мне никто не был нужен, я одевалась теплее и часами ходила одна, слушая тишину и ни о чем не думая, — чтобы было спокойнее, папка спускал с цепи и отправлял со мной Паганеля. «На солнце иней в день морозный; и сани, и зарею поздней сиянье розовых снегов...» Умиротворение вливалось в душу, растворяя все беды и напасти и наполняя тело новыми силами.

В одном месте я особенно любила бывать: на высоком крутом берегу озера под вековой елью- великаншей гнездилась небольшая уступка-полянка. Прислонившись к необъятному смолянному стволу, я подолгу простаивала там, надежно укрытая зелеными лапами.

Укутанное белым покрывалом озеро сладко спало и видело сны. Вдалеке, на том берегу, чернела деревенька; рыхловатый дымок курился и потом растворялся в морозном разреженном воздухе. В стороне от деревеньки громоздился стеной темный, полный таинственности и сказок лес, а Паганель смирно сидел рядом и терпеливо ждал, подрагивая треугольными ушами.

АРИШКА И НЕМЦЫ

В университете все шло своим чередом. Я исправно посещала занятия, и бдительные чугунные грифоны Банковского моста напротив входа в Финэк так же степенно и величаво приветствовали меня.

Раевский, как и раньше, появлялся периодами. К слову, он обладал врожденным тактом и совершенно отчетливо видел, что мне по-прежнему не до любовных историй. По-прежнему лохматый и ссутуленный, в одном и том же зеленом свитере, он подолгу сидел на моей кухне, абсолютно ничего не требуя от меня. Преданный, как у Паганеля, терпеливый Мишин взгляд иногда раздражал, но чаще успокаивал. Смешно сказать, мы играли в шашки и «Эрудит» и неплохо проводили время вместе.

Когда звонила Аришка, почему-то приходилось оправдываться перед ней. Я злилась за это и на себя, и на нее, но ничего не могла с собой поделать.

— Мэри! — возмущалась подружка. — Не могу поверить, вы вот так сидите и играете в шашки?! Ладно, тусоваться не хочешь, но шашки? И все?

— Ну почему, — вяло отбрыкивалась я. — Еще мы пьем чай.

— Какой чай, Мэри! Тебе нужен хороший здоровый секс! Твой Раевский что, голубой, что ли?

— Да хоть сиреневый, Ариш! Нет сил никаких, а он мне не мешает.

— Не мешает, — распалаясь Аришка. — Мужик помогать должен и удовлетворять в постели, а иначе на кой хрен он сдался? Женщина с мужчиной должна испытывать весь спектр ощущений!

Эти препирания продолжались бесконечно. Но как-то она позвонила, и по ее ненатурально возбужденному голосу я поняла, что в Датском, а вернее, в Немецком королевстве произошел некий сбой.

— Я сейчас такое расскажу — упадешь со стула! — с места в карьер начала подружка.

— Да ну?

— Слушай, в общем, произвели мы, как обычно, половой акт, целованцы-обниманцы и все такое, и собираюсь я мыться. У них в ихнем сраном хостеле душ общий, жуть! Замоталась в какое-то полотенце побольше, иду по коридору, спокойненько так, чтобы полотенце не упало. И уже дверь в душ открываю, вдруг... — Аришка выдержала театральную паузу.

— Что? Обвалился потолок?

— Нет, хуже! Бежит за мной этот псих, и он совершенно, ну совсем, понимаешь, совсем голый! И кричит что-то, а я ни фиги не понимаю!

— Может, это немецкий способ выражать свои чувства? — предположила я.

— Да нет, слушай дальше! Затолкал кое-как меня в душевую, кричит. Я уже чуть не плачу, женишок-то, думаю, с изъязном попался. В костюме Адама в общественном коридоре скачет!

В общем, из его лепета вычлению одно слово — презерватив. Где, говорит, презерватив? Ну думаю, плохи дела, сбрендил студент. Зачем ему, на долгую и нежную память обо мне? А он — только руками разводит. А там, в душевой, холодно, мерзко, и он голый скачет, и смех и грех... И тут дошло до меня.

— Что?

— А то, что он, так его растак, затолкал средство индивидуальной защиты в даму своего сердца! Хороша развязочка, нечего сказать!

Я захохотала.

— Вот и мне сейчас смешно, — возбужденно тараторила Аришка. — А тогда — не представляешь, как струхнула! Короче, обмотались мы с ним оба одним полотенцем и — обратно в номер. Люди шли по коридору, стыдоба... Но мне наплевать на всех было, очень я напугалась.

— Чего, дурища?

— Как чего? Что он у меня внутри гнить начнет и мне полживота отрежут!

Аришка всегда отличалась невероятной любовью к собственному телу. Малейший прыщик на лице воспринимала как вселенскую катастрофу. Я представила себе обезумевшую Аришку и ее голого сожителя, и снова рассмеялась.

— И что потом? Вы стали вытаскивать?

— Да что ты, я не дала. Да он, кретин, и не справился бы, у него аж руки тряслись!

— Наверно, волновался за тебя, — предположила я.

Ральфа я помнила смутно, что-то такое худое и немножко нелепое, но впечатление немец оставил благоприятное.

— Да, держи карман! — гневно заорала Аришка. — Он испугался за свои сперматозоиды несчастные, вот чего он испугался! Ты бы его рожу увидела, сразу бы поняла, чего он испугался!

— И что потом? — похоже, подружка была сильно расстроена.

— Что-что, я его за шкуру — и в НИИ «Скорой помощи». Не очень далеко, конечно, остановки четыре. А уже ночь почти, и денег на тачку нет... В общем, всю дорогу пришлось бежать... Мне и смешно, и страшно — а вдруг презерватив уже начал разлагаться и гниет внутри меня? Этот гад осоловевший рядом пыхтит, лопочет там на своем тарабарском. Ворвалась я в больницу, там все, естественно, уже десятый сон досматривают. Я этого внизу бросила, все равно с него толку, как с козла молока, и — наверх. Подняла на уши всю больницу, они сначала ругались, но когда я им объяснила положение, как стали ржать! Особенно один, высокий такой, темноглазый, ничего себе такой...

— Ты что, вот так прямо и говорила? Мол, застрял внутри и...

— Да, а как надо было, стихи сочинить на эту тему? Мэри, прекращай быть такой дурочкой стеснительной, это несовременно!

Ну конечно, подумала я, зато современно по ночам с презервативами в утробе разгуливать. Хотя в чем-то, Аришка, наверно, права. Времена стыдливых робких девиц давно прошли, а я даже с близкими подружками боюсь называть вещи своими именами. Неожиданно я вспомнила, как мы с Сашкой сидели в кино и, когда показывали постельную сцену, он шутливо закрывал мне глаза рукой. И мне почему-то это было очень приятно.

— И... что было потом? — осторожно спросила я.

— Ну вытащил он из меня ма-аленькую такую резиночку, да еще перед носом моим помахал, чтобы я удостоверилась. А где, говорит, с вашего позволения, главный участник сегодняшнего парада? Я говорю, там, на коврике у дверей спит, он, говорю, мне больше не понадобится. В общем, развеселила я всех, насчет денег и не заикнулись. Вот и все дела!

— А Ральф?

— А что Ральф? Пропал!

— Как пропал?

— А так, не звонит, не пишет уже почти месяц, — бодро сказала Аришка. — Да пошел он... Знаешь, я как его лицо испуганное вспомню, так мерзко становится... — Аришка шмыгнула носом. — Да и что с него взять — ни богу свечка, ни черту кочерга! Другого найдем, еще и лучше!

НА БАЛЕ-МАСКАРАДЕ

— Ну так что, Мария Николаевна! Я вас жду?

— Я даже не знаю, мне как-то неудобно...

— Мария Николаевна, вы молодая и очаровательная женщина и украсите собой любое общество. — Гайтанович умел уговаривать. — И необязательно постоянно сидеть дома, иногда полезно узнать, что происходит за дверью вашей квартиры!

И этот туда же! Сговорились они все, что ли?

Я знала, что нравлюсь Гайтановичу. Но позвольте, он мне не в отцы, а почти в дедушки годится! Да и не люблю я шумные сборища, незнакомые лица, неестественные улыбки.

— Может быть, мне за вами заехать?

— Нет-нет, что вы! — перепугалась я. — Не нужно, мы сами!

— Тогда договорились — в 8 часов.

— Договорились, — со вздохом сказала я.

«Забавное местечко», по словам Гайтановича, оказалось огромным двухэтажным особняком с массивными колоннами. По сравнению с нашим бывшим кафе здание казалось дворцом. Машин вокруг припарковалось видимо-невидимо, а они все подъезжали и подъезжали. И вот в начале девятого мы с Мишей, сдав пальто в гардероб, стояли внутри и озирались по сторонам.

Некие хорошие знакомые нашего знаменитого адвоката устраивали вечеринку по поводу открытия нового ресторана. Форму проведения мероприятия они выбрали для северной нашей столицы традиционную — фуршетную. Также предполагался небольшой маскарад, или, как сообщала программа вечера, «Машкерадное действо в честь открытия первого авторского ресторана с бесплатной раздачей машкерадных личин на входе, с последующим на память подарением». Падкие на дармовщинку представители богемных и полусветских кругов придали мероприятию необходимую массовость, а это, в свою очередь, обеспечило присутствие прессы в лице вездесущих журналистов и телевизионщиков. Гвоздем программы планировался розыгрыш автомобиля.

— Смотри! Мальвина! — я дернула Раевского за рукав.

Мимо нас чинно проплыла маленькая девочка в голубом парике и голубом же платье в пол. Девочка смотрела на всех гордо и пренебрежительно. Наверно, дочка устроителей, решила я.

Зал, весь уставленный канделябрами, поражал своим размахом. Паркет скрипел, официанты во фраках с наклеенными бакенбардами бесшумно скользили с подносами. Тут и там мелькали маски персонажей из детских сказок. Шикарно одетые бизнесмены и «прибандиченные» новые русские млели в обществе прекрасных длинноногих дам, лениво потягивая из толстеньких бокалов темно-коричневую жидкость. Невдалеке от меня прошел Петр Первый в черной треуголке и высоких ботфортах, мило болтая с вельможей в расшитом галунами шелковом камзоле. Дамы в кринолинах, увенчанные напудренными буклями, обмахивались веерами.

Некий крупный чиновник из мэрии дожидался времени исполнения почетной обязанности, возложенной на него организаторами. Напыщенному, упивающемуся собственной значимостью господину предстояло самолично разрезать огромный двухъярусный торт на порционные куски и оделять ими тщательно отфильтрованное

окружение из самых «сливок» городского бомонда. «Фишка» заключалась в том, что в одном из кусков огромного торта был запечен ключ. И тот счастливчик, которому бы он достался, тут же, не покидая блистающего огнями зала ресторана, получал в свое полное распоряжение невесть как сюда попавший ярко-синий автомобиль «Жигули», красующийся на площадке чуть в стороне.

— Мэри, я отойду на минутку, — прокричал Раевский в ухо. Музыка оглушала. Я поморщилась и кивнула.

В мелькании разноцветных масок, кружении разноцветных огней и гомоне веселящихся гостей, уничтожавших событийные канапе в гигантских количествах, я чувствовала себя человеком лишним и даже посторонним. Была бы со мной Аришка! Это ее стихия — когда пыль столбом и дым коромыслом, она на подобных тусовках чувствует себя, как рыба в воде.

Тихонько покинув общее веселье, я поднялась на второй этаж. Прижавшись лицом к прохладному стеклу, я наблюдала за происходящим внизу весельем. Отчего все эти люди внизу так оживлены и радостны? Неужели каждый из них счастлив по-настоящему? Неужели у каждого царят мир и покой в душе? И у каждого есть своя половинка? Или все это веселье — напускное, искусственное, как и те маски, что раздавались при входе? Печальные думы одолевали меня.

Одинокая и неприступная, в стороне от праздника жизни, на нижней ступеньке лестницы, грациозно облокотясь на перила, стоит молодая девушка. Снующие мимо молодые люди с интересом поглядывают на красотку в шикарном белом костюме с глубоким вырезом. Все в этой девушке прекрасно: густые ухоженные волосы, небрежно спадающие на плечи, очаровательно изогнутые пухлые губки, изящные туфельки... Толпа бурлит и беснуется рядом с нею, но ей ни до кого нет дела.

Неожиданно по залу проносится ропот. К сцене пробирается какой-то мужчина. Перед ним почтительно расступаются, и вот — он у цели. Красавица медленно поднимает глаза. Мужчина берет в руки микрофон, на него направляют прожектор и — о боже! — это Он! Своим обворожительным голосом Он произносит: «Уважаемые дамы и господа! Разрешите в этот торжественный день рассказать вам о своей любви! Любви к Мэри Блинчиковой, к той, что озарила мою жизнь своим появлением! Мэри, я люблю тебя!»

Легкой спортивной походкой мужчина сбегает со сцены и устремляется к прекрасной девушке. По мере его приближения взор ее теплеет, глаза увлажняются. Мужчина становится перед Мэри на колени, она подносит к его губам прелестную ручку. Своими сильными руками мужчина подхватывает Мэри и начинает кружить по залу.

Дамы промокают глаза надушенными платочками. Мужчины снисходительно улыбаются...

— Именем Тарабарского короля, почему это прелестное создание не танцует в моей труппе?

Передо мной стоял Карабас-Барабас с густой черной бородой и в цилиндре, но подозрительно маленького роста. Карабас распространял запах дорогого алкоголя и приплясывал на месте. Насладившись моим испугом, Карабас отнял от лица маску — Гайтанович! Цилиндр, разумеется, свалился на пол. Шутка моему покровителю чрезвычайно понравилась, и он захохотал во все горло. В руках он держал многохвостую плетку. Ну как ребенок, честное слово!

Я невольно заулыбалась.

— Мария Николаевна, дорогая моя, а я вас везде ищу! А почему вы не в маске?

Я послушно приложила к лицу картонный черный лорнет на палочке — на входе эта маска показалась мне скромной и изящной.

— Да вы настоящая леди Зорро! — возопил Гайтанович, взмахивая кружевными манжетами. — Давайте-ка, голубушка, быстренько спускаемся вниз, нужно поспешать... — тут он взглянул на меня внимательнее. Не такой уж он был пьяный, умные темные глаза сохраняли серьезность: — Что-нибудь случилось? Вас кто-нибудь обидел?

— Нет... Просто взгрустнулось.

— Мария, вы позволите мне сделать некоторое предположение?

Я согласно кивнула, теребя в руках тоненькую блестящую палочку.

— Ваша хандра, простите за грубое слово... Это каким-то образом связано с неприятными воспоминаниями о семейном бизнесе?

— Совсем немножечко... — я попыталась изобразить на лице улыбку.

— Я понимаю, конечно, вся эта м-м... известная роскошь навевает вполне понятную ностальгию... Но, надо сказать, «Реми Марти» у них сегодня отменный... — ухмыляясь и поправляя бороду на резинке, разглагольствовал адвокат. — Скажите, милая моя Мария Николаевна, у вас есть какое-нибудь заветное желание, в осуществлении которого вам мог бы пригодиться некто Гайтанович?

— Не знаю, — смутилась я. — Вы, Юрий Юрьевич, всегда так неожиданно задаете вопросы, на которые сразу ответить сложно, что...

— Прошу вас, запомните — на меня можно рассчитывать, — многозначительно уставился на меня Карабас-Гайтанович. — И коли выпадет случай, обращайтесь, не мешкая. Договорились? Обещаете?

— Договорились...

— А сейчас спускаемся и — где ваша бесподобная улыбка? Вот, так-то лучше! Кстати, вы обворожительны сегодня, Мария Николаевна, вам очень идет белый цвет!

Спускаясь с Гайтановичем по лестнице, к шуму и тесноте, я машинально окинула взглядом зал. Вдруг дыхание мое остановилось, а сердце заколотилось в груди как бешеное.

Спиной ко мне, почти у самого выхода, небрежно засунув руки в карманы, среди ярко раскрашенных экзальтированных девиц действительно стоял Он! Я не спутала бы его спину ни с какой другой на целом свете. Степан Борисович, вероятно, рассказывал нечто невероятно смешное, так как слушательницы пребывали в полнейшем восторге. Девицы изображали танцовщиц варьете, и когда они хохотали, разноцветные перья на их головных уборах колыхались, как распущенные павлиньи хвосты.

Степан повернулся вполборота, в хищном довольном оскале сверкнули зубы. Спина его подрагивала в приступе смеха, среди блеска и женского внимания он великолепно себя чувствовал.

Сама толком не осознавая, что делаю, я двинулась по направлению к нему. Вокруг все кричало, шумело и толкалось. Запахи еды и парфюма, смешиваясь, образовывали невероятный микс, который вызывал тошноту.

От волнения меня бросило в жар. Продираясь сквозь толпу, мельком бросила взгляд в завешенное нитями серпантина зеркало. Красные лихорадочные пятна на щеках контрастировали с белым пятном костюма — и никакого маскарадного костюма не требуется. Молодая телочка бежит по цветущему луку к своему породистому бычку, только

рожек не хватает.

К моему глубокому разочарованию, когда я сумела-таки прорваться к выходу, то Степана уже не увидела. Перья «танцовщиц» сникли, они обменивались разочарованными взглядами.

Я выскочила на улицу, под противную морозящую гадость, глотая ртом мокрый воздух. Напротив, через дорогу, он подсаживал в машину вальяжную холеную даму в пушистом светлом манто. Наверное, жена. Я стояла, тяжело дыша, и наблюдала, как Степан сел в автомобиль. Машина медленно тронулась с места и — уехала.

А может, и хорошо, что не получилось поговорить? Интересно, что бы я сказала? «Здравствуйте, дорогой Степан! Я — Мэри Блинчикова, помните меня? Ну как же, разве вы забыли, как весело мы проводили время на острове Гран-Канария два года назад? А это, наверно, ваша жена? Очень, очень приятно познакомиться!..» — размышляла я, не замечая, что вся дрожу под дождем.

«А счастье было так возможно, так близко...» Что-то будто оборвалось внутри, я посмотрела ввысь, на бегущие темные тучи, растянувшиеся по всему небу нескончаемым караваном тоски. Тучи плакали вместе со мной.

Я гоняюсь за призраком, за фантомом. Где же найти средство, которое заставит забыть о нем, навсегда вычеркнуть его образ из памяти? У него своя жизнь; вполне вероятно, он счастлив в браке. Как раз сейчас он распахивает перед супругой дверь их уютного семейного гнездышка. В спальне в камине приветственно разгорается пламя, и подбежавшая собака радостно лижет руку хозяина. Супруги проходят к огню, туда, где на полу раскинулась мягкая звериная шкура и на стенах в полумраке играют причудливые тени. Он запускает пальцы в тепло мехового манто, и спустя мгновение оно с легким шорохом спадает вниз. Умиротворенная приходом хозяев собака, утробно урча, остается в прихожей у закрытой двери спальни...

Внутри, я знала, меня ждал взъерошенный и всегда чуть бестолковый Раевский с преданным взглядом. Уже, наверно, меня обыскался. Хорошо, что я не красила глаза, а то бы тушь обязательно потекла. Пронесшаяся мимо машина подняла фонтан грязных мерзких брызг, и я еле-еле успела отскочить назад.

Грохот музыки, донесшийся из ресторана, напомнил, что пора возвращаться.

Внутри было тепло и жутко. Во вспышках блицев и бешеном ритме цветных прожекторов меня встретил восторженный голос конферансье, усиленный микрофоном:

— Дамы и господа! Сейчас мы приступаем к самой непредсказуемой части нашего вечера, моментальной кондитерской лотерее! — зал взорвался аплодисментами и приветственным ревом — Мы долго искали достойного человека, ломали головы и не спали ночами, а все оказалось так просто, этот человек всегда был на виду и рядом с нами. Стоило его только попросить... — Молодец лихо повернулся на каблуках, и световая пушка выхватила из полусумрака зала фигуру особы из администрации. Тот стоял с серебряной лопаткой для торта и широко улыбался. — ...Как он тут же согласился провести розыгрыш. Поприветствуем, дорогие друзья, нашего снисходительного и понимающего Ивана Ивановича, правую руку нашего мэра!

Остановив первого официанта с подносом, я схватила пузатый низенький бокал, напоминающий белый гриб шляпкой вниз, и отхлебнула порочный глоток. «Реми Марти»... Ох, ну и жидкость! Перед глазами поплыли круги.

В моей бедной голове в такт бешеному ритму музыки словно застучали тысячи молоточков. Какое оригинальное решение — тупо напиться, и дело с концом. Но коньяк упал вниз, разбежался ручейками по телу, и стало тепло и приятно. И где же мой преданный ухажер? Я стала оглядываться в поисках Раевского.

Тем временем начиналась кульминация вечеринки. Зал вновь зашелся в приветственных криках и реве. Вертлявый конферансье пошарил глазами со сцены и выдернул из толпы красотку-русалку. Под ярким огнем прожекторов она слегка опешила, но моментально пришла в себя и заулыбалась, как признанная кинозвезда.

Помощник мэра бестолково топтался возле кондитерского произведения, пребывая в явном замешательстве и не соображая, что делать с серебряной лопаткой. Ведущий привлек красотку к себе и что-то зашептал ей на ушко. Она тут же встрепенулась, подскочила к помощнику и нежно обняла его за талию. Тот приободрился и засиял. Кто-то фотографировал из зала.

Под довольно плоские шуточки попсовика-затейника русалка с «правой рукой» мэра трудились не покладая рук. Помощник стоически кромсал на куски воздушный торт и важно передавал русалке. Конферансье стоял рядом и, подобно Коровьеву на балу, наклоняясь, давал ценные указания новоявленной Маргарите. Кто-то, видимо, фильтровал очередь. Русалкины волосы лезли в торт, публика смеялась. Все в нетерпении ждали развязки.

— Неужели, — бесновался шоумен, — неужели до сих пор никому не посчастливилось найти долгожданный сюрприз? Кто, кто станет тем счастливым, кто уедет сегодня вечером на этом замечательном автомобиле?..

Приспешник градоначальника уже довольно ловко делил последний кусок, как вдруг из толпы раздался вопль, перекрывающий все остальные звуки. Кто-то усиленно махал рукой. Секундная неразбериха и...

Я открыла рот от изумления. На сцене, обалдевший от неожиданности происходящего, оказался скромный аспирант и любитель шашек — Раевский! Конферансье метнулся, ловко ухватил его за руку, и вожделенный ключ, облепленный кремом, вознесся вверх, словно алое красное знамя.

— Свершилось! Гип-гип, ура! Вот! Вот он, волшебный миг удачи! Мы все поздравляем нашего счастливого! Автомобиль достается нашему гостю... — неугомонный ведущий склонился к очумелому Раевскому. — Михаилу!

Молодец скакал вокруг Раевского и тыкал ему в лицо своим дурацким микрофоном.

— Михаил, несколько слов для истории...

Мой кавалер глупо улыбался и мычал:

— Я очень рад... Очень рад... Всем спасибо!

Миша повернулся к ведущему и что-то тихо спросил.

— Мэри! Если ты слышишь меня, отзовись, Мэри! — на весь зал оглушительно крикнул Раевский.

Толпа зааплодировала и принялась дружно скандировать: «Мэри! Мэри!» Я никак не ожидала от Миши такой смелой выходки. Медленно допив содержимое моего гриба-бокала, я сосредоточилась и взяла курс на сцену. Тем временем оттуда раздавалось:

— Мадам, мсье! Дамы и господа! Ледиз энд джентльменз! Мы присутствуем при историческом моменте! Впервые в новейшей истории нашего государства автомобиль выигрывают столь приятным и сладким образом! Михаил, прошу!

И конферансье, еще раз помахав ключом в воздухе, вручил его Раевскому.

...Вокруг нас кружились незнакомые лица и наперебой лезли с поздравлениями, объятьями, поцелуями... Какая-то высокая девушка в очках пыталась втолковать ошарашенному Раевскому, когда и где он может оформить машину. Чья-то сильная рука выдернула меня из этого круговорота искренних и деланных эмоций и увлекла за собой.

— Сейчас я отвезу вас домой... — Гайтанович, уже без цилиндра и с плеткой в кармане, не успел договорить.

Рядом тут же оказался Раевский, глаза у него горели:

— Юрий Юрьевич, я выиграл автомобиль!

— Да, я знаю, Миша, — адвокат бросил какой-то странный взгляд на Раевского. — Что ты собираешься с ним делать?

Миша отчего-то покраснел и смешался. Ему бы сейчас длинное одеяние с длинными рукавами, мелькнуло в голове. Вылитый Пьеро, грустный и растерянный, которого распекает за кулисами Карабас-Барабас!

— Как что? Ездить на нем, конечно! — воскликнула я. — Вот прямо сейчас и начнем!

И, не обращая внимания на что-то кричащего вслед Гайтановича, мы рванули обратно, в крики и гомон толпы, в сверкающий и мерцающий зал, где на постаменте парило новехонькое синее чудо.

— Что с тобой, дочура? — холодная мамина рука легла на мой лоб. — Да ты вся горюшь! Ты, часом, не заболела?

— Давай-ка врача вызовем! — голоса родителей доносились до меня как сквозь вату.

Папа с мамой приехали рано утром. Вчера, в глуши своего деревенского захолустья, они посмотрели телевизионный отчет об открытии нашего заведения и поспешили в город. Чувствовала я себя отвратительно. Глотать было больно, лицо горело, слабость в теле была необычайная. Я с трудом напрягала память, пытаюсь собрать воедино события вчерашней ночи.

...Мы с Раевским сидели в автомобиле и пили дорожный коньяк — где-то он постарался раздобыть целую бутылку бодрящего чудесного эликсира. Как нам удалось забраться на возвышение, где стояла машина, не помню — наверное, кто-то принес лестницу... Мне уже давно было весело. Ну его, этого Степана! У меня теперь кавалер — просто замечательный, и даже «на колесах»! И ничуть не хуже всяких других.

— Слушай, а давай прямо сейчас отсюда уедем? Ну их всех, — предложила я.

— Куда? — глупо спросил Раевский.

Вцепившись обеими руками в руль, он тихонько покачивался из стороны в сторону, как зомби. Внизу стоял пьяный гомон, какой-то дядька подо мной размахивал руками и что-то кричал. Галстук съехал на сторону, глаза горят. Тоже кататься хочет!

— А куда глаза глядят!

— А на чем мы уедем?

— Ты ж за рулем!

— Но мне нужны... П-по-моему, нужны права!

— Какие права? Поехали!

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не вмешался Гайтанович. Нам очень повезло, что наш здравомыслящий старший товарищ не покинул праздник и остался за нами присматривать. Он был почти трезв и мог реально оценивать обстановку в отличие от меня и

моего спутника. В самый ответственный момент, когда Раевский уже нащупывал педаль газа, ангел-спаситель непонятно как оказался на нашем Олимпе. Гайтанович проорал что-то нецензурное, а затем решительно стал вытаскивать нас из машины... Что было потом, я не помню.

АРИШКА И ГОЛЛИВУД

В результате меня настигла фолликулярная ангина. Две недели я валялась в кровати. Сначала температура была под сорок. Есть ничего не могла: больно было глотать, да и не хотелось. Родители остались в городе и ухаживали за своей бедовой дочкой — Паганель на время был сослан к соседям в Грибном. Папа выполнял роль сиделки: каждые два часа приносил очередную порцию полоскания и таблеток. Подобно всем больным, я капризничала, кочевряжилась и морщила нос:

— Опять эта гадость! Не хочу, не буду. Я и так поправлюсь, без всяких мерзких лекарств.

Но, разумеется, покривлявшись, покорно проглатывала горькие пилюли и, наполнив рот раствором фурацилина, горланно пела «а-а-а». Дней через пять кризис миновал. Температура спала до 37, я начала вставать с кровати. Родителей я отправила обратно в деревню.

— Машенька, давай мы лучше останемся, — уговаривала меня мама.

— Не надо, мамуля. Мне уже гораздо лучше, справлюсь сама, да и песик скучает.

Раевский опять куда-то запропастился — наверно, занимался оформлением машины. Оставшись одна, я бесцельно шлялась по квартире. Перечитала Ильфа и Петрова. Тупс пялилась в телевизор — в общем, чувствовала себя покинутой и одинокой. «И скучно, и грустно, и некому руку подать...» Знаю, кто мне нужен: Романова! Я тут же набрала ее номер.

— Ну ты, Мэри, даешь! Нашла когда простужаться! Все люди по магазинам за подарками отправились, 8 Марта на носу, а ты в койке! — звенел колокольчиком на том конце провода тонкий Аришкин голосок. — Мне прям тебя жалко! Давай я к тебе заеду, только не сегодня, сегодня у меня работа, а вот завтра я буду свободна, как ветер в поле. Так что жди.

Романова была неотразима: миниатюрная, хрупкая, в модной дубленой шкурке и струящемся голубом платье — настоящий ангелочек. Я-то знала, что этот «ангелочек» ест-пьет за троих и смолит как паровоз. Только никак это на ней не отражалось: всегда оставалась свеженькой и абсолютно не толстела. Все вокруг калории считают, в спортзалах часами потеют, чтобы от лишнего добра избавиться, а она уплетает себе пирожки, чипсы килограммами поглощает, и хоть бы что. Такая вот божественная наследственность.

— Это тебе гостинцы, — Аришка протянула мне пакет, заглянув в который я обнаружила коробку шоколадных конфет, апельсины и бутылку красного вина.

— Ты где это все достала? — изумилась я.

— Узнаешь в свое время, — пропела Романова, вертясь перед зеркалом.

Романова с завидной энергией накрыла стол: достала бокалы, открыла вино, нарезала апельсины — золотые кружки уютно разместились в тарелке. Я вяло наблюдала за бодрой подругой, сидя в уголке.

— Знаешь, Мэри, я тоже так недавно сидела и нюни пускала, — шурша целлофаном, болтала Аришка. — Женишок мой ненаглядный, тьфу на него, поматросил доверчивую девушку да отбыл на историческую родину далеких предков... Ой, можно я здесь покурю? Мне теперь редко удастся всласть подымить — работа такая, не забалуешь.

— Кури, конечно! — согласилась я, хотя не переношу табачного запаха.

Но отправлять Романову на лестницу было как-то неудобно и главное, хотелось, чтобы она поскорее довела свой рассказ до решающего момента — устройства личной жизни. Я отважно открыла форточку, хотя и знала, что моей ангине это может не понравиться. Но гостеприимство одержало верх над благоразумием. Аришка тем временем сделала затяжку, выдохнула струйку сизого дыма и продолжила свой рассказ.

— ...Проблем — выше крыши. Одно надо, другое. В общем, помощи ждать не от кого, так называемый любимый — забыл и не вспомнит...

— После той истории... когда вы ездили в больницу?

— После той истории, — мрачно подтвердила Аришка, изящно закинув в рот конфету. Вспоминать о Ральфе ей явно не хотелось. — Даже последние джинсы протерлись! В общем, вешалка. Поревела я немного, потом утерла слезы и отправилась в агентство по трудоустройству. Ну, там мне предложили два варианта, один другого краше. Либо дворы убирать за полторы тысячи в месяц...

— Представляю тебя в ватнике, размахивающую метлой, — не удержалась я.

— ...Либо в кафе какое-то официанткой. Пять дней в неделю с девяти до семи. За три тысячи деревянных, — возмущалась Аришка, трясая копной кудряшек. — Неудивительно, что в этой забегаловке никто работать не соглашался. Перспективы — жуть. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Бреду по Шпалерной, погруженная в думы свои темные, да и выскочила, грешным делом, на проезжую часть, на самый красный свет. А там машина, и не какая-нибудь — белоснежный «Ниссан»! С правым рулем, клевый такой, и на капоте с обеих сторон зеркала такие малюханистые! Я таких раньше вообще не видела. Мужик, что за рулем сидел, сразу затормозил — реакция хорошая, — Романова закинула ногу на ногу. — Так что меня только чуть-чуть толкнуло, так, пара синяков. Ну и перепачкалась еще, когда упала, юбку немного порвала. Ну, думаю, влипла. А он страшно перепугался: шутка ли — человека сбить! Выскочил. «С вами, — говорит, — девушка, все в порядке?» «Вроде бы да» — отвечаю. А он: «Может, вас подвезти?» Подняться мне помог, платье отряхнуть. Я смотрю, лицо открытое, симпатичное и печатью мысли отмеченное, между прочим. На Ричарда Гира смахивает, помнишь, мы «Красотку» с тобой смотрели, только чуть постарше и в очках? В золотой, представляешь, оправе.

Белоснежный «Ниссан» и золотая оправка — сочетание перспективное, улыбнулась я про себя.

— Ну и?..

— Само собой, я согласилась. Почему бы, думаю, на «Ниссане» один раз в жизни не прокатиться, да еще и с Ричардом Гиrom за рулем?

— Да еще в золо... — я осеклась. — Ариш, а не страшно было в машину к незнакомому мужчине садиться?

— Да нет, я сразу поняла: интеллигентный он, — в устах подруги это слово позвучало как «божественный». — Ну, значит, плюхнулась к нему на переднее сиденье, едем, а он все спрашивает: кто я, чем занимаюсь, да почему по проезжей части так неосмотрительно разгуливаю — беда, может, какая у меня стряслась? А мне как раз выговориться хотелось. Так я ему все свои проблемы без утайки и выложила. Мол, денег нет, работы нет, перспективы туманны и мрачны. Смотрю — а у него на лице улыбка сияет. Я даже ошалела, — Романова потянулась и небрежным жестом стряхнула пепел в раковину. — Ничего себе, думаю, сам на машине дорожкой разъезжает, а над чужой нищетой смеется! Вот буржуй недорезанный! — разволновавшись, Аришка даже кулачком по столу

стукнула. — А он вдруг и говорит: «Так мне вас сам бог послал!» Оказалось, что от него жена сбежала с каким-то итальянским партнером и оставила ему двух дочерей, одной шесть лет, другой четыре. Только женушка ушмыгнула, началась форменная свистопляска: у одной ангина, у другой скарлатина. А у него своя фирма, которой надо руководить, потому что работники, как водится, без жесткого контроля расслабляются. Он в агентство обратился: нянечки, гувернантки. Ему сперва гримзу субтильную прислали. Девочки, как ее увидели, — сразу в рев: «Папа, не уходи. Не оставляй нас с этой тетей, она плохая». Нанял он тогда бабушку, знакомые ему порекомендовали. Все было хорошо, пока лето не началось. Тут бабка начала фортели выкидывать: на дачу ей надо, картошку окучивать, огурцы поливать. Он ей: «Я заплачу, купите себе огурцов, сколько вашим душе и желудку угодно». А она — ни в какую, подавай ей натуральный огурец, без нитратов и радионуклеидов, — Аришка явно гордилась собой, запомнила такое длинное модное слово. — А ты знаешь, кстати, что апельсин — это символ плодородия? — не переставала удивлять Романова.

Оранжевый кружок, описав дугу, исчез у нее во рту.

— Я знаю, что это символ витамина С...

— Потом он снова в агентство обращался, опять кого-то не того прислали... Мыкался-мыкался, разрывался на части между девчонками и работой, а тут как раз я — под колеса бросилась. «Я, говорит, чувствую, что вы девушка добрая и порядочная. Поступайте ко мне работать».

— И ты согласилась? — сказочная история смахивала на индийский фильм.

Аришка, заливаясь соловьем, не забывала регулярно отпивать вино из высокого бокала и поглощать конфеты. Я свою порцию только пригубила, мне бы сейчас чаю горячего с лимоном, да под плед...

— А то! Он мне оклад предложил 300 долларов — «для начала»!

Я изобразила восторг.

— И добавил: «Если все будет хорошо, можете рассчитывать на премиальные». С дочками он решил меня в тот же вечер познакомить. Ему в командировку надо было ехать на два дня...

Все это сильно напоминало сказку: Ричард Гир, белоснежный «ниссан»... Отечественный вариант принца на белом коне. Помнится, Романова еще в школе любила преувеличить да приукрасить действительность, так что все ее рассказы и байки нужно было делить на два, если не на четыре. Наверняка ее «принц» прискакал на какой-нибудь «восьмерочке» и если и похож на Гира, то со спины. Я одернула себя: радоваться надо за подругу, а не завидовать!

— Девчонки у Алексея такие оказались милашки, — Аришка томным жестом подправила локоны.

— Так это все-таки не Ричард Гир?

— Шутишь?! Нет, он Алексей Терский. А Гир — его двойник.

— Бледная копия?

Но мои усилия пошли прахом. Романова — крепкий орешек.

— Не ерничай, а то не буду ничего тебе рассказывать! Так вот, мы с его дочурками сразу сдружились. Старшая, Танечка, немного застенчивая. Зато младшенькая, Олюшка, ну просто прелесть! Глазки голубые, щечки розовенькие, сама белокурая. Такая сладкая! Я к ним очень привязалась. Они тоже во мне души не чают — так радуются, когда я прихожу, а потом отпускать не хотят: «Теть Рин, ну посиди еще полчаса». Я их гулять вожу, играю с ними,

читаю им книжки, сказки перед сном рассказываю.

— И сколько он тебе платит? Как обещал?

— Да, как обещал: триста долларов наличными. Это, так сказать, оклад. Но столько же дает в качестве премии. Закупаюсь теперь по полной, могу такое себе позволить, — Аришка махнула рукой на вино и конфеты. — И подарки дарит регулярно: то сережки золотые, то цепочку. И если честно, я надеюсь, что скоро он мне предложит руку и сердце.

— Да ну?! Ты что, с ним в связи?

— О боже, какое милое старинное выражение! Само собой. Я ж тебе говорю, он симпатичный! — Аришка непринужденно взяла мой бокал и осушила до дна. — А в меня, похоже, влюбился с первого взгляда. Через месяц отдыхать едем в Испанию на три недели. Уже турфирму выбрали, все решено и оплачено. Слушай, у нас вино кончилось. Может, махнем куда, проветримся? Хватит тебе тут помирать!

Нет уж, лучше «помирать» у себя дома, чем с подругой на дискотеке. Чувствовала я себя неважно, да и немудрено: сначала у плиты крутилась, теперь вот важную гостью принимаю, форточку распахнула — сижу на сквозняке. А мне ведь прописан строгий постельный режим. И еще этот дым! Сидим здесь, как ежики в тумане.

— Я бы с радостью, но боюсь, что сегодня я не ходок. Как-нибудь в другой раз, — вежливо отказалась я.

— Ну, как знаешь. А я пойду, поклублюсь. Мне теперь редко оторваться случается. В тусовках почти не бываю, не то что раньше... С Лешей мы если выбираемся, то в ресторан, как и положено в уважаемых семьях.

— Уважаемых семьях?

— А как же, я ведь все больше вечерами дома сижу, с детьми. Так что не хочу упускать редкой возможности выйти в свет. А то, может, составишь компанию?

— Нет, не уговаривай, — я закашлялась. — Слушай, а у твоего Алексея Гиры друзей нет, которым тоже гувернантка требуется?

— Ну, я у него спрошу, — Аришка сделала вид, что не заметила моего сарказма. — Если что, позвоню тебе на днях.

— Да если и не будет ничего, все равно звони! Удачного тебе вечера, подружка! Только будь осторожна.

— Ой, Мэри, прямо как моя маменька. Я третий калач, не пропаду! Это ты тут со своими микстурами да носовыми платками будь поаккуратнее. Совсем скоро закиснешь!

Она чмокнула меня в щечку и упорхнула. Забавная она, Аришка. С виду — невинная овечка, а иногда как рот откроет да скажет что-нибудь эдакое — даже парней в краску вгоняет. Особенно когда переберет Аришка лишку. Остается только удивляться тому, насколько обманчива бывает внешность! Хотя по натуре-то она девчонка добрая и отзывчивая. Просто шутливая, «оторва», как ее все называют. Но «оторва» со знаком плюс. Так что пусть ее сказка окажется правдой, она вполне это заслужила.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

В тот вечер мы с Мишей, как всегда, торчали дома и спокойно ужинали перед телевизором. Я люблю находиться в своей квартирке, в родных стенах. Только здесь можно расслабиться и отдохнуть по-настоящему. От книг на полках, вышитых мамой салфеточек на столе, даже от фиалки на подоконнике исходят флюиды гармонии и умиротворения. Аришка смеется над таким домоседством и зовет меня «мещанкой», мне же по душе выражение «Мой дом — моя крепость».

Показывали «Гараж». Раевский казался рассеянным и чем-то озабоченным, и уморительные злоключения запертых на ночь в Зоологическом музее ученых мало его волновали.

— Миша, у тебя все в порядке?

— А? Что ты сказала?

— Да что с тобой последнее время? Неприятности на работе?

— А, да... неприятности.

Раевский был явно не в себе. Поди пойми этих мужчин, правильно говорят, мы и они — существа из разных галактик! Я старалась, фирменное блюдо — плов из курицы — изготовила, на рынок за специями ходила, терпела приставания назойливых «хачиков», а он и не замечает, что в рот кладет.

— Вкусно? — не удержалась я.

— Очень! — Раевский наконец-то понял, о чем его спрашивают: — Очень вкусно, правда!

— То-то же, внимательный ты наш! — пошутила я на манер председателя правления гаражно-строительного кооператива.

— Кстати, — вдруг оживился Раевский. — У тебя же скоро день рождения. Где мы будем отмечать?

«Мы»? Что-то больно часто Мишенька стал употреблять это местоимение. В принципе конечно, я не против. С Раевским было уютно и надежно. Именно надежно. Я всегда знала: стоит о чем-нибудь попросить Мишу — и все будет сделано в лучшем виде. Я не хотела задумываться о том, насколько глубоки мои чувства к нему. Мне было с ним удобно, и я не прогнозировала события. Иногда, правда, меня удивляло, что до сих пор наши отношения не перешли границу платонических. Я знала, что стоит мне только пошевелить пальчиком, и Раевский тут же окажется у моих ног и в моей постели. Не скажу, чтобы мне этого было не нужно... Но я ждала более решительного поведения от мужчины, который угощался моей стряпней в моей квартире.

— Мэри, слушай, а может, у него не все в порядке со здоровьем? — как-то деликатно спросила меня Аришка.

Подругу было не узнать. До знакомства с господином Гиром она бы сказала что-нибудь вроде: «Мэри, так он же импотент!»

— Перестань! Здоровье у него хорошее. Просто он стеснительный, эдакое ископаемое, как, к примеру, путоранский снежный баран — вымирающий вид, в мире сохранилось совсем немного особей, — объяснила я. — И потом, он иногда так на меня смотрит — ну, ты понимаешь...

— А я считаю, это ненормально — столько встречаться и не спать вместе! И твой баран

здесь ну совершенно ни при чем, — распалаясь Аришка. — Ты сама упертая, как... как твой баран!

Подружка не любила, когда я выказывала свою образованность.

— И вообще женщине для здоровья необходимо иметь регулярную половую жизнь, это общеизвестный факт!

— Ну не могу же я сама залезть к нему в штаны!

— Почему?

Аришкин вопрос меня обезоружил.

— Не знаю... Потому что, наверное, не хочу.

— Для чего тогда общаться? — недоумевала подруга. — Не понимаю.

— Мне с ним просто удобно! А постель — никуда не убежит.

— Как знаешь, подруга...

...Пайщики кооператива «Фауна» располагались на вынужденную ночевку. Лохматый Раевский машинально ел, уставясь в одну точку перед собой. Учительница физики в нашей школе называла подобное состояние учеников — «отсутствие всякого присутствия». Не иначе, Раевский озабочен тем, как вывести страну из экономического кризиса и направить по дороге светлого будущего.

— Один маленький мальчик сказал: «У верблюда два горба, потому что жизнь — борьба», — грустно сказала героиня Лии Ахеджаковой из телевизора.

— У меня приятель служил в Средней Азии, Витька Тарасов, — опять неожиданное встрепенулся Раевский. — Так он там ездил на верблюде!

Помолчали.

— Да, Мэри, так что с днем рождения?

— Дома, наверно, скучно и неромантично... — осторожно начала я.

Совершенно не умею пользоваться всякими женскими штучками — хитрить, вынуждать, «раскручивать», как это сейчас называется. Что думаю — то и говорю.

— ...Но могу приготовить что-нибудь вкус...

— Нет, Мэри, я тебя приглашаю, — вдруг выдал Раевский.

Хочет взять реванш за рассеянное и не очень внимательное отношение!

— Куда бы ты хотела?

— Ой! — от неожиданности я не сразу нашлась, что ответить.

Надо же, какой богатенький галантный Буратино. Выяснилось, что я по большому счету и ресторанов-то приличных не знаю. Раньше все свободное время я проводила у папы в кафе. С Сашкой мы в дорогие места не заглядывали.

— Давай отпразднуем этот день вдвоем, только ты и я, — тихо шепнул Раевский.

Аришка будет довольна. Ужин тет-а-тет, свечи, шампанское, легкая приятная усталость. И на десерт — умопомрачительное долгожданное интимное общение, плавно переходящее в... Если честно, я слабо представляла себе секс с Раевским, но отчего же не помечтать?

— Надо с Аришкой посоветоваться, она знает хорошие места, — догадалась я. — Значит, выбор ресторана — за мной, идет?

— Идет!

В квартиру позвонили. Кто бы это мог быть? Я открыла дверь. Маринка!

— Привет! Давно не виделись!

Я не общалась с Маринкой с того самого дня, когда Сашка отвез меня в центр к папе и поделился с ним своей кровью. Что-то, похожее на ревность, поднялось и замутилось в душе,

но, если по правде разобраться, при чем здесь Маринка? Не так много у тебя подруг, Мэри, чтобы ими раскидываться. А Маринка сама первая пришла.

— Ну как Таланов? Ничего тебе не разбил? — поинтересовалась я.

— Нет, ничего, — Маринка попыталась улыбнуться. В глаза мне она не смотрела. — Да мы толком и не встречались... Я вообще-то зашла за спичками...

— Проходи, я тебя кое с кем познакомлю. Это Миша. А это — Марина, моя соседка и... подруга.

Закрывая дверь, я кожей почувствовала Маринкину молчаливую благодарность. Доставая для Маринки приборы, я не сразу заметила, что оба моих гостя как-то странно друт на друга уставились. Они напоминали персонажей индийского фильма, которые хранят какую-то тайну и должны изо всех сил скрывать ее от остальных: например, они близнецы, их коварно разлучили в детстве и неожиданно брат и сестра прозревают... Да нет, мне просто показалось. Оба стеснительные до неприличия, вот и все. Раевский вскочил было с дивана, потом снова сел и забился в угол, теребя край свитера. В клетчатых, бывших маминых тапках он выглядел более чем комично.

Увидев казан с пловом, Маринка оживилась:

— Ой, как вкусно пахнет! С ума сойти! Угостишь?

— Ну разумеется! Садись за стол.

Раевский вел себя странно — вжался в диван и пялился в телевизор, хотя фильм уже кончился. Наверно, сильно стесняется, бедненький. Ну ничего, привыкнет, невозможно быть таким диким. Вскоре он поспешно стал собираться.

— Мэри, я, пожалуй, пойду. Поздно уже.

Не хочет мешать нашей болтовне, решила я. Закрыв за ним дверь, я вернулась на кухню и застала Маринку с дымящейся тарелкой в руке, чуть ли не подпрыгивающей на диване.

— Слушай, ты давно его знаешь?

— Мишу? Не очень, а что?

— Ты только не волнуйся, ладно? — попросила я.

Что же случилось? Раевский оказался шпионом английской разведки? Или все-таки тем самым братом-близнецом, с которым Маринку разлучили в роддоме и которого она всю жизнь ищет и не может найти?

— Дело в том, что я вчера весь вечер работала, — осторожно начала Маринка и отправила в рот порцию угощения.

— Так...

— А твой дорогой Миша... — следующая порция ушла следом за первой, — играл за соседним столиком.

Интересное кино! Мне Раевский про казино никогда ничего не рассказывал. Но, в конце концов, что в этом такого ужасного? Не в публичном же доме Маринка его встретила! Я постаралась придать лицу беззаботное выражение.

— Знаешь, иногда мужчины могут позволить себе кинуть фишку-другую, или как это у вас называется? Бросить кости?

— Мэри, ты не понимаешь, — Маринка и не думала издеваться, ее тон был неподдельно тревожным. Она даже тарелку на стол отставила. — Он играл до самого закрытия казино и... — Маринка набрала воздуха и закончила: — Понимаешь, он игрок.

— Это как?

— Я его видела в нашем казино уже несколько раз, и он... У меня уже глаз наметан,

одно дело — мужики, которые за компанию пришли развлечься, а другое — игроки. Эти, понимаешь, когда играть начинают, то будто не в себе... — Маринка с трудом подыскивала нужные слова.

— Ты хочешь сказать, что у таких игра переходит в болезненное состояние?

— Да, и обычно игроки... В общем, обычно они уходят от нас ни с чем, потому что вовремя не могут остановиться.

Исполнив дружеский долг, Маринка со спокойной совестью вновь принялась за еду. До меня постепенно начало доходить. Вот в чем дело! А я-то думаю, почему иногда Миша такой несобранный и погруженный в свои мысли! Вспомнился случай: как-то вечером, когда он провожал меня домой из кафе, мы проходили мимо кинотеатра. Шла какая-то новая картина.

— Ой, давай пойдем посмотрим! В университете говорят, классный фильм.

Раевский замялся.

— Мэри, я так устал сегодня... Давай в другой раз, ладно?

Тогда я не придала этому значения, а теперь поняла: у него просто-напросто не было денег на билеты!

А история с автомобилем! Ведь он мне сказал, что машину пришлось продать, потому что родителям срочно понадобились деньги! Я тогда так расстроилась, чуть не заплакала от огорчения... Неужели он все наврал, чтобы просто проиграть эти деньги? Нет, не может быть. Миша добрый, добрый и честный.

В ту ночь я почти не сомкнула глаз. Перед уходом Маринка предложила план: предложить Раевскому справить мой день рождения у нее в казино. В мою бедную голову даже закралась подленькая мысль, уж не ревнует ли Маринка к моему женскому счастью и не придумала ли она всю историю с казино от начала и до конца. Но нет, подружка переживала не меньше моего:

— Знаешь, Мэри, мне ведь могло и показаться... Зато ты точно поймешь, стоит тебе с ним связываться или нет...

— А что я ему скажу?

— Что ты давно хотела посмотреть, где я работаю, а тут такой повод подвернулся...

В итоге я решила: будь что будет. У страха, говорят, глаза велики, и лучше я сама своими глазами увижу, серьезно Миша завяз или нет, чем буду долго мучиться подозрениями и догадками. А может, Маринка все сильно преувеличила? Она, конечно, работает в казино, но недолго, какой из нее психолог. С этими путающимися противоречивыми мыслями я и заснула.

ОХ, КАЗИНО, КАЗИНО, КАЗИНО...

Швейцар на входе приветливо кивнул Михаилу и распахнул перед нами массивную дверь. Просторная лестница, устланная нарядным красным ковром, вела в казино. Оттуда доносилась негромкая классическая музыка и приглушенный гул голосов. Я уже сто раз успела пожалеть, что заварила всю эту кашу. Маша заварила кашу, вертелось в голове. Такие штучки обожал Таланов — придумывать рифмы к моему имени: Машка-милашка, Машка-неваляшка, Машка-черепашка...

Раевский был бледен. Видимо, он понял, что попал в переплет. Мы входили в зал. Я сжала Мишину руку, чтобы хоть как-то ободрить его. Мгновенно откуда-то сбоку вынырнул одетый с иголки мужчина. Он широко улыбался и вопросительно на нас смотрел.

— Это пиар-менеджер, обычный работник игорного дома, — приглушенно сказал Раевский. — Его обязанности — встречать и провожать гостей, предлагать им игры и так далее. С вашего позволения, я проведу для дамы небольшую экскурсию по казино, она здесь впервые, — обратился Раевский к менеджеру.

Тот милостиво кивнул. Народу было много, из-за плотного кольца людей столов почти не было видно. Я искала глазами Маринку, но безуспешно. Играть я совершенно не хотела — во-первых, я не знаю правил, во-вторых, все вокруг казалось таким чопорным и необычным... Люди у столов вели себя так, будто были причастны к некоей высшей тайне — тайне игры. Некоторые мужчины оборачивались на нас.

Бармен за стойкой окинул меня быстрым взглядом и подмигнул. Раевский делал заказ. Какой-то юный прожигатель жизни, крутанувшись на высоком табурете, откровенно рассматривал меня с головы до ног. Раньше я смущалась от подобных оценивающих взглядов, а теперь почти привыкла. Главное, как говорит Аришка, «сделать морду кирпичом и получать удовольствие», и в чем-то она права. Я знала, что выгляжу шикарно в моем наряде — красном, с квадратным, довольно глубоким, вырезом, длинном платье и лакированных лодочках на шпильках. Волосы я забрала наверх, чтобы не мешались, тяжелое ожерелье из горного хрусталя приятно волновало шею.

— Мэри, ты прелестно выглядишь сегодня, — шепнул, придвинувшись ко мне, Раевский довольно уверенным тоном и обнял за талию.

Передо мной оказался запотевший бокал с золотистым пузырящимся напитком. Я мысленно усмехнулась, представив Отелло-Таланова, наблюдающего за тем, как реагируют на меня мужчины. Да он бы меня в таком платье из дома бы и не выпустил, дверь бы запер, а ключ проглотил, как крокодил солнце!

А на букет, который с утра уже красовался в огромной вазе, Раевский вообще внимания не обратил. Я даже немножко расстроилась, совсем без ревности — как-то скучно и пресно. Уже и объяснения заготовила, сочинила некую фантастическую историю, а он ничего не спросил. Только неопределенно усмехнулся, и все.

Я сделала большой глоток ледяного шампанского, словно льдинки зацепали горло. Исподтишка наблюдала за спутником. Раевский явно чувствовал себя лучше, от его обычной неловкости не осталось и следа.

— Ты бывал здесь раньше? — с невинным видом спросила я.

Отпираться было глупо, Раевский понял это.

— Да, пару раз... Пойдем, я покажу тебе самое интересное.

Мы медленно шли вдоль столов. Незнакомые слова, негромкие голоса, все это было необычно и непроизвольно внушало какой-то трепет.

— Комплит...

— Делайте ваши ставки, господа... Ставок больше нет...

— Черва...

— Раунд...

Вокруг круглого стола, покрытого темным зеленым сукном, стояло человек десять. В самой середине сверкала притягивающая внимание красно-черная рулетка — небольшой вращающийся круг, шарик летел, бежал, крутился и — попадал в ячейку. Мы подошли поближе. Я чувствовала, как напрягся Раевский, скулы на его лице едва заметно подергивались. Мне стало немножко жаль его, но отступить было поздно.

— Делайте ваши ставки, господа, делайте ваши ставки...

— Миш, давай попробуем? Научи меня!

— Смотри, игрок может делать ставку на различные параметры выигрышного номера, например, будет он красным или черным, чет или нечет, — глухим голосом рассказывал Раевский.

Я слушала вполуха — все равно ничего не запомню.

Бесстрастное лицо крупье над красным жилетом и черной бабочкой — в тон рулетке — не выражало ровным счетом ничего. Быстрые пальцы с ловкостью фокусника мелькали в воздухе так, что за ними сложно было уследить, казались единым целым то с фишками, то с костяным шариком. Шарик носился по кругу, ударяясь и смешно подскакивая. Наблюдать за ним и вправду было забавно. А лица-то какие все важные, многозначительные, напыщенные! Мне вдруг стало смешно. Как маленькие, честное слово, нашли себе развлечение, так хоть бы держались попроще.

— А я могу просто поставить на какое-нибудь число?

— Конечно, можешь, будешь ставить?

— Буду!

— Я пойду поменяю чипсы, — Миша быстро отошел к кассе.

— Зеро! — тем временем провозгласил крупье и сгреб к себе фишки черной лопаточкой.

Солидная дама в глухом черном платье напротив сверкнула глазами. Поджав губы, она стянула со стола прямоугольную сумочку и направилась к выходу. Проиграла! И почти полный бокал вина оставила на столе. Но дама так хорошо держала спину и была так стильно одета, что я решила ее не жалеть. Такая не пропадет.

Вернулся Раевский, держа в руках кучу веселеньких кругляшков. Это, наверное, и есть чипсы, и напомнили они мне детское лото; когда я была маленькой, мы с папой любили это занятие. Только на тех были зайчики и кошечки, а эти — обозначали числа.

— Миш, а что значит — зеро? — видимо, слишком громко спросила, стоящий рядом мужчина с ястребиным носом неодобрительно на меня покосился.

— Зеро — когда весь выигрыш достается казино, просто цифра «ноль» — объяснял Раевский. — Ты можешь выбрать любое число от ноля до тридцати шести, и если шарик упадет в ячейку с твоим числом, ты получишь выигрыш своей ставки, умноженный в тридцать пять раз!

— Ничего себе! И часто такое бывает?

— Бывает, — пожал плечами мой спутник.

Все эти числа, ставки — ерунда на постном масле, а меня насторожило другое. Я всмотрелась в Мишу внимательнее. Сейчас он совсем не был похож на себя обычного — слегка взъерошенного, близоруко улыбающегося милого аспиранта. Вся фигура его как-то подтянулась, взгляд был напряжен. Вот тебе, бабушка, и тихий омут... Раевский был, как гончая, почуявшая добычу. А может, и ничего, что у него такое хобби? Подумаешь, кто-то на футбол ходит, кто-то на рыбалку, каждый по-своему отдыхает! И ему даже идет весь этот антураж! Мне он таким гораздо больше нравится. Лучше в казино ходить, чем пить, например, водку... И вообще, как любит повторять Аришка, при хорошей женщине и мужчина может стать человеком.

— Нет, на зеро я ставить не буду, — заявила я. — Ставлю на... черную каракатицу!

— Мэри, здесь нельзя так шутить, — тихо и внятно произнес Михаил.

Так — будто с маленькой девочкой — Миша никогда со мной не разговаривал. Невольно я представила Раевского в постели, так он меня поразил, но мгновенно устыдилась своих порочных мыслей.

— Мэри, пойми, если мы сидим за игровым столом, надо соблюдать определенные правила, — тоном «дважды два — четыре» продолжал объяснять Раевский.

— Извините, — я недовольно надула губки. — Я-то думала, мы сюда развлекаться пришли...

— Мы и развлекаемся. Будешь ставить сама или тебе помочь?

— Буду!

— Выбирай цвет.

— Красный.

— Чет или нечет?..

Началась игра. Непроницаемая маска крупье, «ставок больше нет», шарик летит, и все продолжается снова. Я не переставала удивляться серьезным сосредоточенным физиономиям стоящих вокруг.

Задумавшись, я и не заметила, что крупье придвигает к нам чипсы. Быстрый отточенный кивок в нашу сторону, сухое: «Поздравляю», — и шарик уже летит снова.

— Миш, мы что, выиграли?

— Не мы, а ты, — в голосе Раевского улавливалось непривычное недовольство.

Раевский напоминал сейчас медленно, но верно закипающий вулкан. Он с трудом сдерживался, и что-то внутри него бурлило, плавилось и рвалось наружу.

— Ну хорошо, я.

За какие-то пятнадцать минут я выиграла, проиграла, снова выиграла, и снова проиграла. Вся эта затея вдруг начала меня утомлять, стало скучно. В конце концов, на сегодняшний вечер у именинницы запланированы еще некоторые дела! Я еще глотнула шампанского и осмелела. Каков он в постели, этот таинственный мужчина, который привлекал меня сильнее и сильнее? Внезапно я развеселилась.

— Миш, вот сейчас выиграю, и все, и пойдем, хорошо? — произнесла я томно.

Раевский промолчал.

Я поставила все, что было — на «14», мой день рождения. Шарик вновь пустился по кругу. Спиной я ощущала токи напряжения, исходящие от Раевского. Краем глаза наблюдала за его руками: с ними творилось нечто невообразимое. Костлявые пальцы сплетались, похрустывали, складывались, терлись друг о друга, выстраиваясь в причудливые комбинации. Прямо хищник на охоте! Расскажу потом Романовой — не поверит, что

человек может так меняться, вот прямо как в сказке про гадкого утенка.

В этот раз шарик вертелся особенно долго и — вот это да! — приземлился прямохонько в цифру «14»! Крупье вновь кивнул, и рядом со той оказалась огромная куча чипсов. Классный у меня день рождения!

— Вот и хорошо, давай, подставляй руки, забираем это чудо и уходим!

Я сгребла чипсы и осторожно сползла со стула — выигрыш нужно поменять на наличные.

— Мэри, иди пока, погуляй, я сыграю пару раз. — Раевский и не думал идти в кассу.

Проскользнув мимо меня, он занял место за столом. Что-то в его тоне мне совсем не понравилось. Мишка, Мишка, где твоя улыбка? Рядом со мной находился абсолютно незнакомый, чужой человек. Тыква стала каретой, мыши — прекрасными слугами, лохмотья превратились в роскошное золоченое платье... Права была Маринка, тысячу раз права.

— погоди! — Раевский схватил мою руку. — На красное или черное?

Мороз по коже пробежал от того, как напряженно, как пронзительно Раевский смотрел на меня. Его била крупная дрожь, но он не замечал этого. Пальцы Раевского автоматическими привычными выверенными движениями складывали фишки в столбики одинаковой высоты. Я видела, что его уже не остановить.

— На красное!

Может быть, я хотя бы принесу ему удачу?

— Крошка, ты сегодня занята?

Самоуверенный парень, что глазел на меня в баре, перегородил мне дорогу, поигрывая массивным брелком. Я бросила на него такой взгляд, что он отодвинулся в сторону и испарился. Надеюсь, к его юношеским комплексам сегодня добавится еще один, зло подумала я.

В дамской комнате я присела на мягкий розовый пуфик и задумалась. Мало в городе ресторанов? Сейчас бы сидели в каком-нибудь милом местечке, Раевский держал бы меня за руку и говорил всякие приятные вещи.

Так уже было со мной один раз. Мужчина напротив меня улыбался обворожительной улыбкой, и я от счастья не всегда понимала, что он мне говорил... Кстати, этот мужчина сегодня утром опять прислал мне традиционно роскошный букет. Я закрыла глаза.

Девушка в красном длинном платье медленно идет по залу. Мужчины восхищенно оборачиваются и смотрят ей вслед. Женщины ревниво косятся. Легкий шлейф духов плывет следом, девушка в красном платье мягко улыбается своим мыслям. Грациозно подходит она к одному из столов. Кто же этот счастливец, кого одарит девушка своим волшебным взглядом?

Мужчина, подле которого останавливается девушка в красном, поворачивает голову и смотрит на девушку взглядом, полным любви, преданности и немого обожания. За столом недовольно шумят — надо продолжать игру! — но мужчина не удостоивает никого объяснениями. Не отрываясь от девушки, он встает и, взяв ее тонкую чувственную руку, благоговейно подносит к губам. Зал замирает. Мужчина быстрым движением обнимает девушку за талию, привлекает к себе и пылко целует в губы. Она в восторге закрывает глаза. Последнее, что она видит, это озорная черная прядь, упавшая ее избраннику на лоб, и знакомый лукавый взгляд из-под длинных ресниц...

Я открыла глаза. На меня с опаской посматривала какая-то женщина.

— Вам нехорошо?

— Нет-нет, спасибо, просто немного устала, — я выдавила из себя подобие улыбки и поднялась.

Машинально подкрасила губы и подрумянилась. В животе неожиданно заурчало. Я вспомнила, что сегодня почти ничего не ела. От шампанского слегка кружилась голова.

Тот, от кого принесли букет, скорее всего ведет некую недоступную моему пониманию игру. Разобраться в ней я сама не могу, посему — надо просто выкинуть его из головы и использовать то, что имеется в наличии. А что у нас имеется в наличии, какие козыри на руках? Непредсказуемый экономист с бешеным взглядом у игрового стола — кто он? Самоуверенный валет, вальяжный король или надежный, как скала, туз? Может, еще не все потеряно?

В зале прибавилось народу, гул усилился.

— Делайте ваши ставки, господа... делайте...

— Некорректная ставка...

— Больше максимума...

Превозмогая подкатывающуюся дурноту, я медленно подходила к рулетке. Маринку искать бесполезно, она мне ничем помочь все равно не сможет, тем более она на работе. От дыма, сгустившегося над игровым полем, слезились глаза.

— Миша...

Раевский не шелохнулся. Все места за рулеткой были заняты, и я в растерянности топталась у него за спиной.

— Миша...

— Спасибо, ставок больше нет...

Сосед справа, немолодой уже мужчина с белыми висками, тронул Раевского за рукав:

— Милейший, вас ждут.

Раевский судорожно дернулся на стуле. Взгляд его выражал безумие. Несколько секунд он молча смотрел на меня и — не узнавал. Мне стало страшно.

— Мишенька, пойдём домой.

— Домой?! Ты соображаешь, что говоришь?! — седой сосед Раевского вздрогнул от его крика.

Карточный домик призрачных надежд, построенный на зыбком песке, рухнул. Я попятилась назад, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. За столом замолчали, все повернули головы в нашу сторону. Я поймала на себе несколько сочувствующих взглядов. Сегодня, в день моего рождения...

— Иди куда хочешь, только меня не трогай! — рывкнул Раевский и повернулся к столу.

Игра продолжилась.

СУДЬБЫ И НАСЕКОМЫЕ

— Раз-два-три, раз-два-три... Не отвлекаться! Смотреть на меня! И — раз-два-три...

Свою новую душевную рану я зализывала в спортзале. Времени свободного у меня теперь было — навалом, и иной раз я посещала сразу два занятия подряд. Поначалу жутко болели все мышцы — с непривычки, но я помнила, что этот неприятный момент нужно перетерпеть. Недели через две движения стали увереннее, спина распрямилась и подбородок как-то сам смотрел кверху. Традиционные релаксации в ванной я отменила — валяться просто так в воде было скучно и на ум лезли всякие грустности. То ли дело в зале — машешь в увлекающем ритме руками-ногами, прыгаешь, скачешь, и рядом с тобой такие же сумасшедшие: раз-два-три, раз-два-три... И к тому же плюшки и прочие вкусные вещи можно безбоязненно есть — хоть какая-то радость в жизни.

Летняя сессия была сдана на одни пятерки. Даже на экзамене по бухучету Клара Пушистик поставила мне «отлично». Наверное, мне удалось совместить две вещи: четкое знание бухгалтерских проводок и супернесчастный внешний вид. Бухучет был первым в сессии, и готовиться к нему я стала практически сразу после злополучного дня рождения. Помню, сижу на кухне, ночь, в голове уже начинает мешаться от дебетов-кредитов, я вспоминаю Мишины отчаянные глаза и дикий звериный взгляд и — начинаю учить по новой. Проводки я выучила со злости так, что они мне снились, а выглядела я тогда действительно неважно — переживала.

Раевский, конечно, звонил, и умолял, и объяснял, и даже рыдал в трубку. Встречаться с ним пока не хотелось — зачем? Маринке я потом как следует выплакалась, и она рассказала, что игроманы — люди больные и обижаться на них бесполезно.

Маринка выглядела солидно, стала более уверенной и уже не такой нескладной и угловатой. На работе уставала жутко, но была довольна — деньги платили очень и очень приличные, а Маринка копила на квартиру — собиралась поскорее расстаться с родителями.

— Ты представляешь, на работе устаю, как лошадь, а домой прихожу — отец варезку открывает и давай за свое...

Маринкины родители категорически не одобряли профессию дочери, непонятно почему считая ее безнравственной и неприличной. Пролетарский Роман Роменыч в рваных тапках никак не мог поверить, что казино, как и любому другому заведению в нашем городе, могут требоваться не проститутки, а квалифицированные работники. Маринка запиралась в своей комнате и там мечтала о светлых денечках, когда она сможет жить-поживать в своей собственной квартире.

И я с головой окунулась в мир спорта. Моя бывшая тренересса искренне обрадовалась, увидев прежнюю воспитанницу, пожурила за длительное отсутствие и вновь пообещала «сделать из меня человека».

Как-то, выходя из раздевалки и совершенно не представляя, чем занять себя вечером — Аришка уехала в очередной отпуск с Гиrom и девочками, Маринка опять работала как каторжная, — я вдруг нос к носу столкнулась с Адой Ковальской. В первый момент даже не узнала, так сильно она переменилась.

Когда-то очень давно мы вместе ходили в музыкальную школу: я по классу фортепиано, она — скрипки. Ада тогда подавала большие надежды: все говорили, что у нее идеальный слух, что она очень талантливая. На городских музыкальных конкурсах она побеждала

неоднократно и даже заняла второе место на всероссийском. Юное дарование с длинным носом и двумя тоненькими косичками — такой она мне запомнилась.

Теперь же передо мной стояла элегантно, с иголочки одетая молодая женщина. Модные сапожки блестят лаковой кожей, прическа каре уложена идеально, как будто только что из салона, макияж на высшем уровне. При всем при этом красивой я бы Аду не назвала, зато слово «шикарная» было здесь вполне уместно. Ухоженная, уверенная в себе женщина. Мне захотелось уйти, но мы уже узнали друг друга. Придется улыбаться и произносить какие-то слова.

— Ада, ты? Сильно изменилась! Тебя прямо не узнать!

— Привет-привет! Как поживаешь?

Я замялась. Никак не научусь на подобные вопросы малознакомых людей отвечать: «Лучше всех!»

— Как твоя музыкальная карьера? — я решила перевести разговор в другое русло.

— Ах, да ну ее, разве на музыке деньги зарабатываешь?

— Ты же подавала большие надежды...

— Ой, не смейся! Разве пиццикато да стаккато можно на жизнь заработать? Я ведь после школы, грешным делом, даже в Консерваторию подалась. Проучилась пару месяцев, пообтерлась, посмотрелась, с людьми разными пообщалась, и все быстренько поняла: в наше время становиться музыкантом — нужно или фанатом быть или происходить из музыкальной семьи со связями и традициями. Кто в нашей стране станет в никому не известную скрипачку вкладывать миллионы в надежде, что завтра она покорит мир? — Ада оказалась еще разговорчивее, чем я думала. — Ты, милочка, сначала расстарайся, вначале его покори, а потом мы в тебя вложимся, и то не факт, что не будет у нас других, более молодых и перспективных. Здесь, подружка, нужен богатенький родитель и покровитель. У меня же такового в наличии нет, а красавицей я никогда не была: бедная евреечка с облезлыми косицами — кто на такую позарится?

— Ну не скажи! — невольно возразила я. — Ты такая эффектная...

— Это сейчас. Потому что я сама себя сделала. «Мы не можем ждать милости от природы» — эту цитатку я запомнила с детства. Только денег у меня тогда не было, чтобы на себя можно было их тратить.

— А теперь, значит, есть?

— Есть! — с гордостью провозгласила Ада. — Главное — места знать! Наша контора — то самое место, которое при определенных надобностях ищут и рыбы, и акулы.

— А где ты работаешь, если не секрет? — пустая болтовня начала меня сильно донимать, но Ада не торопилась сворачивать разговор.

— В компании «Айс-Парадайс». Это огромный холдинг, включающий...

Вот тебе и раз! В груди что-то екнуло, дыхание перехватило. Я уже не слушала Аду. Она продолжала распевать дифирамбы своей конторе, а я впала в какой-то ступор. Что же это за человек такой, мой первый мужчина, что при одном названии его фирмы я теряю голову! Я терялась в мыслях, что бы такое спросить у Ады про Степана. Она не может не быть с ним знакома... Жуткая мысль поразила меня: Ада такая сексапильная, а что если?.. Вдруг у них со Степаном был роман? Глядя на нее, я бы этому нисколько не удивилась. Как это выяснить, не представлялось возможным. Вернее, есть один способ...

Ада стукнула ладошкой по лбу, два изящных серебряных браслетика на тонком запястье музыкально звякнули:

— Слушай! Гениальная идея! Я вспомнила, у нас секретарша в декрет уходит и место — вакантно! Меня как раз просили озадачиться новой сотрудницей.

Я хлопала глазами. В голове завертелась фраза какого то философа про то, что случайность — это вызванная логикой предшествующих событий закономерность. А может, просто судьба?

Сотни — нет, тысячи раз я давала себе слово перестать думать о Степане. Молодая бабочка обожгла свои нежные крылышки и снова туда же — на огонь! Сознание раздвоилось, как тогда, на Канарах. «Это не твой мужчина, он забыл тебя давным-давно и даже не узнает при встрече» — гундела первая, разумная половинка. «Как не мой, а чей же?» — возражала вторая, неблагоприятная и рвущаяся в бой. «Но он причастен к папиной болезни!» — «А это еще надо доказать, вот я и разберусь!»

На секунду я очутилась в маскарадном шумном зале, среди грохота музыки и света прожекторов. Степан в окружении девиц, пестрые перья, пушистое манто и мое отчаяние.

— ...Ты ведь нигде не работаешь? Ау! Где ты? — Ада театрально щелкала пальцами перед моими глазами, браслетики звенели и перестукивались.

Я с превеликим усилием спустилась с небес на землю.

— Ты где-нибудь работаешь? — терпеливо спросила Ада.

— Нет... А как же университет? — растерялась я.

Если я не использую этот шанс и не расставлю всех точек над «i», это останется со мной всю мою жизнь, вертелось в голове.

— А что университет — переводись на вечерний, так многие делают, — беспечно сказала Ада.

...Той ночью мне удалось заснуть только под утро.

«Роскошная рубиново-изумрудная бабочка порхала над океаном. Под порывами грубого ветра бархатистые крылышки бабочки трепетали и истончались. Позади осталась манящая зелень земли, нега лугов и благоухание полей, знакомые звуки и запахи, но бабочка летела к солнцу.

Грозные стаи птиц с шумом рассекали небесное пространство, и бабочка в ужасе шарахалась в сторону, но летела дальше, к желтому яркому шару, парящему в далекой выси. Проливался тропический дождь, и летел холодный снег, и завывающая вьюга закручивала безликие потоки воздуха, но бабочка не сдавалась. Свет и тепло ждали ее вверху, и она рвалась туда всем своим хрупким, бестелесным существом. Желтый шар манил, звал, обещал, давал надежду, и она летела...»

Решение было принято.

ЛЕД И ПЛАМЯ

— Здравствуйте, компания «Айс-Парадайс». Да-да, подождите, пожалуйста, секунду... Соединяю...

— Компания «Айс-Парадайс», здравствуйте. Простите, кого? Вынуждена вас огорчить, но Наум Иванович в данный момент находится в командировке...

— Здравствуйте, компания «Айс-Парадайс»...

Как хочется кофе! Симпатичная новенькая кофеварка призывно поблескивала в дальнем углу на столике. Рядышком примостился чайный фарфоровый сервиз, громоздящийся аккуратно сложенной стопкой — блюдца снизу, чашки в кружок, одна в другой — сверху. Осторожно вытащив одну, я огляделась в поисках сахара. А, можно и без него обойтись, лишь бы никто...

— Компания «Айс-Парадайс». К сожалению, он на совещании. Нет, не могу вам сказать... Перезвоните, пожалуйста, позже. До свидания...

И такая дребедень — целый день, целый день! Ну уж нет, имею я право на чашечку за три часа непрерывной работы! Вот опять!

— Вы не туда попали, это не детский сад, всего хорошего...

Кофемолка бесстыдно громко зафурчала, по комнате пошел ароматный запах. Хорошо хоть, что чашку успела подставить. И снова звонок.

— Компания «Айс-Парадайс». Одну минуту... — я сверилась со списком. — Да, Степан Борисович на месте, соединяю.

Я тихонько опустила трубку на рычаг и, не спуская глаз с телефона, медленно двинулась к столику. «Не звони, миленький, ну пожалуйста...» Еще шаг — и заветная чашечка с дымящимся кофе у меня в руках. Теперь обратный путь — и я за столом, и пока никто не звонит — какое счастье! Я представила, что все звонящие вдруг так же, как и я, неожиданно поняли, что заработались и если сейчас же не сделают хотя бы глоток чудесного бодрящего напитка, тут же умрут на месте. Нет, не умрут, конечно, а просто... свалятся под стол. Я улыбнулась. Придет же в голову такое. Но похоже, где-то наверху вняли моим мольбам и удастся выпить кофе, пусть и без сахара, зато в тишине и покое.

Вот уже четыре месяца как я работала в агентстве недвижимости, входящем в солидный холдинг «Айс-Парадайс». Передо мной на столе стояло три телефона, из них два городских и один — местный, настольный календарь с репродукцией памятника поэту на площади Искусств, бумага для записей и прочая рабочая мелочь. Отдельно в сторонке красовалась подробная инструкция, переданная предшественницей Валентиной, которую мне разрешено было пользоваться как шпаргалкой. Инструкция содержала информацию о том, с кем и в каких случаях соединять (или не соединять) и как общаться с незваными посетителями типа журналистов, спонсороискателей и разных других персонажей, приходящих «по личному делу».

— А если позвонит клиент?

— Ты переключаешь на менеджерский отдел, и все! — радостно улыбаясь, говорила Валечка, ласково оглаживая огромный живот. Похоже, что до работы Валечке последнее время было мало дела.

Кроме того, мне предоставлялся постоянно обновляющийся список лиц и организаций, с которыми стоит соединять или не соединять мое начальство. Каждому из директоров

периодически приходилось от кого-нибудь скрываться, уезжая «в бессрочную командировку» или проводя дни и ночи на бесконечном «совещании».

Самый длинный черный список всегда приносили от финансового директора, Наума Ивановича Обрезкина. Его рекорд мог побить только «главный». Чтобы услышать в своей трубке голос президента петербургского филиала «Айс-Парадайс», соискателю «царской милости» следовало сначала подробно объяснить мне, кто он и по какому делу. Я тут же сверялась с перечнем запрещенных имен. Если соискатель оказывался там — то шефа в офисе не было: «Вы знаете, я буду вынуждена вас огорчить, Степан Борисович уехал на важную встречу и сегодня вряд ли вернется. И вообще у него в последнее время очень насыщенный график, так что застать его очень трудно».

...Зазвонил местный телефон. Сосчитав до десяти, я отставила кофе, выдохнула и сняла трубку.

— Дорогая, — мягко, со знакомой хрипотцой пропела трубка. — Ты очень сейчас загружена?

Я снова выдержала паузу.

— Очень.

— Мне бы так хотелось прогуляться с тобой на ланч, — ласково продолжала трубка. — Заменись кем-нибудь, и давай сходим. Куда бы ты хотела? Здесь рядом есть чудное место, «Русский самовар» называется.

При упоминании о еде под ложечкой предательски засосало, и я зажмурилась. Зимой хочется есть гораздо сильнее, и от малюсенькой порции кофе аппетит только распаляется. В этом «Самоваре», если он русский, наверняка в меню есть борщ. Я представила дымящуюся тарелку, нет, глиняный горшочек с запеченной лепешкой вместо крышки, и через лепешку пробивается бесподобный запах свежесваренных овощей, мясной косточки и чеснока. Про лепешку мне рассказывала Аришка, и я давно мечтала увидеть воочию, что же это такое. Я вспомнила, что на завтрак у меня сегодня был маленький бутербродик с сыром, и сам завтрак остался, по-моему, в прошлой жизни...

— Извините, Степан Борисович, но телефоны просто разрываются сегодня, а заменить меня абсолютно некому. Большое спасибо за приглашение. Извините, у меня городской, — и отключилась.

Никакого городского звонка, разумеется, не было. Похоже, все в городе действительно решили устроить небольшой отдых. Я с наслаждением потянулась в кресле, наслаждаясь одиночеством и маленькой передышкой. Красота! Ничего, голод — не тетка, в лес не убежит.

Когда-то и я думала, что работа секретарши — это ни к чему не обязывающая болтовня по телефону плюс пару раз в день — кофе начальнику, Пока сама не оказалась на этой должности и не прочувствовала все нюансы данной профессии на собственной шкуре.

Через секретарские руки проходит большая часть документов, в силу чего находящиеся на этой должности в курсе практически всех деловых контактов руководства. За пару месяцев работы можно узнать практически всю подноготную компании — от котировок в негласных рейтингах до фактического финансового положения. При определенных условиях именно секретарша становится правой рукой шефа, и именно ей делегируют право подписывать от его имени бумаги и ставить печать.

Существует и другая сторона медали, другая составляющая секретарской работы, о которой стоит упомянуть. Если секретарша молода и красива, а начальники — почти сплошь

мужчины, ей приходится постоянно маневрировать, придумывая иногда прямо на ходу политически верные ходы, поскольку необходимость с блеском выходить из самых щекотливых ситуаций — ее прямая обязанность. Сохранить честь и достоинство, ни с кем не поссорившись и не нажив себе врагов, — это целая наука, которой, к сожалению, в моем Финэке не учат. Но особая пикантность моего положения позволяла мне занимать эксклюзивное положение, не опасаясь домогательств со стороны мужского пола компании. Но эксклюзивность эта была двойственной, потому что я балансировала на грани.

Я вытащила из сумочки помаду и подошла к зеркалу. Оттуда на меня взглянула совершенно незнакомая и... довольно привлекательная девушка. Два месяца прошло, а я все не привыкну к новому имиджу!

В далеком замечательном детстве эталоном красоты для меня являлась принцесса из иностранного мультфильма «Мария-Мирабелла»: у нее были огромные, всегда широко распахнутые голубые глазищи с ресницами в пол-лица и короткие черные волосы, «как у мальчика».

И теперь эта самая принцесса — вполне живая и сексапильно одетая — торчала в зеркале на стене секретарского кабинета в агентстве «Айс-Парадайс».

Открылась дверь, и исполнительный директор холдинга «Айс-Парадайс» появился на пороге. И вправду соскучился, вот что значит притворяться стервой!

— Привет, дорогая! — знакомая обворожительная улыбка, спортивный разворот плеч, костюм с иголки — Степан Борисович Полозов собственной персоной. — Вижу-вижу, как ты занята...

Степан попытался поцеловать меня, но я ловко выскользнула из его рук и, обогнув стол, поместилась на свое рабочее место.

— Мэри, скоро должен приехать... мой начальник, и скорее всего сегодня я допоздна буду занят, а вот завтра...

Я округлила глаза:

— Степан Борисович, вы не шутите? *Ваш* начальник?

— Дорогая, тебе прекрасно известно, что я лишь исполнительный директор холдинга, — с некоторой долей раздражения сказал Степан и крутанул перстень.

— Да-да, что-то припоминаю... А как его зовут?

— Беседовский Дмит...

— Па-аа-звольте, а это что за ангел здесь сидит?

Дверь открылась так стремительно, будто ее открывали ногой.

Бас вновь прибывшего заполнил пространство в комнате и как-то сразу давал понять, что его обладатель — Главный. В нем всего было чересчур: слишком много он производил шума, был излишне крупным, вульгарность била через край...

Какое-то шестое чувство направило меня в ту минуту, и я улыбнулась большому забавному человеку, напоминающему бурого медведя, тепло и искренне, насколько могла. В нем было что-то очень приятное и располагающее, несмотря на то что темные внимательные глаза как будто буравили насквозь. Как ни странно, его полнота не производила отталкивающего впечатления.

От этого человека пахло деньгами. Я никогда раньше не понимала этого выражения, а вот сейчас господин Беседовский олицетворял его собой в полной мере. Он был уверен в себе настолько, что даже мог позволить себе надеть галстук с огромным пятном посередине. Или он посадил его за ланчем? Да нет, рановато вроде... Пятно очень подходило к общему

облику Беседовского и вместе с галстуком радостно переливалось всеми цветами радуги.

— Этот ангел, Дмитрий Александрович, наша новая секретарша, Мэри Блинчикова, — Степан с трудом сдержал злобу и натянуто обнажил десны.

— А умеешь, Степан Борисович, персонал набирать, ничего не скажешь! Я, собственно, тебя ищу, — воскликнул Большой Босс, обращаясь к Полозову.

Удивительно изящно и быстро для своего веса он оказался рядом и, завладев моей рукой, шутливо поцеловал.

— Буду счастлив видеть вас снова! — и поклонился.

Я настолько растерялась, что не нашла ничего более умного, как снова улыбнуться. Пусть думает, что я немая.

Степан наградил меня бешеным испепеляющим взглядом и вышел следом за Боссом. От дверного хлопка фарфоровые чашечки на столике жалобно звякнули.

...Когда стало ясно, что в агентство меня берут, со специальным визитом ко мне заявила Романова. С недавних пор она была в курсе всех моих перипетий с Полозовым.

— И ты до сих пор мне ничего не рассказала? — риторически спрашивала Аришка, возмущенно тряся белокурыми локонами. — Тоже мне, подруга называется...

Я с удивлением обнаружила, что Романова права и свежий взгляд со стороны мне совершенно не помешает. К тому же выговорившись, я словно сбросила груз, который носила на сердце столько времени; на душе стало свободнее. Ну и наконец, не зря говорят: одна голова — хорошо, а две — лучше!

Подруга горела искренним желанием мне помочь.

— Значит так, Мэри, — чуть ли не с порога начала Аришка. — Наша задача — поменять твою внешность, причем кардинально!

— Что-что поменять? — переспросила я в недоумении.

Безапелляционным тоном подруга продолжала:

— Я уже все продумала, а ты, главное, — не спорь. Лучше, чем я, тебе никто не посоветует, ты уж поверь! Вот ответ — чем любят мужчины?

Я покраснела.

— Перестань задавать свои дурацкие вопросы!

— Ой, какие мы нежные! Ах да, забыла, ты же у нас утонченная натура, руками не трогать, интимных тем не затрагивать! Только сейчас, голубушка, не угадала. Мужчины любят, — Аришка весело рассмеялась, — глазами! Понимаешь, глазами!

— Ну и что? Чем тебя не устраивает моя внешность?

— Мэри, у тебя внешность на пять баллов, не волнуйся, но чтобы привлечь мужчину, женщине нужно меняться. Ну устроены они так, просто поверь мне сейчас, и сама потом убедишься!

— А... что мы будем менять?

— Не бойся, обойдемся без пластической операции, — снова развеселилась Аришка.

— А что тогда?

— Во-первых, стрижка...

Я охнула. Мои волосы всегда были предметом гордости, неизменным атрибутом уверенности в себе. Я никогда не пользовалась красителями, и их рыжеватый оттенок, как я надеялась, придавал некий шарм моей особе.

Когда мы валялись в постели, Сашка любил закапываться в них, перебирать, частенько

даже сам расчесывал. Иногда волосы запутывались, доставляя тем самым массу раздражения, но Сашка долго терпеливо работал гребнем и наводил красоту.

— Но, Ариша...

— Во-вторых, цвет.

Не слушая моих жалобных стенаний, подруга порылась в сумочке и выудила прямоугольную коробочку с потрясающей брюнеткой на картинке. Аришка торжественно водрузила коробочку на трюмо.

— Это — основное.

— А что второстепенное? — смиренно спросила я.

— Гардероб, естественно! Ну а насчет того, как изменить тебя внутри, тут особый разговор нужен, — подруга взглянула на меня с сомнением. — Твои телячьи нежности чтобы... А-а, — она махнула рукой, — об этом после, а сейчас — за дело! Мы тебя покрасим, а потом — сразу в парикмахерскую, я тебя записала.

Аришкин напор немного смущал меня, но подсознательно я чувствовала, что подруга где-то права. Меняется моя жизнь — я иду на совершенно новую работу и буду общаться с абсолютно незнакомыми людьми. Можно и поэкспериментировать! Мужчины любят глазами... Может, она и права.

Я уже приблизительно догадалась, какого эффекта в целом хотела добиться Аришка. Я перестану быть спокойной ласковой душкой и превращаюсь... превращаюсь... в женщину-вамп! Мне передалось романовское воодушевление, и я с энтузиазмом помчалась в ванную, где подруга всю колдовала над краской. Посмотрим, многоуважаемый Степан Борисович, кто кого!

Ужасная мысль посетила меня, и я жалобно захныкала.

— Что еще? — Аришка грозно уперла руки с закатанными по локоть рукавами в бока.

— Но ведь, Ариш, с короткими черными волосами я уже не буду похожа на... Уже никто не скажет...

— Ах вот оно что! Да, ты перестанешь наконец быть похожей на эту чертову куклу, и слава богу! Меня всегда это поражало в тебе — а с чего ты вообще взяла, что должна быть на кого-то похожа?

— Но она была такая красивая! — я чуть не плакала.

— Мэри, а ты — будешь еще красивее, — блестя кукольными глазами, проникновенно сказала Аришка. — Она — Мэрилин Монро, а ты — Мэри Блинчикова! И знаешь, в чем еще твое преимущество?

— В чем? — подруга умела убеждать.

— В том, дуручка, что ее жизнь прошла, а твоя — только начинается!..

— ...Ой!

— Вау! — завопила Аришка и, откинув журнал, подскочила на месте, когда я выплыла в холл парикмахерской.

Я волей-неволей улыбнулась. Иногда непосредственность подружки была через край, хорошо еще, что никого нет поблизости. Без длинных волос я чувствовала себя крайне непривычно, как будто до этого все время носила на голове корону, а теперь сняла. Ощущение было необычное, но... приятное. словно с волосами, лежащими на полу в парикмахерской, остались мои сомнения, моя неуверенность в себе. И — моя прошлая жизнь.

— Давай спор, вот сейчас же, — возбужденно тараторила Аришка. — Если он тебя такую увидит и не клюнет — с меня бутылка дорогого красного вина.

В этом была вся Романова — ее не интересовало, люблю я красное вино или нет, главное — что его обожала она. На мои естественные эмоции и переживания по поводу перемены внешности ей, по большому счету, было наплевать. Главное для нее — постоянный драйв, действие, смена героев и декораций.

— Хорошо. А если клюнет? — на всякий случай уточнила я.

— Ну, если клюнет, ты, подруга, мне по гроб жизни будешь обязана! Но сойдет и бутылка...

— ...Дорогого красного вина, — закончила я. — Идет, — мы шутливо ударили по рукам.

По дороге домой Аришка затащила меня в модный магазин одежды и буквально силой заставила купить темно-серый костюм-двойку. В примерочной она скакала рядом и без устали повторяла, что Мэрилин Монро разрыдалась бы от злости и зависти, если б увидела, как я выгляжу.

Костюм был в самом деле очень красивым и стильным — вырез глубокий, но не совсем, на грани дозволенного, юбка чуть выше колен выгодно подчеркивала мою аппетитно округлившуюся нижнюю часть. Правда, стоил он столько... И за стрижку в дорогом салоне я заплатила изрядную сумму.

— Мэри, у тебя не хватает? — глядя на мою сомневающуюся физиономию, суежилась Аришка. — Я добавлю, у меня этого добра, как в Бразилии Педров...

В чем Аришку никогда нельзя было упрекнуть, так это в скупости. Если у нее водились деньги, она расшвыривала их направо и налево, не считая и не «экономя на пустяках», как она сама выражалась.

— Скажите, эта вещь будто сшита на нее, верно?

Молоденькая продавщица с готовностью закивала:

— Ваша подруга совершенно права, вам очень идет и этот цвет, и фасон. Вы в нем похожи на... — она нахмурила белоснежный лоб. — На голливудскую звезду из...

— Она ни на кого не похожа! — встряла Романова.

— Я только хотела... только то, что ваша подруга очень кра...

— Да, и ни на кого не похожа! Она сама по себе! — продолжала распалаться Аришка. — Мы берем, — и, схватив костюм, и рванула к кассе.

— Не обращайтесь внимания, — на ходу шепнула я растерянной продавщице. — Она вообще-то добрая.

Папа учил меня не одалживать денег, тем более у друзей, но с Аришкой спорить было бесполезно. К тому же она так искренне переживала, так хотела, чтобы серый в почти незаметную полосочку костюм стал моим, что я сдалась.

— Отдам с первой зарплаты, — сказала я, расплачиваясь у кассы.

Перед входом в метро у Аришки зазвонил мобильный. Прохожие в испуге шарахнулись.

— Да-да-да, кисунчик, сейчас еду, лечу! Не справляются без меня, — хвастливо объяснила подруга, заталкивая обратно в сумочку громоздкое устройство с толстой резиновой антенной. — Да, чуть не забыла. Перестань душиться этими противными «Шанель № 5», вот тебе! Для меня они все равно тяжеловаты, а тебе должно понравиться! — и она сунула мне в сумочку флакон.

Разговоры о духах были Аришкиным коньком. Она могла часами разглагольствовать,

когда, где и почему надо использовать именно этот, а не другой парфюм. Свою неиссякаемую коллекцию духов Аришка постоянно пополняла, не забывая при этом избавляться от надоевших запахов. «Шанель № 5» Романова возненавидела тогда, когда узнала, что этот запах был любимым у Мэрилин Монро, и периодически читала мне нотации.

Неугомонная подружка умчалась к своему мистеру Гиру, взяв с меня клятвенное обещание отзвониться и доложить о первой встрече «с противником» и произведенном впечатлении.

А порассказать действительно было о чем.

СБЫЧА МЕЧТ

«Клены выкрасили город колдовским каким-то цветом, это скоро, это скоро бабье лето, бабье лето...»

Каждый день я вставала в восемь, принимала прохладный душ, приводила себя в полную боевую готовность и чинно шла на работу. Все-таки Аришка — гений! Короткая стрижка — суперудобная вещь, и волосы в глаза не лезут, и шампуня меньше, да и расчесываться почти не нужно. И костюм выбрала классный — во-первых, он идеально на мне сидел, а во-вторых, практически не мялся. Накануне требовалось только приготовить чистую блузку, а утром промокнуть лицо холодной водой, подкрасить губы и влезть в любимые лодочки.

На улице и в метро я ловила на себе восхищенные мужские взгляды и с благодарностью думала о тренерессе по шейпингу. Безумно приятно было каждой клеточкой чувствовать себя подтянутой и стройной.

Новые Аришкины духи мне действительно очень подошли — во всяком случае от меня никто не шарахался. Духи назывались «Аллюр» и только-только входили в моду. Запах был сладкий, интригующий и эротичный. Он придавал уверенности, и толкал на что-то, и чем-то манил, и даже что-то обещал.

Место моей службы располагалось непосредственно в том же супернавороченном здании из бетона-стекла-металла, что и весь холдинг «Айс-Парадайс». Я уже не робела, когда высоченная дверь офиса как по команде разъезжалась передо мной, охранник на входе приветливо кивал, и я спокойно шагала внутрь. Шикарная обстановка уже не поражала воображение, а привычно ласкала и ублажала.

Тот день сохранился в моей памяти до сих пор. На лестнице столкнулась с Маринкиным отцом — в вечных рваных тапках и трениках. Он схватился рукой за сердце.

— Ромен... Роман Роменович, что случилось?

Тот закривлялся-заулыбался:

— Дорогая соседка, ну нельзя же так шикарно выглядеть! А я вот, — он потряс кипой газет и счетов мне вслед, — за почтой, за почтой ходил...

Был понедельник — день тяжелый, говорят, но погода стояла прекрасная, бабье лето, тепло и солнечно — красота! На вечернем занятии в университете еще не начинались, и я наслаждалась относительной свободой.

Я работала в фирме третью неделю, но еще не встречала Степана — он был в отъезде. Работа мне, пожалуй, даже нравилась — я с детства люблю все раскладывать по полочкам и вазочкам, примерно то же самое требовалось и здесь. Моя предшественница, хохотушка Валечка, в силу своего положения пустила все дела на самотек, и мне пришлось изрядно попотеть, чтобы сперва разобраться в бумажном водовороте, а затем привести документацию в божеский вид. А в принципе обо всем помнить, держать стол и бумаги в порядке и быть со всеми любезной — в общем-то не такая уж трудная задача. К тому же работать я начала в сентябре, во время бархатного курортного сезона — многие находились в разъездах и звонков было еще немного.

На входе дежурил Петька Муханов. Охранники менялись каждые четыре дня, и каково же было мое удивление, когда в одно прекрасное утро я узнала в суровом здоровенном детине на входе брата Ваньки Муханова! Мы были знакомы тысячу лет. Петька на правах

старшего брата частенько забирал Ваньку из детсада, и мы с подружками, захлебываясь от восторга, кричали из песочницы: «Петька-Петька-петушок, золотой гребешок!» Петька был на несколько лет старше и уже успел многое — например, побывать в армии и жениться. Муханов весело мне улыбнулся:

— Отлично выглядишь!

— Спасибо! Заходи, пирогом угощу!

Вчера я навещала родителей в Грибном и навезла оттуда кучу всякой всячины — мама силой впихнула. Как было хорошо за городом, как там легко и вольготно дышалось!

За лето с папиной легкой руки на грядках вырос целый урожай: и картошка, и морковь, и свекла. Он радовался, как ребенок, и не подпускал маму к земле. Мама неодобрительно ворчала, но слушалась.

Известие о переводе на вечерний и поступлении на работу родители восприняли без особого восторга и энтузиазма, но, как и всегда, своего мнения не высказывали и с советами не приставали. Между собой, правда, они шушукались и переглядывались, скорее всего, догадываясь о каких-то переменах в моей жизни, но молчали, как партизаны.

— Доченька, приезжай к нам почаще, — попросила мама, засовывая мне в сумку огромный кабачок. — Ты совсем одна там...

— Хорошо, мамуля, — я чмокнула ее в щечку. — Но вы не волнуйтесь, я уже взрослая!

Муханов, похожий на Илью Муромца с каменным лицом, а на самом деле — простой добрейший парень, весельчак и балагур, надежно стоял на боевом посту.

— Непременно зайду, жди! Слушай, Мэри, — Петюня наклонился ко мне, — а знаешь, кому на свете тяжелее всего?

— Кому, Петенька?

— Моли! Сама подумай: зимой в футболках, летом — в шубах!

Мы расхохотались.

— Кстати, сегодня начальство приезжает... — бросил вдогонку Петька.

— Начальство? — Я так и застыла в дверях.

— Ну да, я вот и предупреждаю, мало ли что!

— У нас все дела в порядке, мы начальства не боимся! — На меня внезапно напало неудержимое веселье.

Муханов удивленно поглядел вслед, но я уже шла к лестнице. Я была готова встретить начальство во всеоружии, и мое отражение в зеркале в причудливой раме бодро и уверенно мне подмигнуло.

Дел в тот день оказалось невпроворот, и радость «ожидания чуда» постепенно начала отползать на задний план, сменяясь рутинными заботами и проблемами. Да еще главный менеджер из отдела загородного строительства, Павел Кузьмич, субъект лет тридцати пяти с вечно слезящимися глазками и хлюпающим носом, отчудил номер: пришел в самый разгар звонков, уселся на стул и стал вести какие-то длинные туманные разговоры. Я долго не могла понять, к чему он ведет, пока он, краснея и задыхаясь, не выдал из себя приглашение сегодня с ним отужинать. Ну вот, началось, мрачно подумала я, это как раз то, о чем предупреждала меня Ада: все представители мужской части населения уверены, что секретарши — это такие безотказные существа, которые затем и устраиваются на эту должность, чтобы ходить с ними, то есть с мужиками, в рестораны и прочие места со всеми, как говорится, вытекающими последствиями.

С Адой мы работали на разных этажах, к тому же на месте она, в отличие от меня, не

сидела, а постоянно моталась на объекты. Так что пересекались очень редко, только пару раз столкнулись в кафе за кофе. По ее ответам на мои тщательно продуманные завуалированные вопросы я убедилась, что с Полозовым у Ады ничего не было.

Погруженная в себя, я в который раз за день медленно шла вверх по лестнице. Клиент настолько спешил, что не захотел даже подняться в контору, пришлось спускаться за документами самой.

Раньше я была уверена, что такие сцены происходят лишь в фильмах и книгах: героиня томно поднимается по лестнице, герой с мрачным выражением на челе спускается, оба рассеянно думают о чем-то своем и — гром и молния! — они сталкиваются и стоят, не в силах пошевелиться, от нахлынувшей бури чувств, сковавшей их члены. Но — никто не поверит — именно так все и случилось...

Маленький пухленький и голенький мальчик с крылышками уже замучился ждать. Людей было много, все сновали-бежали-торопились по разным, лишь им одним известным делам, но нужный человек не шел. Ну где же он, в самом деле? Когда ангелочек совсем отчаялся, одна из дверей распахнулась и тот, кого так долго ждал небесный посланец, почти бегом бросился к лестнице. Вокруг подобострастно зашептали, закивали, почтительно заулыбались, но шаловливому херувиму было решительно наплевать на какие-либо табели о рангах. Он поднял свой миниатюрный лук, неторопливо прицелился и...

Исполнительный директор холдинга «Айс-Парадайс» смотрел на меня, как на единственную в мире, желанную и прекрасную. Наверное, все без исключения женщины в мире мечтают о хотя бы одном таком взгляде в их жизни. Так смотрел Марк Антоний на Клеопатру, Круз на Иден, Трубадур на Принцессу и, наверное, Петрарка на Лауру. Степан Борисович Полозов смотрел на меня и не мог оторваться, и это было потрясающе.

— Здравствуй... те. Мэри?

— Здравствуйте, — да, как мы с Романовой учили, и уверенный взгляд из-под прикрытых идеальными ресницами век, и суперспокойный тон: — А мы с вами уже встречались?

— Мэри?

Интересно, что подруга подразумевала, когда говорила о «дорогой» бутылке вина? У нее теперь свои мерки, а вино, похоже, покупать придется! Получилось! Да, получилось! Ай да Романова, ай да... Лед тронулся, господа присяжные заседатели, лед тронулся!

Внутри у меня все пело и плясало, и кружилось, и ликовало. Но спокойствие, только спокойствие! Прогнуться в пояснице и смотреть ровно.

С невозмутимостью в голосе я повторила:

— Я Мэри, правильно. А вы, извините... — и еще шире и невиннее распахнула глаза.

Вид у него и впрямь был дурацкий — эдакая смесь недоумения, растерянности и восхищения:

— Степан Борисович Полозов.

Он совершенно смешался, и люди вокруг снуют, и все глазеют, и уже предвкушают новую сплетню, но мы, как и положено в добротных голливудских фильмах, стоим и неотрывно пялимся друг на друга. Вернее, это он — с красными пятнами на щеках и капельками пота на лбу — пялится, я же — как кремень, спокойно-ироничная — недоуменно поглядываю.

Я поражалась самой себе. Сердце не выпрыгивало из груди, волна удушья не подкатывала к горлу. И даже не покраснела!

Эта уверенность удивила и даже испугала меня. Неужели Мэри Блинчикова смогла так быстро превратиться из наивной дурочки в настоящую Снежную Королеву, ледяную и неприступную? Мне было фантастически приятно, но взгляд Степана лишь тешил мое самолюбие. Он давал власть, дарил уверенность, но сердце окутала странная глухая пустота.

...Нежданно-негаданно вспомнилась бабуля. Как-то зимой — я еще училась в школе — я торчала дома, валяясь на диване и жадно поглощая «Анну Каренину». На улице стоял жуткий мороз, а в квартире было так тепло и уютно. Узнаваемый звонок межгорода разрезал тишину, и я подбежала к телефону.

— Да?

— Машенька, радость моя! — прорывался через треск на линии родной старенький голос.

— Бабуля!

Бабуля звонила нам очень редко, когда выбиралась к знакомым в Углич. Она говорила так тихо, что показалась мне тогда совершенно потерявшейся и беспомощной. У нее случилось горе: погибла китайская роза. Услышав это, я ахнула: сколько я себя помнила, роза была бабулиной гордостью и любимицей. Это было абсолютно уникальное растение: вопреки законам природы оно цвело даже зимой!

Топя печь, бабуля забыла вовремя закрыть заслонку, и черный угарный газ заполнил весь маленький домик. Бабуля жутко перепугалась и настезь пооткрывала окна, впопыхах забыв о теплолюбивом цветке.

— Бабуля, ты так не расстраивайся, пожалуйста, — глотая слезы, лепетала я. — Мы тебе летом новую привезем...

— Хорошо, Машенька, — грустно отвечала бабушка. — Я вот думаю: может, розочка-то моя просто притомилась, устала от жизни...

...Через три месяца бабуля умерла.

Может и я, не выдержав долгой томительной неопределенности, устала ждать своего героя, и чувства любви и страсти умерли во мне? Судьба-злодейка сыграла со мной злую шутку: теперь я знала, что он — *мой*, но кроме удовлетворения, ничего не чувствовала.

...Наконец некая спасительная мысль все-таки залетела к Полозову в голову, и, порывшись в карманах, он вынул визитку и торопливо сунул мне:

— Я... Если вы... У меня сейчас встреча, и если...

— Я думаю, что ваши координаты мне не понадобятся, так как я работаю здесь и вашу фамилию помню. Она стоит первой в списке. Было очень приятно познакомиться.

Я уверена, что сама Катрин Денев, моя любимая актриса, позавидовала бы тому, как небрежно и элегантно я присела в легком книксене, повернулась на носочках и не торопясь пошла наверх. Так хотелось еще раз посмотреть на стусевавшегося Степана, но я вспомнила про жену Лота, которая оглянулась на пылающий огнем город, и справилась. У меня все получилось великолепно, дубль был первый и последний. Я собой вполне гордилась. Из меня получается отличная стерва.

...Именно это слово — «стерва» — я произнесла, когда тренировала под Аришкиным руководством презрительно-снисходительный взгляд.

— Да, конечно, ты поняла, Мэри, наконец- то! — от избытка чувств подруга подпрыгнула на месте и захлопала в ладошки. — Это то, что надо! Этакая современная

Настасья... Ты знаешь, как там ее?

— ...Филлиповна?

— Да, Настасья Филипповна, настоящая стерва была!

— А ты откуда знаешь? Неужели читала? — искренне удивилась я.

— Заставили... — помрачнела подружка. — Знаешь, какой мне Леха ликбез устраивает...

Романова не понимала, какой прок от книг, и, если можно было отвертеться, не брала их в руки. Сомневаюсь, что она смогла осилить «Идиота». Вдруг вспомнился Сашка, он так же ненавидел литературу. Что-то он теперь подделывает?.. Что бы он сказал, если бы увидел меня сейчас? Наверное, назвал бы «дурындой». Я вздохнула.

— Ну, до Настасьи Филипповны мне еще шагать и шагать... — начала я.

— Еще раз посмотри на меня, — велела подруга.

Я прыснула, но под грозным Аришкиным взглядом собралась и «посмотрела».

— И так, моя дорогая, ты будешь смотреть на него всегда, как пишут в ваших дурацких книжках, «одаривать его холодным неприступным взглядом», а он... — Аришкино красноречие иссякло.

— ...А он будет трепетать и мечтать обо мне долгими зимними вечерами!

Мой сарказм не укрылся от подружки.

— Сейчас, между прочим, лето, а он действительно пусть страдает, и сохнет, и мечтает! Если ты, конечно, этого захочешь, — добавила напыщенно Аришка. — И вообще, запомни и запиши на стене: поставь цель и добивайся ее! Хватит уже без мужика сидеть и киснуть!

Да, на словах все у подруги выходило замечательно, легко и просто. А сама, наверное, небось забыла, как жалкая и расстроенная брела по улице, когда чуть не угодила под автомобиль с Гиром внутри! Хорошо рассуждать и учить жизни, когда ненаглядный сам сваливается с неба, делает предложение руки и сердца и подходит тебе на все сто. Может быть, я слишком критично подхожу к выбору спутника жизни и мои требования чересчур завышены, подумала я.

Но эта игра, по правде говоря, начинала мне по-настоящему нравиться. Отражение в зеркале возбуждало и будоражило кровь. Течение моей реки, обычно размеренное и неторопливое, всколыхнулось и забурлило, заиграло в водовороте. Вот где настоящий маскарад! Я жаждала перемен, событий, страданий, любви, ненависти!.. Когда же еще, если не теперь?..

...Только вечером, уже лежа в кровати и оставшись наедине сама с собой, я смогла вспомнить, как же выглядел Степан. Что-то в нем неуловимо поменялось, стало иным. Нет, стать и осанка были те же, и взгляд светло-голубых глаз внушал трепет и будоражил воспоминания. Но что-то изменилось, и я не могла понять, что именно. Может, он постарел? Может, ожидание мечты не может сравниться с ее исполнением? А может, изменилась я?..

Каждый день он выбирал время, приезжал в агентство и делал попытки вызвать меня на разговор, но я принимала надменный неприступный вид и ускользала. Полозов мог, конечно, просто пригласить в свой кабинет и пригрозить увольнением — я была к этому готова. Но Степан казался натурой тонкой и, сколько я его помнила, деликатной, и напролом не шел. Я рисковала — но решила играть роль стервы до конца. Я не дерзила исполнительному директору, я просто обращалась к нему убийственно вежливо и холодно. И по тому, какие взгляды кидал в мою сторону Степан — обожание, смешанное с ненавистью, — мне казалось, что Степан принял условия игры и занял свое место на сцене.

Через неделю Полозов опять уехал, так и не выяснив отношений, а я осталась — ждать его возвращения, чтобы продолжить игру и на рабочем месте штурмовать вершины нелегкой секретарской карьеры.

ПРОВЕРКА НА ДОРОГАХ

...Спустя несколько дней за пять минут до окончания рабочего дня в мой кабинет ворвался Наум Иванович, финансовый директор отделения «Айс-Парадайс»:

— Мария Николаевна! Горю! Важные бумаги! — он потряс у меня перед носом папкой фиолетового цвета. — Надо срочно отправлять документацию в Москву. Они ждут! — лицо у Обрезкина от напряжения начало приобретать цвет папки.

— Вы хотите, чтобы я помогла вам отправить факс?

Я глянула на часы: придется задержаться на работе лишних минут пятнадцать, а мне сегодня в Финэк. Придется опоздать... Тем временем Обрезкин пел тоненьким голоском:

— Ну что вы, милочка, и тени мысли нет у старика — вас задерживать. Факс я и сам могу отправить. Мне только печать бы поставить, понимаете? Две минутки — и все. Я же знаю, что вы тоже устали, хотите домой. Я же понимаю! — Обрезкин прижимал к груди папку, будто любимое дитя.

Он нервно переступал с ноги на ногу, и я представила, что сейчас лысина этого «синьора Помидора» покроется капельками пота, как это бывает у тех, у кого имеются избыточный вес, гипертония и одышка.

Печать, святая святых компании, покоившаяся на ворсистом коврикe, пропитанном фиолетовыми чернилами, находилась в кабинете Полозова, в сейфе, ключ от которого был мне доверен. Я уже привстала с места, как Наум, выгнув спину и напустив льстивую улыбку, протянул руку:

— Давайте мне ключ, я все сделаю сам. А пока — собирайтесь, заканчивайте дела, — он заговорщицки подмигнул: — Не беспокойтесь, Обрезкин — старый бюрократ, Обрезкин — справится...

Меня будто током дернуло — я словно увидела перед собой толстого хитрого пожилого кота Базилио, пытающегося выманить у наивного Буратино заветные монетки. «Крэкс, пэкс, фэкс»...

...Перед отъездом Полозов самолично зашел ко мне в кабинет и оставил связку ключей от сейфа с печатью фирмы, дав совершенно недвусмысленное указание никому их не давать.

— Оставляю вас, Мария Николаевна, за старшую, — сказал он и посмотрел так, что у меня сладко заныло где-то в области живота...

— Извините меня, Наум Иванович, но в отсутствие Степана Борисовича я не имею права никого пускать в его кабинет и тем более разрешать пользоваться печатью фирмы. Насчет вас мне не было оставлено никаких распоряжений. Так что, если дело действительно срочное, попробуйте позвонить Полозову на мобильный. Пока не поступят его личные указания, ничем не могу вам помочь, — сказала я твердо.

Реакция Обрезкина была серьезной, даже агрессивной:

— Вы думаете, мы тут с вами в игрушки играем? Куколка моя ненаглядная, вас угораздило попасть на работу в серьезную фирму, которая занимается серьезными делами. Мне недосуг объяснять вам сейчас ту степень ответственности, которую возлагает на вас новая должность, но ваше упрямство может очень дорого стоить компании, — чеканил слова Обрезкин, краснея еще больше. — И вам лично. Вы даже не представляете, о каких важных вещах идет сейчас речь. Девочка моя, я здесь работаю с момента основания и, уж наверное, лучше вас знаю, что можно, а что нельзя. Так что оставьте свое упрямство для кого-нибудь

другого, а здесь вы на работе... Я жду...

Признаться, его нотация произвела на меня впечатление. Минуту назад я чувствовала себя едва ли не вторым человеком после босса. Степан оставил меня «за старшую», так именно и сказал. Я вспоминала его страстный взгляд — а вдруг он просто пошутил? Кто я такая на самом-то деле? Без году неделя принятая на работу с улицы недоучившаяся студентка. Меня уволят, возьмут другую — никто и не заметит. И что я в самом деле смыслю в большом бизнесе, в крупных финансовых делах, которыми занимается контора? Ровным счетом ничего! Может послушаться и выполнить то, о чем он меня просит? Обрезкин — опытный старейший работник, занимающий важный пост. Наум ждал.

Но вопреки всем логическим доводам я решила: нет, и это было не только упрямство. Мой внутренний голос, моя интуиция подсказывали мне, что ключ нельзя отдавать никому, даже на время.

— Я жду! — нетерпеливо повторил Обрезкин.

Капля пота, наконец, скатилась с лысины по багровой щеке. Я набрала побольше воздуха в легкие и с непроницаемым выражением на лице выдала:

— Я же вам ясно сказала: без личных указаний Полозова кабинет не открою. Если хотите — позвоню ему, — и отважно взяла телефонную трубку.

— Пойдите! — Наум схватил меня за руку. — Не надо ему сейчас звонить, он в Москве и скорее всего сильно занят.

— Да? Но он меня предупреждал: если будут проблемы — связываться с ним лично...

Неожиданно финдиректор смягчился:

— Ладно, ваша взяла. Отложим дело на завтра. Я вас понимаю, Мария Николаевна, вы по-своему совершенно правы. Я даже извиняюсь за то, что вам тут сейчас наговорил. Прощаете? — он лукаво подмигнул.

Такая внезапная смена поведения выглядела очень ненатурально. Средних лет лысеющий тип в мрачном черном костюме, серьезный и деловой, вдруг, как мальчишка, начинает подмигивать. Тем не менее предложение загладить конфликт меня только обрадовало.

— Конечно, прощаю. Вы тоже извините, если что не так, — я мило улыбнулась.

— Все так, все так. Считайте, Мария Николаевна, что это была проверка.

— В каком смысле?

Наум наклонился ко мне и заговорил тише, полусшепотом:

— Я вас проверял. Дело в том, что у компании существуют на вас кое-какие виды. Барышня вы смышленная, красивая, чего скрывать! Оставалось лишь проверить, насколько вы надежны. Вот Степан Борисович и поручил мне это щекотливое дело...

От такой новости я совсем было растерялась. Не знала, что и думать: верить или нет? Что я им — подопытный кролик, лабораторная мышь, чтобы опыты со мной проводить? Но силком меня сюда тоже никто не тянул, размышляла я, сама влезла, так что придется терпеть. А Полозов-то каким хитрецом оказался!

Обрезкин как будто угадал мои мысли.

— Знаете, у меня к вам личная просьба. Вы, конечно, после можете спросить у Степана Борисовича, зачем все эти проверки. Хотя заранее вам скажу, он в ответ как-нибудь отшутится, и только. Лично я категорически против устройства подобного рода вещей. Но приказ есть приказ. Вы сами видели, как старый дурак волновался. Потому что лично мне вы более, более чем симпатичны. Может, поэтому я немного перегнул палку и срочным

образом спешу перед вами извиниться. Как на духу: совершенно не хотел вас обидеть. Вы мне очень нравитесь, Мария, — финдиректор подпускал в свою козлиную песнь такую свойскую интимность.

— Николаевна.

— Ну конечно, Мария Николаевна, раз вы настаиваете. Может быть, вы согласитесь сегодня со мной отужинать? Я знаю один неплохой ресторан, там недурно готовят.

— С вами? — Я не смогла скрыть своего изумления: праведник Обрезкин, никогда, если верить здешним слухам, даже не смотревший в сторону симпатичных девушек, вдруг приглашает меня в ресторан. Может, у него нежданно-негаданно настал период второй молодости? Классическая «седина в бороду, бес в ребро»?

— Вы так удивлены? Ах да, понимаю! Финансовый директор не слишком молод, отнюдь не строен, мое общество, наверное, не очень для вас приятно. Так сказать, красавица и чудовище. Но я ведь, честное слово, не зову вас куда-нибудь в номера или в баню...

Ну что ж, и на этом спасибо.

— Да что вы, дело совсем не в этом, — осторожно начала я. — Просто я...

— Очень хорошо! Жду вас на выходе через десять минут, — и, не дав мне времени опомниться, он выскочил из кабинета.

На пороге тут же появилась Лена Сушкина, помощница директора по внешним связям, стержневая особа лет тридцати. Неужели подслушивала?

— Ты еще здесь? — Сушкина, как всегда, балансировала на неимоверно высоких каблуках, за счет которых пыталась компенсировать свой маленький рост.

— Как видишь, — мирно ответила я.

— Да, то-то я смотрю, ты так засиделась. А навстречу мне сейчас Обрезкин пронесся, весь багровый, как из бани. Кто это, думаю, его в краску вогнал, а?

— А ты бы спросила, может, у него астма? Оказала бы первую помощь, — я достала косметичку и стала поправлять макияж.

— Ладно, мне пора. Завтра расскажу всем великую новость.

— Что за новость?

— Как? Наша мадмуазель Блинчик вознеслась на вершину Олимпа.

Сушкина гадко захихикала, оправила розовый пиджачок и удалилась. Все-таки подслушивала, сколопендра! Я сидела и слушала удаляющийся стук ее каблучков, словно весенний перестук дятла в лесу. Хотя нет, дятел — птица полезная, а эта... Наверное, в любой фирме есть своя Сушкина — любительница придумывать сплетни и плести интриги. Она — как сорняк, растущий посреди цветочной клумбы. Один сорняк удалишь, на его месте тут же вылезет новый. Это неизбежно, и с этим остается только смириться. Как и с тем, что завтра по офису поползут слухи: дескать, Блинчикова разводит шуры-муры с финдиректором. Кто знает, чего она там еще насочиняет...

Настроение было испорчено. Я схватила сумочку, закрыла кабинет и заторопилась по лестнице. Надо завтра сказать Лидии Михайловне, уборщице, чтобы заменила цветы в одной из ваз — совсем засохли. На улице в серой машине неизвестной мне марки терпеливо дожидался Обрезкин. Увидев меня, он выскочил из убежища и затараторил:

— Ну что, Мария Николаевна, вы готовы дарить людям счастье? — он улыбался во весь рот, отчего лицо его приобрело форму, которую многие древние мудрецы сочли бы верхом совершенства — круг.

— Боюсь, что счастливые дары — не моя профессия. Вы так быстро ушли, что

недослушали: я тороплюсь в университет.

— Прискорбно, — круг наумовского лица вытянулся в овал. — Но ничего, как говорится, не попишешь. Может, завтра? Только не говорите, что и завтрашний вечер у вас занят.

— Вы угадали, — мне стало вдруг весело.

В конце концов, он меня уволить не может, да я в самом деле занята!

— Что ж, — вздохнул финдиректор. — Вы девушка юная, красивая, а я, увы, уже немолод, — он перевел дух, видимо, давая мне шанс возразить.

Не воспользоваться этим шансом почти наверняка означало нажать себе врага: во взгляде собеседника читалась обида.

— Ну что вы, дело совсем не в этом. Просто я не свободна, к тому же мне нужно в университет, за знаниями.

— Вы разве замужем? — финдиректорский взгляд пылал удивленным недоверием.

— Извините, я спешу, сегодня важная лекция, — не очень ловко уклонилась я от ответа.

— Может быть, вас подвезти? — но особого энтузиазма в его голосе не было.

— Нет, спасибо, мне недалеко. Всего доброго.

— И вам, и вам того же...

Я со вздохом облегчения развернулась и тут же увидела перед собой вездесущую Сушкину. С ехидной ухмылочкой она вышагивала мне навстречу. Не иначе все это время паслась где-то неподалеку.

— Зонтик забыла, — бросила Сушкина на ходу, — а завтра с утра опять дождь обещали. А у вас тут, смотрю, randevу намечается?

Я промолчала.

— Ладно, ладно, мы — не любопытные, в чужие шашни носа не суем, — злобные подведенные глазки хитро сверкнули.

Я чувствовала себя так, словно меня вымазали грязью с ног до головы. Чтоб у тебя каблук сломался, подумала я с досадой. И тут же услышала позади себя сдавленный вскрик.

Сушкина сидела на корточках, обхватив руками правую лодыжку. Все-таки есть справедливость на белом свете!

— Ногу подвернула. Mamочка! Больно-то как! — охала Сушкина.

— Подожди, давай помогу, — обхватив ее за талию, я помогла ей встать на ноги.

— Я здесь! — Обрезкин наподобие Бэтмена метнулся на помощь.

Оказывается, он еще не ушел и следил за развитием событий. Сушкина томно стонала и опиралась на плечо финдиректора. Может, он утешится в ее прелестном обществе?

Наум услужливо вызвался отвезти пострадавшую домой, и парочка поковыляла к его машине. На лице директора по внешним связям было выражение плохо скрываемого удовлетворения; зонтик, как и следовало ожидать, был Сушкиной уже не нужен.

СТРАСТИ ПО БЛИНЧИКОВОЙ

Несколько месяцев пролетели как один день. Надвигались конец декабря, Новый год, сессия и новый виток отношений со Степаном.

Примерно раз в неделю я уступала настойчивости Полозова, и мы встречались. Выбор места всегда был за мной, и я пользовалась этим на полную катушку. Полозов безропотно терпел балет в Мариинке, выставки и вернисажи в Манеже и даже походы в Эрмитаж. Ресторанов я старалась избегать — соблазн, конечно, был велик, но я боялась, что Полозов выпьет и станет неукротим, а постель еще не входила в мои планы. Тем более что я не собиралась делить его с кем-либо другим...

Полозов очень долго скрывал от меня наличие любовницы, по словам Полозова, «бывшей». Я давно не была маленькой наивной дурочкой и морально была к этому печальному факту готова, но когда удостоверилась, все равно расстроилась. Любовницу звали Инесса, а занималась она в офисе — кроме как исполнительным директором — юридическими вопросами.

Степан уверял, что давно не спит с Инессой и она просто ценный толковый работник холдинга, но я сомневалась в этом. Времени с ней он проводил предостаточно: почти каждый раз, когда Степан бывал в офисе, они уединялись в его кабинете, да и вечерами, по словам верного Муханова, часто куда-то уезжали. Видеть ее не доставляло мне никакого удовольствия, и я избегала общения с ней, то же самое можно было сказать об Инессе. Надо отдать ей должное — она отличалась умом и сообразительностью и никогда не нападала на меня, во всяком случае пока.

Также где-то существовала законная супруга, холеная неприступная дама, которую я имела честь видеть тогда на фуршете. Здесь начиналось самое интересное — в последнее время Полозов все чаще и чаще говорил о том, что скоро разведется и поступит «в мое полное распоряжение».

Я предоставила событиям развиваться своим ходом и ждала. Степан смотрел на меня с обожанием и выполнял практически любые желания. Подарков его — боже, чего мне это стоило! — я не принимала, отвергая их с гордым видом, и это заводило его еще больше.

Перед Новым годом, как и всегда, повсюду царила предпраздничная сумасшедшая суета. Был последний рабочий день. Увешанный разноцветными гирляндами, дедами-морозами и всякой новогодней чепухой, офис походил на веселый игрушечный магазин. Никто давно не работал — все готовились к грандиозному застолью.

Степан сидел на краю моего стола и, игриво покачивая ногой, уговаривал остаться на праздник.

— Мэри, я очень прошу — останься, это будет твой первый Новый год в фирме, а потом мы куда-нибудь уединимся и поговорим... — в хриловатом голосе явственно зазвучали интимные нотки, светлые глаза медленно прикрывались.

О, я слишком хорошо знала этот голос и этот взгляд! Но пока он не разделается с женой и мыррой, я буду стоять на своем и не сдам позиций.

— Степан Борисович, вы же в курсе, в университете зачет и мне нужно будет уйти, — пропела я, перебирая и сортируя папки.

— Но послушай! — Степан наклонился через груды бумаг и попытался обнять меня. Целая стопка документов поехала и рухнула на пол, один из телефонов стоял на самом

краешке и вот-вот собирался сделать то же самое. Со стороны мы смотрелись, наверно, забавно: исполнительный директор почти лежит на столе, а его секретарша вяло сопротивляется, отмахиваясь договорами и факсами.

Дверь распахнулась.

— Всем привет! — как обычно внезапно, в комнату ворвалась Инесса.

Одета она была — тоже, впрочем, как обычно, от кутюр, то есть умопомрачительно и очень похоже на наряд Мэри Поппинс: ярко-синее платье и ослепительно белый воротничок. Помнится, она еще пела: «Ах, какое блаженство знать, что я — совершенство, знать, что я — идеал...» Полозов, закусив губу с досады, поправлял галстук.

Сейчас начнется! Молниеносно оценив рекогносцировку, Инесса ринулась в бой.

— Дорогой, — подлетела, и обняла, и поцеловала, и воротничок поправила.

Я даже позавидовала такой энергии и упорству. Видит же, как Полозов на меня смотрит, а до последнего борется! Ну да ладно, пусть голубки воркуют, а мне надо работать. Собрал с пола рассыпавшиеся документы и приняв независимый вид, я уселась на место и продолжила разбирать завал из бумаг. Это — в отдел коммерческой недвижимости. Эту папку от Наума — в загородную. А это почему у меня валяется, давно должно быть в отделе аренды! Да, Мэри, бить тебя некому, совсем обленилась. Не обращая ни на кого внимания, я взяла трубку местного аппарата.

— Алло, аренда? Виталик? Пошли ко мне, пожалуйста, кого-нибудь договора забрать... Спасибо.

— А еще, милый, я хотела тебе сказать, что все утро не могла найти твои перчатки, ну помнишь, те, замшевые, мы их покупали в Париже... — Инессу нисколько не смущало, что Степан раздраженно отстранял ее рукой и смотрел в мою сторону.

— Здравствуйте, компания «Айс-Парадайс», — надо же, еще остались работающие люди! Никогда прежде телефонный звонок так не радовал меня. — Подождите, пожалуйста, я попытаюсь...

— Но твоя мама всегда говорила, что синий цвет... — трескотня не умолкала ни на секунду, Инна висла на Степане.

Обрезкин хотел было зайти, уже просунулся, но замер на полдороге и быстро закрыл за собой дверь.

— Но мы должны непременно поехать к Всеволоду Анатольевичу, иначе...

Вся сцена напоминала плохой водевиль. Инесса не замолкала ни на секунду. Степан отвечал ей невпопад, но смотрел при этом на меня. А я наконец оторвалась от бумаг, посмотрела на Степана и — ничего не почувствовала. Нет, не так. Я чувствовала торжество. Не волнение, не восторг, не желание, а — мрачное удовлетворение. Раньше я думала, что только в кино и книгах бывает, что месть совершается и справедливость торжествует. И еще какая-то маленькая, едва ощутимая мыслишка болталась глубоко-глубоко внутри, никак не позволяя себя обнаружить.

Я взглянула на часы. Ух ты, начало шестого, надо собираться. В университет пора — сегодня, между прочим, зачет по «Международным экономическим отношениям», а я почти не повторяла лекции! Препон, конечно, симпатяга, мучить не будет, но совсем неподготовленной идти сдавать — неудобно!

Полозов заметался, но Инесса вцепилась в него крепко. Как обезьяна на пальме, подумала я. Но — довольно красивая, прямо-таки «совершенная» обезьяна.

Мурлыча под нос песенку Анны Герман про то, как «красивая и смелая дорогу

перешла», я быстро раскидала оставшиеся документы по ящикам и папкам. Завала больше не существовало, и я победно улыбнулась. Голубки о чем-то заспорили, но я не хотела вникать в их разборки.

— ...но, Степушка, это потрясающее место, от него просто глупо отказываться, — втирала Инесса.

— Мы обсудим это после!..

Так, из аренды так никто и не пришел. Ну еще бы, они, скорее всего, уже шампанское открывают. Им же хуже, мое дело — предупредить. Я положила яркую желтенькую папочку на край стола, подхватила сумочку и не спеша, с достоинством направилась к выходу. Уйду по-английски — не прощаясь.

— Мэри, подожди!

Степан бежал за мной, перемахивая за раз через несколько ступенек. Какой он все-таки спортивный и сексуальный, мелькнуло в голове. Я пролетела мимо огромной нарядной елки в холле — наверно, все напьются и будут водить вокруг хороводы — и рванулась на воздух.

На улице мороз набросился с какой-то прямо неприличной силой, а я как назло забыла дома шапку. Почему я не родилась в Италии, где круглый год цветут оливы? Ненавижу холод! Можно обмотаться шарфом, но так я буду похожа на пленного фрица... А, наплевать, здоровье дороже! Пусть думает что хочет.

— Степан Борисович, я опаздываю, — господи, как холодно!

— Мэри, послушай... С Инессой меня связывают чисто деловые отношения, и я не могу уволить ее, — говорил Полозов.

Я наблюдала за его лицом. У Сашки на морозе нос мгновенно краснел, а Степану, похоже, ничуть не было холодно. Оно и неудивительно, господин Полозов у нас не просто «стар», он — «суперстар»! Как же прекрасно быть молодой и красивой и знать, что от твоего слова зависит чье-то счастье! Это уже Тургенев какой-то пошел, одернула я себя.

Но несмотря на замерзшие ноги и руки — почему я не послушалась маму и не взяла теплые меховые варежки? — я наслаждалась моментом. Этот красавец-мужчина, состоявшийся и успешный бизнесмен, о котором было пролито столько девичьих сладких слез, стоял чуть ли не по стойке смирно и с немой страстью смотрел мне в глаза.

Раздался скрип тормозов, и темная спортивная иномарка лихо затормозила у дверей. Лицо Степана перекосила болезненная гримаса.

— Здравствуй, дорогой! — выпроставшись из авто, к нам подходил крайне неприятный тип.

Свет от фонаря упал на него и осветил угрюмую нагловатую физиономию с черной повязкой на глазу. В отличие от потешного заведующего шахматной секцией в Васюках, от типа веяло нем-то мрачным и подозрительным. Неужели он прибыл на праздник?

На меня он не обратил ни малейшего внимания. Ну и хам!

— Поднимайся, я сейчас, — раздраженно кивнул ему Полозов, и одноглазый скользнул внутрь.

— Мэри, я бы хотел отметить вместе Новый год, но я догадываюсь, ты не согласишься, — осторожно начал Степан.

— Абсолютно правильно догадываетесь!

— Хорошо, ну хотя бы в Рождество мы можем встретиться? Мне так много надо тебе сказать... — тон Степана был умоляющим.

— Вы заболаете, у вас ботиночки на тонкой подошве! — я засмеялась, чмокнула вконец

растерявшегося Полозова в щечку и побежала к метро, крикнув уже на ходу: — Позвоните мне!

МОЛОЧНЫЕ РЕКИ И КИСЕЛЬНЫЕ БЕРЕГА

В ресторане было тепло и комфортно. Мы сидели на втором этаже у окна, и я лениво наблюдала за снующими по набережной автомобилями и одинокими пешеходами. На столиках горели свечки-елочки, создавая интимную расслабленную обстановку. Я чопорно восседала на стуле с прямой спинкой и переваривала только что услышанное. Вернее, пыталась это сделать. Полозов только что сказал мне, что на днях принял окончательное решение и подал документы на развод.

Он подлил в мой бокал из экзотической бутылки, мы чокнулись. Густое терпкое вино вывело меня из удивленного оцепенения. Я не совсем понимала, какова должна быть моя реакция, и осторожно спросила:

— И что будет потом?

Он обворожительно оскалился.

— Потом — будет потом. Мэри, я обеспечу тебя всем, у тебя будет все, чего только ты ни пожелаешь. Всепопнейшее путамадре!

Я прикрыла глаза, и лавина воспоминаний захлестнула меня: местечко «Валенсия», Сказочные сады Гесперид, керамические разноцветные рыбки и заставляющий забыть обо всем на свете взгляд...

— Прямо-таки всем-всем? — я решила немножко пожеманиться, продлить сладостное мгновение.

— Ну, луну с неба я, конечно, не осилю, но остальное...

Он, наверно, ждал вопроса о том, женится на мне или нет, но я твердо решила первой эту тему не поднимать. А вдруг на самом деле он собирается сделать мне предложение? Какая-то мысль все не давала мне покоя. Чего-то не хватает, или я упустила нечто очень важное?

— Дорогая, ты великолепна. Я вдруг понял, что все это время любил лишь тебя одну, — заявил он и проникновенно посмотрел.

Звучало красиво, но только почему я об этом не знала *все это время*? Как будто читая мои мысли, он добавил:

— Только я не знал этого...

— А когда узнал? — машинально вырвалось у меня.

— Когда увидел тебя на лестнице в офисе, помнишь?

— А до этого не любил?

Он на секунду смешался, но затем быстрым уверенным движением сгреб мои руки в свои. Я замерла: неужели он думает, что вернуть былое так просто и легко, стоит лишь повторить то, что было, и...

— Мэри, любимая, ты — потрясающе красивая женщина. Умная, добрая, но... Ты так недоступна... — голубые глаза-льдинки чуть прикрылись, низкий голос обволакивал. — Тогда ты была другой, девочка, но я готов терпеть эту твою холодность, ты не представляешь, как тебе это идет...

Ночь, берег океана, сильные долгожданные руки и запах мужчины, изнывающего от желаний... Как давно это было, он держал меня всю в своих объятьях, и небо улетало далеко-далеко... «Я тогда моложе и лучше, кажется, была...»

Перстень сверкал, и хриловатый голос сулил блаженство, и в глубине глаз темнела

бездна, но чего-то не хватало. Может быть, я слишком увлеклась своей ролью, ролью стервы? Чего еще надо для полного счастья — красив, богат, умен и обаятелен! Я, попросту говоря, сбрендила.

Но моя верная подружка-интуиция тихонько, но настойчиво нашептывала мне на ушко: «Мэри, это не твое, забудь его, Мэри...»

Самозабвенно прикрыв веки, Полозов нежно ласкал мои руки. Что же это, «Укрощение строптивой», вторая серия? Ах да, сегодня Рождество, и я с исполнительным директором холдинга «Айс-Парадайс» отмечаю праздник в ресторане.

Запищала трубка. Чертыхнувшись, Полозов нажал на кнопку.

— Да?

В трубке была Инесса. Она орала так, что ее гневные вопли доносились до меня через тоненькую мембрану. Лоб Полозова прорезали глубокие складки, перстень волчком закрутился на пальце — так было всегда, когда Степан нервничал. Он долго, словно в ступоре, слушал Инессу и наконец, устав, дал отбой, предварительно буркнув: «Перезвоню». Вид у него был премерзлый.

— Так что там с трубами? — весело поинтересовалась я, пригубила бокал и сделала глоток. — Прости, но я невольно слышала почти все, она так громко разговаривала...

Настроение у меня было превосходное.

По настоянию Степана я снова называла его на «ты» — это было забавно. За окном падал настоящий рождественский снег хлопьями — значит, мороз пошел на убыль, — и сидеть в тепле и уюте с бокалом вина было так хорошо! Было даже *слишком* хорошо, киношному, и даже разъяренная Инесса вписывалась в сюжет — должны же влюбленные преодолевать препятствия на пути к неземному блаженству. Зачем ты обманываешь себя, Мэри, задала вопрос въедливая вторая половинка, — где ты видишь влюбленных?

— Инесса переехала, и в новом месте в подъезде прорвало трубы. — Степан мудро решил, что врать и сочинять что-либо на ходу незачем.

— Бедняжка!

Полозов кисло глянул, но промолчал.

— Да, кстати, а что же ты скажешь своей соратнице, ты подумал?

После долгого молчания он выдал:

— Я разберусь с ней.

— Как, Степа? — мягко спросила я.

Меня раздирали на части противоречия. Такое не грезилось мне даже в самых смелых снах: прекрасный принц в самом расцвете сил и лет делает мне предложение, от которого просто невозможно отказаться! Жаль, что не прискакал на белом коне, но в кожаном салоне BMW было вполне мило... Конечно, руку пока что Полозов не предложил, но это *пока*... Что я так хотела вспомнить, какая мысль убегает и не дает покоя?.. Нет, Сашка тоже не предлагал, у него все были шуточки-прибауточки. А здесь — все серьезно, Полозов богат, и даже очень, и дела у него идут в гору, он в последнее время к месту и не к месту об этом упоминает. *Такой* шанс дается только раз в жизни, *такие* мужчины на дороге не валяются.

— Нас связывают чисто деловые отношения, и у меня есть определенные обязательства... деловые обязательства перед Инессой, — через силу выговорил Полозов. — Но я их решу, обещаю.

— Когда?

— Постараюсь побыстрее. Но ты же знаешь, как говорил Остап Бендер, быстро только

кошки родятся, — ослепительно улыбнулся он.

Остап Бендер! Я рассмеялась — «Двенадцать стульев» была одна из моих любимых книжек — и вспомнила одноглазого.

— Слушай, а твой одноглазый друг в Новый год зачем приезжал?

— А что? — Степан так заметно напрягся, что я удивилась.

— Да так, ничего... Просто мне показалось...

— Что? — Полозов приподнялся на стуле, лицо стало похоже на маску.

Я даже растерялась. Он что, наемный убийца, этот пренеприятный тип с черной повязкой? Я поежилась. И что он так перепугался?

— Да нет, мне показалось, что у него очень... — я подыскивала нужное слово. — Свиное, что ли, лицо, недружелюбное какое-то, а в фирме праздник, и его могут испугаться...

Полозов странно на меня посмотрел и повел плечами.

— Забудь про него, дорогая. К сожалению, не всегда приходится иметь дело с приятными людьми, попадают и не очень... — он хмыкнул и потер руки, блеснул камень. — Я завтра уезжаю, и надолго, и мне бы хотелось, чтобы в мое отсутствие моя девочка думала обо мне...

ЧАСТНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Ясным весенним днем я шагала на работу. Настроение было хорошее, легкость в мыслях — необыкновенная. Может, в самом деле дожидаться предложения Полозова и выйти за него замуж? Ты об этом столько мечтала, Мэри, а теперь, когда настал решающий момент, как сказал бы Сашка, «начинаешь Ваньку валять»? Смех смехом, но кроме вполне понятного желания помучить-поистязать, вдоволь насладиться красотой ситуации и полученной властью над мужчиной была еще одна причина, заставлявшая меня оттягивать положительный ответ.

Проблема заключалась в следующем: я была совершенно не уверена в том, что, оказавшись в постели со Степаном, я стану счастливой.

Человек, которому я, открыв рот, внимала на Канарских островах и за которым пошла бы тогда на край света, не был близким и иногда даже пугал меня. Я не знала, могу ли я довериться этому человеку.

Я признавалась самой себе: я всегда идеализировала Полозова. Это был мой герой-любовник, мой первый мужчина, и в тоске я наделила его всеми положительными чертами, какие только может придумать молодая неопытная девица в 16 лет. Он бросил меня и немедленно был оправдан! Я просто придумала себе образ идеального мужчины и, подобно пушкинской Татьяне, хотела страдать и мучиться от неразделенной любви всю жизнь. Это казалось таким красивым и заманчивым! Все эти годы я грезилась о фантоме, о мифе, о нереальном выдуманном герое.

Но настоящий, реальный Степан был совершенно не таким, каким рисовало его мое больное воображение. Он был по-прежнему красив, импозантен, вежлив, его обаятельная улыбка и взгляд светлых глаз так же будоражили меня, но... Но что-то мешало принять решение, и я чувствовала, что это не просто женская прихоть и не дурацкий каприз.

Я боялась, что в постели с ним мне уже никогда не будет так хорошо, как было в далекой и чудесной стране. А будет — хуже, и у меня не останется ничего, даже воспоминаний!

И я вновь и вновь представляла себе взгляд Степана, тяжелый и холодный, от которого бежали по спине мурашки и становилось не по себе. Это был взгляд удава, наслаждавшегося видом своей очередной жертвы...

Я вышла из метро на улицу и не спеша направилась к работе. Сегодня должен был вернуться Полозов, может быть, скоро все разрешится... В подернутых легким морозцем лужах отражалось слабенькое апрельское солнце. «На Канарских островах утопает все в цветах, а Канары утопают в океане...» — пел музыкальный ларек. Как смешно! Вернуться бы сейчас туда, к теплу, к солнцу, к себе прежней... Там было все так просто и понятно!

На входе дежурил Муханов. Увидел меня, заулыбался, но лицо было озабоченное.

— Мэри, слушай, такое дело, опять Фомич приезжал, еле живой.

— Какой Фомич? — удивилась я.

— Вот память девичья, Петр Фомич, сосед мой бывший, ну я тебе рассказывал тогда... с бодуна был, ну помнишь?

Я напряглась.

— Сосед с животной фамилией? Старенький?..

— Ну да, Кошкин!

...Петька тогда так же стоял навтыжку, как солдат на плацу, но вид у него был слегка зеленоватый. По-моему, год только начинался, мороз шпарил... Точно, это было на следующий день после Рождества!

— Привет! С праздничком тебя! Чего такой безрадостный?

— И тебя тоже, Мэри, — понуро отвечал Петька. — Да у нас неполадки дома, у всех Рождество как Рождество, а у нас — дурдом на колесах...

— А что случилось, Петь?

— Да представляешь, трубу в подъезде прорвало, с самого утра, водопроводчиков ждали, а они, ну ты понимаешь, уже с утра праздновать начали... Беда, в общем, ну мы своими силами начали, потом аварийка...

— Трубу? — я насторожилась.

— Да, говорю же, прорвало, — с досадой повторил Петька. — А потом, уже до кучи, сосед бывший приперся, жалко его, конечно, бедолагу, взрослый мужик — плачет...

— Почему плачет?

— А не понял я, — махнул рукой Петька. — Вроде говорил, что поменялся, у него недавно жена умерла, Катерина Андреевна, так зачем ему в двухкомнатной одному... Сокрушался, что паспорт не отдали...

Муханов с трудом подбирал слова. Похоже, славный праздник Рождество он все-таки успел достойно отметить, даже на обычные шутки и анекдоты сил не осталось. Словно прочитав мои мысли, Петька признался:

— Ну и мы потом, сама понимаешь, отметили... В общем, справили с грехом пополам, и Кошкина позвали — у меня Светка знаешь какая жалостливая, говорит, не прогонять же его, бедолагу!

— Петь, может тебе чаю горячего глотнуть? Пойдем, налью?

— Да куда ж я пойду, а кто вместо меня встанет — Пушкин, что ли?

Хорошо бы! Я представила себе Александра Сергеевича, взирающего на нынешние страсти — да его бы кондрашкахватила! Хотя, если подумать, чувства и отношения людей с той поры ненамного изменились... Я рассмеялась, потрепала несчастного Муханова по плечу и поскакала наверх — работать.

...Петька тряс меня за плечо.

— Так ты представляешь, какая штука, — с жаром рассказывал Муханов. — Вовсе он и не поменялся, надули его, как простачка! Ему что обещали: квартиру за городом, — он и поверил, святая простота! Поили, обхаживали, подписал он все, отвезли в Сланцы — 140 км от города и оставили там в сарае без окон и дверей! Надеялись, верно, что там и помрет, да силен оказался сосед мой, вернулся.

— Ужас!

— Нет, Мэри, это еще не ужас. — Петька наклонился ко мне ближе. — Ужас в том, что, похоже, шарашка наша к этому делу причастна.

Меня как холодной водой окатили. Я застыла, словно соляной столб. Какое-то нехорошее, ох, совсем нехорошее предчувствие заползало, ломилось, толкалось. Муханов молчал, эффектно, как положено, выдерживая театральную паузу.

— Ну, Петька! — почти закричала я.

— Я вчера только пива собрался выпить, — важно начал Петька, — вдруг — звонок из офиса, выезжай, мол. Водила главного заболел, а его срочно везти куда-то надо. Ну, попереживал, конечно, не без этого, Светка тоже под руку попала — ну, не суть...

— Петя!..

— Да... Ну и поехал, а что делать — я человек маленький, — заметив мой отчаянный взгляд, Муханов заторопился: — Возил я их, возил, в один кабак, потом в другой...

— Кого, Петь?

— Как кого? — искренне удивился Муханов. — Полозова, его проститутку и этого... с повязкой...

— Одноглазого? — ахнула я.

— Ну да, его, жуткий хмырь. Переругались все — вдрызг... — Петька заржал, как конь. — Мэри, анекдот вспомнил: врач диктует: «У пациента черепная травма». «Может, черепно-мозговая?» — спрашивает дотошный практикант. «Да нет у него мозгов, — с досадой отвечает врач, — раз на день рождения жены с любовницей пришел...» Н-да-а... Короче, напились они все да и портфельчик свой в машине и забыли. Я его сегодня утром, конечно, наверх отнес, но... — Петька сделал круглые глаза.

Мне захотелось убить Петьку, но он мог еще пригодиться.

— В общем, мне, конечно, очень стыдно, но такие они разговоры вели... нехорошие, в общем, посмотрел я, что в том портфельчике было.

— ???

— Там бумага была, какая-то купля-продажа, и фамилия — Кошкин, а еще — паспорт Фомича там был! А он, я как раз вспомнил, мне про какого-то одноглазого все втирал, мол, мужик с повязкой его и спаивал. Мэри, ты чего?

Ноги стали вмиг ватными, стало трудно дышать. Я вдруг вспомнила, как страшно побледнел Полозов тогда, в Рождество, в ресторане, при упоминании одноглазого. Постойте-постойте, но ведь он должен был приехать только сегодня! Ревность скользкой змеей обвилась вокруг меня и сдавила горло так, что стало трудно дышать. А я-то, дура, думала, как там без меня Степа, скучает, бедненький-несчастненький, наверное! Неужели...

— Все в порядке?

— Да, Петь, не волнуйся, — я полной грудью вдохнула морозный воздух, стало полегче. — А проститутка — это ты кого имел в виду?

— Ну кого-кого, не знаю я, как зовут, такая краля, как с журнала модного сошла только что, постоянно здесь ошивается.

Инесса!

— Короче, понимаешь, мужику идти некуда вообще! В нашем ЖЭКе руками развели: мол, извините, ничего поделывать не можем, всего хорошего!

Картинка выстраивалась фантастическая: Кошкин — рождество — трубы — Инесса...

— А где он сейчас... живет?

— Я так и не понял. — Муханов смущенно кашлянул. — Он телефончик-то оставил, вроде у друзей каких... Мир, знаешь, не без добрых людей.

Происходящее дальше проходило как в тумане: разъезжающаяся дверь, лестница, звонок по телефону, долгое томительное ожидание... Зазвонил местный.

— Мария Николаевна, мне бы поговорить... — мялся в трубке «загородный строитель» Павел Кузьмич.

Какой настырный! Все в офисе давно знали, что Степан имеет на меня виды и Мэри

Блинчикова — объект неприкасаемый.

— Ничего особенного, легкий обед, скрасящий одиночество холостяка, — бормотал, шмыгая носом, не соблюдающий субординацию главный менеджер.

Хоть бы высморкался разок, что ли!

— Павел Кузьмич, я бы с удовольствием, — решительно прервала я излишние «холостяка». — Мне надо срочно уехать, дело личное и не терпящее отлагательства! — и бросила трубку.

Я бросила листочек с адресом в сумку, прилепила к компьютеру липучку «Буду завтра» и выскочила в коридор.

МАСКИ СБРОШЕНЫ

На следующее утро, войдя в основательно проветрившийся за ночь кабинет и скинув плащ, я первым делом взялась за ледяную телефонную трубку и набрала номер. Мне оставалось решить маленький, но довольно-таки большой вопрос. Спит, наверно. Ждать пришлось долго.

— Петь! Это я.

— Мэри, я ж с суток, побойся бога! — заканючил Муханов спросонья.

— Петя, мне от тебя нужно одно: вспомни, в том портфеле еще что-нибудь было?

— Портфеле?

Голос у Муханова был такой, словно вчера второй раз случилось Рождество.

— Пе-тя! Быстро вспоминай, что еще было в том портфеле. Я жду.

Неожиданно я пожалела, что не курю: вот сейчас — самый что ни есть момент затянуться, было бы красиво. И еще я бы с удовольствием выпила чего-нибудь. Например, рассольчику. Голова просто раскалывалась, было холодно, и форточку закрывать не хотелось — заболит еще больше. И туфли бы передела — на улица мокрота, ужас. Я пошевелила пальцами ног, разгоняя кровь. В трубке сопел Муханов.

— Мэри, ну ты даешь стране угля, там... там было... там был еще паспорт! — Петькин радостный вопль чуть не оглушил меня. — Еще был один!

— Петечка, а фамилию, фамилию ты запомнил?

— Мэри, а вот с фамилиями...

— Не запомнил, Петь?

Сопение усилилось, и Петька несчастным голосом сказал:

— Нет, слушай, я как Фомича на фотке увидел, у меня все аж завертелось... Завертелось, — повторил Петька уже другим, более уверенным голосом, — а потом я посмотрел, что там еще, и...

Вчера, когда я к концу дня наконец нашла действительно добрых людей, которые приютили несчастного, еле живого старика, и увидела Петра Фомича, у меня тоже «все завертелось».

К сантиментам я не склонна, но по дороге домой, в метро, я еле сдерживалась, чтобы не завывать, не зарыдать в голос, в ларьке купила бутылку водки и почти всю ее одна и выпила.

Я молча ждала, представляя, как сильно напрягаются мухановские мозговые лабиринты, извлекая из памяти события вчерашнего вечера. Наверно, после смены он тоже принял дозу...

— Ничипоренко, — выдал на-гора Муханов.

— Петь, а Ничипоренко — это точно или как?

— Это — точно! — гордо сказал Петька. — Потому что это девичья фамилия моей жены!

Я перепугалась.

— Петька, а на фото была не она... Не твоя жена, Петь?

— Мэри, ну ты меня что, совсем за идиота держишь? — возмутился Петька. — Там была уже пожилая тетка...

— Ты адрес случайно не посмотрел?

— Посмотрел, Мэри, я, конечно, не такой умный, как ты, но адрес машинально

посмотрел! — шумел Петька. — Адрес — Московский, а дом... — Муханов вздохнул. — Дом — сто семьдесят семь.

— Квартира?

— Двадцать.

— И ты так сразу и запомнил? — ехидно спросила я.

— Да, так сразу! Представь себе, — передразнил в ответ Петька. — Смотри: стс семьдесят семь — это номер войсковой части, где я служил, а двадцать — Светке же двадцать лет!

Ах, ну да, Светка. Светка — просто молодец, что ей двадцать лет, подумала я.

Дверь запахнулась, и в комнату вошел Полозов — сияющее лицо, сверкающие ботинки. Ни слова не говоря, он положил передо мной маленькую бархатную черную коробочку.

— Мэри?

Он уселся прямо на столе, закинув ногу на ногу, и победно смотрел на меня. Красив был до умопомрачения — загорелый, подтянутый, моложавый. Неужели больше ничего никогда не будет: ни океана, ни солнца, ни ужина при свечах? Как же пережить все это... А в коробочке — обручальное кольцо?

— Петь, спасибо, ты замечательный, — ответила я в трубку. — Я позвоню позже и все расскажу. Целую, — и дала отбой.

Бледно-голубые глаза сузились до щелочек. Во взгляде читался немой вопрос.

— Я бы очень хотела с тобой поговорить, — сказала я тихо и внятно.

Видимо, что-то в моем тоне насторожило Степана. Мы не виделись несколько месяцев. Он скорее всего рассчитывал, что я с радостным повизгиванием брошусь ему на шею, и заметно задергался. Но вида не подал.

— Я жду у себя через десять минут, — и хлопнул дверью.

Из зеркала в туалете на меня сумасшедше глянула бледная физиономия. Нет, так дело не пойдет.

Я поплескала в лицо ледяной водой и аккуратно промокнула салфеткой. Пудра, карандаш для губ, помада... Пожалуй, в такой знаменательный день можно отступить от строгих канонов и глаза тоже приукрасить, и я быстро прошлась по ресницам тушью. Ноги в туфлях, наверно, от волнения, высохли. Немного «Аллюра» на запястья — знакомый аромат взбодрил и буквально окрылил меня, и, бросив последний взгляд в зеркало — отражение уже радовало — и закинув сумку через плечо, я решительно направилась к кабинету исполнительного директора холдинга «Айс-Парадайс».

Сомнений не оставалось: пришло, как теперь говорят, время «X», и пора объясниться начистоту. Я чувствовала это позвоночником с самого утра. Нервничаю я редко и в руках держать себя умею, но если меня довести — сторонись!

Я вошла в кабинет исполнительного директора, небрежно бросила сумку в угол и приготовилась.

Степан утопал в мягкой черной коже и курил сигару. Ну да, так и полагается, чтобы большой начальник курил сигару, а подчиненная — желательно красивая кукла — раболепно глядела в рот и выполняла указания! Хочет поставить на место, злорадно подумала я, мы сейчас посмотрим, чья возьмет! Шикарный мужчина, спасибо хоть ноги на стол не положил, и все вокруг него тоже было шикарно: стильная мебель, темного бархата портьеры, мохнатый ковер под ногами и даже пепельница слоновой кости в виде пастуха и

пастушки... Я бывала здесь и раньше, но роскошь антуража больше не поражала и не давила на меня — теперь я знала, *что* за всем этим стоит. Смелее, Мэри!

Отчего-то эта пепельница — чей-то подарок, стоивший, по веселому рассказу Степана, целого состояния, — окончательно добила меня. Я вытащила из кармана черную бархатную коробочку — жалко, ох, как жалко! — и твердо поставила на край дубового стола. Ноздри у Полозова раздулись от бешенства, но он молчал.

— Я требую, чтобы ты немедленно мне все рассказал!

— Что *все*, Мэри? — он болезненно поморщился.

— Все! Зачем ты присылал мне букеты?

Вопрос застал Полозова врасплох.

— Какие букеты, Мэри?

— Он даже не помнит, какие букеты! Сломал мне жизнь и даже не подозревает об этом! — от злости я почему-то стала называть Степана в третьем лице.

— Я сломал тебе жизнь? Да я вчера развелся! — рывкнул, вскакивая, Полозов.

Я замерла на месте как вкопанная. Похоже, он не шутил и действительно развелся. Ну и где радостный рев оркестра, гром фанфар и грохот всеобщих аплодисментов?

И мне стало страшно. Потому что я ничего не чувствовала. Ну где же ты, розовенький Купидон с золоченым колчаном, ау! Отзовись! Вид у Степана был жалкий, несмотря на новый костюм и весь внешний лоск. Я видела его изнутри и содрогалась. Какая-то вроде ясная, но совершенно неизвлекаемая мысль болталась внутри меня и никак не хотела выходить наружу. Я смотрела на Степана и молчала. Мне казалось, что моя любовь к этому человеку будет вечной. Неужели правы древние, и все проходит, даже любовь? Захотелось плакать. Но стервы не могут плакать. А зачем я, собственно, притворяюсь? Чтобы с честью доиграть роль и закончить спектакль победительницей?

В дверь тихонько постучали.

— Я же приказал — не беспокоить! — голосом громовержца заорал Полозов.

Но кто-то упрямый все же просунулся в дверь. Инесса, кто еще! И как всегда, словно с подиума сошла: кремовые брючки и замшевый по изящной фигуре пиджачок. Не ест, наверно, ничего.

— Степушка, — жеманно пропела Инесса бархатным голоском, — босс из Москвы вылетел час назад, соответственно, с минуты на минуту...

— Вон! — прогремел Полозов и шарахнул по столу кулаком.

«Бывшая» обиженно фыркнула и смылась.

Инесса — Кошкин! Как же я могла про это забыть, это же — самое главное! К черту наши отношения, любовь-морковь, потом разберемся... Хотя в голове моей уже зрел некий план. Сейчас или никогда!

— Степа, я все знаю, — мягко сказала я. — Мне Инесса рассказала, и я видела тот договор.

Решив, что терять мне нечего, я пошла ва-банк. На Полозова было страшно смотреть.

— К-какой договор? — пальцы судорожно закрутили фиолетовый перстень.

Руки у него дрожали.

Как я сейчас его ненавидела! Где тот самоуверенный и неотразимый мужчина, которого я любила? Лицо белое, губы трясутся, тьфу! Да он весь — как его перстень: окраску меняет, хамелеон проклятый!

— Тот самый, подписанный у нотариуса договор о продаже квартиры гражданином

Кошкиным гражданке Тополевой А. Я., которая, как известно, является не кем иным, как...

— Инка должна была сама в ГБР его заверить! — выкрикнул Полозов.

— Совершенно верно, Степочка, но она не стала этого делать и отдала его мне, — помирать, так с музыкой! — Знаешь почему? Потому что ты разбил ее нежное сердце!

— Да ей кроме бабок ни хрена не было нужно! — он клюнул!

— Много ты понимаешь в женщинах!

— Уж побольше твоего понимаю! Тебе вот букета цветов не хватило, сама примчалась за остальным!

Да как он смеет такое говорить! Полозов и сам уже понял, что сморозил глупость. Он поспешно вытаскивался из кресла.

— Да ты подлец, подлец и ничтожество, ты что думаешь, мне твои деньги были нужны? — завопила я.

Предательские слезы брызнули из глаз. Прощай, Мэри-стерва, ты была молодцом и продержалась довольно долго, но сил играть больше не было.

Полозов стоял передо мной и ошарашенно вглядывался в меня.

— Ты плачешь? — Он попытался промокнуть мне щеки своим щегольским, в тон галстуку, шелковым платком, но я увернулась.

— Не трогай! Ты зачем мне цветы посылал?

— Мэри, я... Я тогда чувствовал себя таким подлецом, а ты была такая... такая... — он не мог подыскать нужное слово.

— Жалкая, да?

— Да... Прости меня, пожалуйста, тогда столько всего навалилось и было совершенно не до тебя, но я помнил, что виноват перед тобой, и хотел хоть как-то смягчить...

Боже мой! И этот человек имеет наглость заявлять, что разбирается в женщинах! Червь дождевой, вот он кто! Тарантул! Шершень! Мысль, которая в последнее время не давала мне покоя, подобралась совсем близко, была где-то уже совсем рядышком... Оттого, что ее не удавалось схватить, я разозлилась еще больше. Что он там говорит?

— ...решил, что ты стала совершенно другая, Мэри? Я чего только не делаю, а ты все смеешься и издеваешься! Я, Мэри, вчера развелся, и это ради твоих прекрасных глаз, а тебе безразлично!

Степан сейчас был похож на маленького мальчика, который слушает сказку и не верит, что конец у нее будет плохой. Малыш думает, что его только немножко пугают, для порядка, а закончится история, как и обычно, — хорошо.

А ведь несравненный Степан Борисович не может даже ни на секундочку себе представить, что найдется такая, какая не захочет, откажет, посмеется! Я для него — просто игрушка, ляля, забава на ножках. Поиграться и выкинуть — вот и все, и мы это уже проходили, знаем. Нет уж, баста, карапузики!

— Нотариус у тебя куплен, и я даже знаю как, и в ЖЭКе тоже все схвачено, да, Степочка? Что вы давали Петру Фомичу? Надеялись, что стариковское сердце не выдержит, да? А Ничипоренко, где она теперь?

Бледно-голубой цвет Полозовских глаз медленно превращался в стальной. Крылья носа побелели и трепетали. Вот вам, девушка, и успешный и состоявшийся бизнесмен. Ну все, приехали. Сейчас Степан Борисович, моя первая девичья любовь, начнет меня убивать. А я буду стоять, как Сталинград, до последнего...

Бочком-бочком я стала отодвигаться в сторону, соображая, какую трубку на столе лучше

всего будет схватить, чтобы подать сигнал SOS. Но я же права! Неожиданно в памяти всплыл слезящийся, выворачивающий душу взгляд старика Кошкина и уже совсем некстати — как кондитер Добряков на давней новогодней вечеринке утирал слезы рукавом. Это ведь было только год назад! Неужели всего за год Мэри Блинчикова так изменилась? И что я вообще здесь делаю, с этим безумным мужиком, который сейчас бросится на меня? Ах да, это же мой Онегин, он не просто коварный искуситель, а отъявленный мерзавец! А в руке у него по законам жанра должна быть массивная пепельница или пресс-папье, вот сейчас пастух с пастушкой и пойдут в ход. Попалась бедная телочка в силки, которые сама себе и расставила, как ворона в суп... Никто не пек таких вкусных десертов, как старенький Добряков. Кафе?!

— Это ты отнял бизнес у моего папы, признавайся, гад! — и я ринулась на противника всей грудью.

— Ты охренела, да? — он явно не ожидал такого напора с моей стороны и даже как-то стал ниже ростом, как подраненный боевой конь.

И очень хорошо, когда неприятель уверен, что знает всю подноготную противника, — тем сильнее будет его удивление от поражения!

Я больше не боялась Полозова, я жаждала во всем разобраться. Медленно и четко я выговорила:

— Когда у папы отнимали кафе и избивали до полусмерти, позвонила какая-то сволочь, — Мэри, слышала бы тебя сейчас твоя учительница литературы, интеллигентная старушка! — И стала угрожать, а в это время ей, то есть ему, этому козлу, позвонил на мобильный некий Степан Борисович — случайно не ты, нет? — и сильнее наскочила грудью.

— Что за кафе? — Степан понемногу приходил в себя.

— Кафе «У Блинчикова», это было наше с папой дело!

— Мэри, это не я, — Полозов обессилел и упал в кресло.

Он весь как-то сдулся, съезжился, уменьшился и стал похож на стареющего, все еще моложавого, но стареющего мужчину. Посмотри на своего героя, Мэри! И это ничтожество ты любила?

— Не ты?

— Мэри, ну подумай: сколько Степанов Борисовичей живет в нашем пятимиллионном городе, — как-то устало сказал Полозов. На меня он не смотрел.

У меня чуть отлегло от сердца. Наверно, это действительно был не он. На него было жалко смотреть — как будто сейчас заплачет.

— Хорошо. А что с Петром Фомичом и... Ничипоренко?

В отдалении послышались какие-то звуки. По-моему, что-то упало и хлопнула дверь. Или сначала дверь, а потом упало... Полозов открыл рот и хотел было что-то в очередной раз выкрикнуть, и тут дверь распахнулась. В комнату стремительно вошел Беседовский.

— Борисыч, я же тебя просил — эту конфетку для меня оставить! — проревел он с порога.

Я так и осталась стоять с открытым ртом. Да, кажется, утро переставало быть томным.

— А...

— Борисыч, не ожидал, не ожидал...

А уж я-то как не ожидала! Кровь из носу было необходимо договорить со Степаном, а этот толстый боров сейчас все испортит! А может, наоборот? Мысли в голове вертелись,

сплетались в клубки, копошились и лезли друг на друга, как в многоэтажном густонаселенном муравейнике.

Беседовский искренне забавлялся ситуацией. Степан подергал бледными веками, хотел что-то сказать и закрыл глаза рукой. Подбородок у него дрожал. Устал, бедненький. Ну что ж, раз открылись эдакие непредвиденные обстоятельства, меняем план по ходу и — выносимся на финишную прямую. Я прогнулась в пояснице, сделала большие глаза и улыбнулась самой кокетливой улыбкой, на какую была способна:

— А, простите за глупый вопрос, конфетка — это кто?

Большой Босс среагировал молниеносно: напрыгнул и обхватил меня обеими руками за талию. Руки были здоровущие, как и весь он. От Босса пахло деньгами и едой. На оранжевом галстуке сидело привычное пятно. Почему-то это пятно жутко развеселило меня, придало уверенности. Степан не шевелился в своем кресле. Мысли в голове уже не путались, а потихоньку пытались выстроиться в подобие ряда...

— Конфетка — это ты, милейшая! Твой суслик прикатил к тебе на крыльях любви!

Беседовский захохотал так, что мне показалось — обрушатся стены. Мне даже почудилось, что оставшиеся невостребованными пастух с приятельницей подпрыгнули пару раз — от испуга.

— А как ты смотришь на возможность прокатиться со мной через пару деньков в Москву?

Вот это поворот в плане, вот это зигзаг! Стройный ряд опять разбежался, рассыпался на мгновение. Большой Босс, как видно, привык брать от жизни все и сразу. Мы с ним едва знакомы, а он зовет! И не в ресторан за углом, а в другой город! Не исключено, что у него имеется зуб на Степана. А что я теряю, спросила я себя. Человека, который сидел в кресле и тарачил на меня казавшиеся когда-то обворожительными и лучшими во всей Вселенной глаза? Ну и у меня к нему тоже вопросы накопились... Посетившая меня идея была настолько гениальна и потрясающа, что я зажмурилась.

— Вы, Дмитрий Александрович, еще, видимо, хотели сказать, — я была само очарование и непосредственность. — Что я привлекательна, а вы — чертовски привлекательны, так чего ж зря время терять?

Похоже, мое выступление произвело впечатление на всех, не исключая и меня саму. У Беседовского на мгновение отвисла челюсть; про Степана и говорить нечего, на него было просто жалко смотреть — я и перестала.

Большой Босс уже успел прийти в себя и, как в мультяшке, взявшись руками за живот, трясся мелкой дрожью. На меня он пялился с восхищением и хотел, по всей видимости, что-то произнести, но мешал буйный смеховой припадок.

— В общем, положительно смотрю! — выпалила я быстро, чтобы не передумать. И, бросив в сторону вскочившего Степана: — А слабонервных просьба удалиться! — схватила с пола сумку и сама пулей бросилась вон.

МАША ПЛЮС САША

В тот день я проснулась очень рано и с ощущением того, что произойдет что-то необычное. Погода была прекрасная — небо без облачка, светило солнце, а деревья не по сезону стоят все в клейких зеленых листочках. А еще вчера хлестал дерзкий весенний дождь, было гадко и сыро. Вот бы и с людьми так случилось: наступает новый день, и все тревоги и вопросы остаются в прошлом, вчерашнем дне, уходя и разрешаясь сами собой.

Был выходной, и я собиралась навестить папу с мамой. Перед отъездом надо провести родственничков. В Грибном, наверное, так чудесно весной! Итак, в деревню, за кислородом!

Я вскочила с постели, не торопясь умылась-причесалась и отправилась на кухню. Еды никакой не было, вчера забыла зайти в магазин. Еще бы я не забыла...

Домой, уже под ночь, меня привезла машина Беседовского. Помаленьку начиная привыкать к экстравагантным выходкам Большого Босса, я все же устала от его громогласного непрерывного смеха и многочасового сидения в каком-то немыслимо дорогом и помпезном месте, где цены значились в валюте и вполне подходили под определение «запредельные». Говорил в основном он — по трубке с деловыми партнерами, женой и даже, как мне показалось, любовницами, нисколько не смущаясь моим присутствием. Напоследок поцеловав щечку — на большее я категорически была не согласна, как он ни напирал, — Беседовский назначил дату поездки в Москву — через два дня — и отчалил, трубно протрубив клаксоном на весь двор. Ошалелая от дневных событий, я едва успела раздеться и уснула, как только голова коснулась подушки.

...В холодильнике было пусто. Мамуля бы ахнула, узнав, чем питается доченька — святым духом. Я готовила бы с удовольствием, но не для себя же одной. Обедом кормить некого, что ни говори, есть в холостяцкой жизни свои преимущества. Как там говорила героиня из фильма «Девчата»? «Хочу — халву ем, хочу — пряники!»

Я вспомнила Аришку и ее жалобы по поводу домашнего хозяйства. Лешка ее, конечно, неприхотливый в еде человек, но девчонкам готовить обязательно надо, и чтобы свежее!

— Мэри, ты не представляешь себе, как я замучилась! — ныла обычно Аришка в трубку. — Это кажется, что быстро — салатик, супчик, котлетка... А притащить все с рынка, да разложить, да помыть, да порезать, да сварить... Только сядешь — а сзади уже гора грязной посуды дожидается; и опять становись к станку!

— Да ладно тебе, дорогая, ты же мечтала выйти замуж и стать домохозяйкой!

— Мечтала, верно, — соглашалась Аришка. — Только жду не дожусь, когда мы опять куда-нибудь махнем, подальше от сковородок и кастрюль...

Время было раннее, я накинула плащик и выбежала в соседний магазин. Хотелось чего-нибудь легкого, и я купила кусочек сыра и маленькую слойку. С кофе будет самое то... На выходе из магазина меня кто-то неожиданно схватил за руку. Ойкнув от испуга, я повернулась.

Бомжеватого вида субъект в грязной тельняшке цепко держал мое предплечье и улыбался во весь свой рот с гнилыми желтыми зубами. Меня передернуло.

— Красавица, вам случайно муж-алкоголик не нужен? — вполне серьезно спросил бомж.

— Спасибо большое, я подумаю, — вежливо ответила я.

Надо же, предчувствие меня не обмануло: день-то как удачно начался, с предложения

руки и сердца!

— Давай думай, только быстрее, желающих знаешь сколько? — прищурился бомж. Глаза у него были веселые, и он, похоже, был трезвый, спиртным не пахло. — Я — Геннадий.

Мне ничего не оставалось, как в свою очередь представиться:

— Очень приятно. Маша.

Сказала и сама себе удивилась: почему Маша? Неподалеку раздался непристойный хохот:

— Хороша Маша, да не наша!..

Подельники матроса-Геннадия забавлялись и отпускали всякие скабрёзные шуточки. Он разжал руку.

— Берегите себя, Мария.

— И вы тоже!

Надо же, думала я, возвращаясь домой, когда-то Гена, наверное, был нормальным симпатичным парнем. У него была работа, и жена, и дети, и любимая теща. Может, он и вправду служил на флоте. Что же случилось потом? Что довело его до подзаборной жизни? Мысли сами перескочили к наболевшему.

Накануне опять звонил Раевский, опять говорил все те же слова. Мне показалось, что он пьян.

— Мэри, как ты? — унылым голосом спрашивал Раевский.

— Мишенька, у меня все хорошо. А ты как?

— Да что про меня, вчера опять не повезло, — объяснял в трубку Раевский. — Но мне обещали в долг, и завтра я отыгра...

— Послушай, — решительным тоном начинала я. — Мне тут Маринка нашла специалиста, тебе к врачу надо.

— Мэри, что ты говоришь? Я людей в белых халатах на дух не переношу. Как вижу белый халат, сразу спазмы в животе начинаются...

— Миша, ну какие спазмы, ты же совсем молодой, давай я с тобой вместе пойду...

— Мэри, со мной будет все в порядке, — бодрился Раевский. — Звони...

Что угнетало меня больше всего — Раевский не жаловался, не обвинял, не грубил. Ему просто было приятно слышать мой голос, а я-то, я жизнь ему погубила! Сколько раз приходила мне в голову мысль, не потащи я тогда Мишу в это проклятое казино, ничего бы не случилось! Может, он справился бы со своей пагубной страстью, мы бы поженились, и семейная жизнь отвлекла бы его от игры. И я не оказалась бы в растреклятом месте под названием «Айс-Парадайс» и не думала бы сейчас о Степане...

Правильно ли я сделала и выйдет ли все то, что я задумала? Сомнения раздирали душу — а вдруг я совершила ошибку и всю оставшуюся жизнь буду проклинать и корить себя?..

Но снова и снова вспоминала я ледяные удавы глаза и понимала: с этим человеком у меня нет и не может быть будущего. Но во имя нашего прошлого я помогу ему — в первый и последний раз...

Электричка, по известному закону подлости, ушла из-под носа — прибыв на платформу, я разглядела лишь ее зеленый хвост. Следующая по расписанию приходила через час — летнее расписание еще не включили, — и я решила пойти «голосовать».

Машин было немного. Солнце слепило прямо в глаза, а темные очки я забыла дома. Возле меня с визгом затормозила иномарка. Окно медленно опустилось.

— О! Какой роскошный дэвушка!

Какой урожайный на комплименты сегодня день! Защищаясь от солнца, я прикрыла глаза рукой и не сразу смогла разглядеть две жуткие рожи; одетые в черное, они скалились внутри салона. Невольно вспомнился Варик со своей свитой, лексикон у кавказцев один на всех, стандартный. Я поежилась.

— Спасибо большое, я жду машину, — залепетала я, включив «дурочку». — До свидания, всего хорошего! — ссориться с ними не надо, белый день, а все равно страшно.

— Можэт, передумаешь, а? Давай, поехали, а, покатаемся?..

— Большое спасибо, — твердила я.

Это была плохая мысль — выйти на обочину и ловить машину. Иномарка явно не собиралась уезжать. Вот сейчас вылезет зверь кавказский и затащит меня в свое логово! Убегать — некуда, за спиной лес. Одета я, конечно, по-спортивному, и на ногах проверенные старенькие кроссовки, но бегунья из меня еще та. На мое счастье, где-то далеко послышался вой сирены, постепенно приближающийся к нам. ГАИ!

— Пака, красавица, как знаэш! — и иномарка укатила.

Видимо, кавказцы не захотели лишний раз привлекать внимание правоохранительных органов. Я перевела дух. Пронесло! Пожалуй, надо заканчивать экзерсисы и пилить обратно, на электричку. Вдруг блестящий, словно только что из салона, цвета слоновой кости «Мерседес» замигал правым огнем, переместился на обочину, дал задний ход и стал медленно пятиться ко мне. Все-таки придется убегать, подумала я, крепче сжала сумку и подобралась.

Водитель остановил машину, открыл дверцу и — передо мной стоял Сашка Таланов собственной персоной.

От волнения дыхание перехватило и внутри что-то куда-то ухнуло. Не помню, я красила ресницы сегодня или нет? Наверно, нет, ведь к родителям еду. Какой ужас! А ведь дождалась-таки машины, не соврала людям в черном! Он медленно снял темные очки и смотрел на меня не отрываясь. И как будто не удивлялся тому, что увидел меня здесь, голосующей на дороге. Будто встреча эта была запланирована и не было нескольких лет разлуки, а расстались мы буквально вчера.

— Ну здравствуй, — сказал Сашка.

Голос был до боли привычным, родным, но еще каким-то повзрослевшим, заматеревшим, что ли. И весь Сашка тоже казался — знакомым, узнаваемым, но одновременно жутко изменившимся — или это просто новая куртка? Да у него короткая стрижка, осенило меня, Таланов состриг свои черные кудри! Сколько же мы не виделись? Года полтора? Больше?

— Машка, ну скажи хоть что-нибудь, — словно прочитав мои мысли, сказал Сашка. — Я безумно рад тебя видеть. А ты?

Держался он естественно, легко и просто. Куда-то ушла его прежняя суета, движения обрели цельность и значимость. Полуспортивный стиль — джинсы и мягкий пуловер — необычайно шли ему.

— Я? Я тоже рада.

— Куда ты едешь, если не секрет? — деликатно спросил Сашка.

— Не секрет, — засмеялась я. Волнение потихоньку отпускало. — К родителям, в деревню. Вот, голосую, но все какие-то придурки останавливаются. Ой!..

Сашка громко искренне расхохотался:

— Придурки вроде меня? Здорово, ты в своем репертуаре!

— Саша, я не хотела...

— Я понял, Маш! Женская непосредственность очень тебе к лицу. Как, впрочем, и все остальное, — многозначительно добавил он, внимательно меня разглядывая.

От этой «Машки» встал ком в горле. Я постепенно заливалась краской. Дурацкое свойство — краснеть в самых неподходящих ситуациях. Хотя он сказал, что непосредственность мне к лицу... Вспомнилась бабуля, которая всегда учила меня: «Машенька, завсегда будь собой, как сердце велит, так и поступай... И своих чуйств (бабушка, деревенская душа, так и говорила: “чуйств”) не стесняйся ни бога ради».

И еще бабуля всегда говорила, что плохие люди — не краснеют. Остается порадоваться хоть этому, играла-играла в стерву, а осталась хорошим человеком!

При мысли о бабушке мне сразу стало легче, я просто улыбнулась Сашке. Сейчас мы попрощаемся, он заберется обратно в свою элегантную махину и помчится в дальние дали, а я спокойно поплетусь на платформу и буду ждать электричку...

— Машка, я могу предложить отвезти тебя? — мягко спросил Сашка и машинально провел рукой по лбу, там, где всегда болталась непослушная прядь.

— А что, ты не занят?

— У меня есть дела, конечно, но для тебя...

В общем, до пятницы, — он наклонил голову набок, как всегда перед тем, когда хотел отпустить какую-нибудь хохму, — я совершенно свободен. Это очень далеко?

— Едем!

Откуда у Сашки такой автомобиль? Может, одолжил у знакомых? Вряд ли, такими машинами не разбрасываются. Даже господин Беседовский присвистнул бы от удивления. К тому же Сашка смотрелся очень органично в светлом кожаном салоне. Машину он вел спокойно и уверенно.

Свободной рукой Сашка потыркал какие-то кнопочки на почти самолетной панели, и блаженные звуки Вивальди наполнили салон. Насколько мне помнится, Таланов всегда был равнодушен к музыке.

— Ты любишь классику? — удивленно спросила я.

Сашка усмехнулся и быстро взглянул на меня поверх очков.

— Да не то чтобы люблю... Так, на всякий случай, — неопределенно ответил он.

Сашка уже не походил на того нескладного угловатого парня, каким я его помнила. Казалось, он открыл в себе некую правильную линию, гармонию, делавшую его движения — уверенными и точными, а слова — значимыми и важными. Но веселый, с хитринкой взгляд в ореоле пушистых ресниц остался прежним... Заметив, что я шурюсь, Таланов стянул с носа очки.

— А ты?

— Нормально, — махнул он рукой. — Машка, а помнишь гриль-бар возле университета, где мы курицу ели? Ты еще боялась, что у меня зубы сломаются?

Я кивнула.

— Тут такое дело, я помещение выкупил, сейчас там ремонт. Все голову ломаю над названием — может, подскажешь?

— Я подумаю.

Ничего себе, дела. Меня потрясло не то, что Сашка заделался таким крутым, что смог купить бар, а то, как он об этом рассказывал — как о чем-то обыденном и не стоящим

особого внимания. Таким бы тоном я, например, объяснила, что в булочной не было хлеба и пришлось взять батон. Но, похоже, он не рисовался и не хотел меня поразить, а просто советовался.

Мы быстро неслись по трассе. Разговор не клеился. Оба чувствовали себя натянуто и по кругу перебирали ничего не значащие темы: чудесную погоду, мою учебу в университете, здоровье родителей и место их теперешнего обитания. Услышав, что папка превосходно себя чувствует, Сашка широко и радостно улыбнулся и сразу же переменял тему.

Ощущение скованности не покидало меня. Неожиданно я разозлилась. Два взрослых (ну или почти взрослых) человека встретились, поговорили и разошлись снова. «Я встретил вас, и все такое», — пришла на ум студенческая присказка. Проще надо быть, проще! И вечером, сидя за чашечкой ароматного чая, набрать Аришкин номер и с эдакой ленцой поведать:

— Представляешь, кого я сегодня видела? Ни за что не угадаешь. Таланова. Какого Таланова? Ну бывшего, помнишь, он разбил мой аквариум, а я ему — сердце...

Но Таланов совсем не был похож на человека, имеющего какие-либо проблемы с сердцем. Скорее даже наоборот, оно у него работало отменно, потому что вид он имел здоровый, я бы даже сказала — цветущий. Конечно, душа человека — потемки, но Сашка производил впечатление человека, вполне довольного жизнью и главное — знающего, чего он от жизни этой хочет. У него, наверно, невеста — ноги от ушей и далее по списку, а я тут сижу в старых кроссовках и о чем-то еще мечтаю. Спросить или не надо? Я настолько убедила себя в мысли о невесте, что заранее расстроилась. И зачем я села к нему в машину? Мы не виделись сто лет, у него давно своя жизнь, у меня своя... Сейчас бы спокойноенько тряслась в электричке, читала бы Мопассана и горя бы не знала.

— Маш, что-то случилось? — тревожный Сашкин голос оторвал меня от грустных дум. Неужели у меня все на лице написано?

— Да нет, я так, о своем, о девичьем... Не обращай внимания.

— Извини меня за бестактный вопрос, но можно я спрошу...

С наигранным смехом я воскликнула:

— Да что мы все обо мне да обо мне? Ты сам давай говори, чем занимаешься?

— Компьютерной техникой занимаюсь, — хмуро буркнул Сашка.

— Техникой?

— Да, но тебе это скучно, Машка. Я все расскажу, но прежде ты мне ответь...

— Нет-нет-нет, ты первый, давай, начинай!

Господи, о чем он хочет спросить? И вид такой недовольный, тоже нервничает. Брови нахмурил, у него смешная всегда такая физиономия была, когда он так сердился. Что это у меня, ностальгия?

Но занудства, конечно, у Таланова тоже поубавилось. Потому что он весело встряхнул головой — уже без длинных черных кудрей — и начал рассказывать историю превращения Сашки — второкурсника Финэка в удачливого молодого предпринимателя Александра Игоревича Таланова. Я изображала внимание, но из-за шума в голове почти весь сказ про Польшу, таможеню, накладные и какие-то суперкомпьютеры пропустила мимо ушей.

— ...Так что теперь у нас — планов громадьё! И в карманах наконец что-то забренчало, — сказал Сашка и довольно рассмеялся. — И знаешь, что самое удивительное — деньги сами по себе меня не интересуют, возбуждает сам процесс. И такое чувство, что горы можешь свернуть...

У нас?!

— А где ты живешь? — небрежно спросила я.

Сердце забилось часто-часто.

— Снимаю квартиру, от родителей уехал, — ответил Сашка.

Внутри все опустилось. Ясно! Зачем бы еще ему снимать квартиру, как не для того, чтобы жить там с длинноногой блондинкой, будущей невестой. А может, уже женой. Кольца на пальце нет, но это еще ничего не значит... И мобильный телефон отключил. Надо просто успокоиться и сидеть тихо. Скоро меня привезут к маме с папой, выползу из этого роскошного монстра и пойду, солнцем палимая. Оно-то над моей головой еще светит, вот и хорошо, и славно...

— Машка! — по решительному Сашкиному тону я поняла: не отвертеться.

И только открыла рот, чтобы сморозить очередную глупость, как он выпалил:

— У тебя кто-нибудь есть? — и съехал на обочину.

А я сидела рядом с ним в «Мерседесе» с кожаным салоном и в самом деле не знала, что говорить. Есть у меня кто-нибудь? Или нет у меня кого-нибудь?

Я открыла дверь. Свежий запах просыпающегося леса нахлынул на меня. Возникла безумная мысль забраться поглубже, найти симпатичную опушку и упасть на землю, лежать и ни о чем не думать. Хотя земля, конечно, еще холодная, не прогрелась, но ее живительная энергия добавила бы мне сил разобраться в самой себе.

И тут вдруг я отчетливо поняла: у меня нет Степана, просто я никак не могу себе в этом признаться. Есть родители, есть любимая квартира, Аришка, Маринка, работа. Есть сосны, и небо, и весеннее, уже начинающее греть солнце, а Степана — нет. Вернее, он есть, но не у меня — у своей холеной жены, с которой он, кстати, развелся и которая — я была в этом отчего-то уверена — все равно любит его, у будущих гипотетических любовниц... Я поймала себя на мысли, что думаю о нем без ревности. И что мне легко.

— Слушай, а у тебя нет какой-нибудь тряпки?

— Тряпки? Машка, ты всегда умела удивлять.

Я тебе задаю вопрос о твоей личной жизни, а ты... Ну есть у меня тряпка, мы на ней летом на пляже валялись...

— С кем? — вырвалось у меня непроизвольно.

— С друзьями! — Сашка изумленно глянул на меня.

— Пошли!

В лесу нас оглушил звенящий запах весны. Воздух словно излучал сияние, где-то почти рядом радостно переговаривались птицы. На проталинах тут и там пробивалась первая весенняя травка, изгибаясь и булькая, куда-то спешил ручей.

Через десять минут мы сидели на оранжевом покрывале спина к спине — мы всегда так сидели, когда дулись друг на друга. Вернее, когда я дулась — такое случалось гораздо чаще. Высоко над нами сосны сплетались и уходили в сияющее небо. Вдалеке различимо свистел свою веселую брачную песню дрозд. Может, набрать маме подснежников?

Я рассказала Сашке все — исключая предстоящую поездку в Москву, с этим я сама должна была разобраться. Сосны слушали и удивлялись. Удивлялись тому, что я так давно не могла осознать простой, очевидной вещи, настолько очевидной, что захотелось закричать во все горло!

От оглушающего запаха сосен кружилась голова. Было странное ощущение пустоты внутри, но пустоты приятной. Как будто что-то сбросила с души и теперь могу идти дальше — далеко-далеко.

Сашка пошевелился, и внезапно та жизнь, в которой был он, навалилась сверху, чуть не придавив. Я вспомнила все: веселых чертиков в глазах, забористые шуточки, длинные гибкие руки, его запах, такой близкий и родной. Как я могла так долго без *всего этого* обходиться? И как я могла *все это* потерять? И теперь все это принадлежало кому-то другому — не мне, а длинноногой блондинке с чарующим взглядом.

Сашкина теплая и узкая спина молчала. Что же я наделала? Слезы душили меня. Лес стоял безмолвный и недвижимый, и никому не было до меня никакого дела. Через тоненькую оранжевую тряпку от земли шел мерзлый холод, он проникал внутрь, пробираясь к самому сердцу.

Я давно потеряла счет времени, прошло, наверно, десять тысяч лет, и мы сидели и молчали...

— Машка, тебе не холодно? — обиденным ворчливым тоном спросил Сашка. — Заболеешь — что я твоим родителям скажу?

Закинув руки назад, он нашел мои и пощупал — не холодные ли?

Вымученные слезы брызнули из глаз, и я застонала, машинально сжав Сашкины горячие пальцы что было сил.

— Маш?!

Неужели это была я? Не рассмотрела, не опознала, не различила *настоящее*? Как могла отмахнуться, наплевать, зачеркнуть это настоящее, искреннее, ни с чем не сравнимое?

И вдруг мне стало так легко и хорошо, что от счастья перехватило горло: я наконец поняла, что не давало мне покоя, что тревожило и не находилось. Это было так просто, но одновременно и невероятно сложно и просто непостижимо: пройти такой сложный путь, совершить столько глупостей и ошибок и опять вернуться туда, откуда все началось! «Идет ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои...»

Не было Степана, и блондинки тоже, мы были вдвоем на всей планете — я и Сашка. Я рыдала в голос, крепко обхватив его руками, а Сашка целовал меня всю, слизывал соленые слезы с лица и что-то шептал.

Сознание отступило, спряталось за сосны. Сашкины руки становились настойчивее и отчаяннее. Теплые губы впились мне в шею — поцелуй был на грани боли и наслаждения. Сашка задыхался, обнимая так, будто вся его жизнь сейчас заключалась в том, чтобы чувствовать, трогать, ощущать мое дрожащее тело сильными длинными пальцами. Горячее сладкое дыхание, рвавшееся из его груди, проникало мне в закипающую кровь и растворялось в ней, ураганом сметая и отбрасывая прочь сомнения и тревоги.

Мы покатались по земле, изнывая от желания, как звери, проспавшие долгую сонную зиму и теперь — ожившие. Свежий запах земли, залезающий в сердце и рвущий его на части, был совсем рядом. Тела наши сплелись и действовали слаженно, в унисон. Они знали сами, как и что нужно делать.

Перед самым падением в бездну Сашка остановился, придержав время, и заглянул мне в глаза, и я увидела в них свое отражение. «Люблю тебя, Машка», — выдохнул он, и мы провалились в колдовской сладостный мрак, в бесконечный черный тоннель, в конце которого нас ждало исполнение всех наших желаний...

— Я все понял. Ты просто перегорела, — мрачно, будто через силу произнес Сашка.

Мы уже сидели в машине. В салоне густо повисло нелепое отчуждение, будто не было

потрясающих минут полного восторга и забвения... Вентилятор беззвучно заполнял салон вожделенным теплом, и озноб потихоньку отступал, растворяясь в теплом автомобильном духе.

— Перегорела? Что я, лампочка, что ли? — возмутилась я.

Таланов задумчиво жевал травинку, держа руки на руле.

— Я вот тоже думал... — тихо, почти неслышно сказал Сашка.

— О чем, Саш? — прошептала я, глядя в окно.

Сосны-великаны прощались с нами, обещая хранить то, что слышали. Подснежников я так и не нашла.

— Ладно, поехали.

Весь остальной путь мы проделали молча. Скрипки выводили свою нежную, берущую за душу мелодию, от которой щемило грудь. Каждый из нас был погружен в свои мысли. То есть у меня-то уже мыслей особо не было, наверное, они кончились. Я не заметила, как задремала. Мне снился сон.

Свадебный эскорт медленно движется к Дворцу бракосочетаний. Толпа на входе с нетерпением ожидает невесту с женихом. Дорогие авто подъезжают одно за другим, толпа шумит. Наконец они появляются: жених изящно выпрыгивает из длинного, как огромная белая такса, лимузина и бежит к пассажирскому месту. Открывает дверцу, и все ахают: девушка неземной красоты грациозно привстает и покидает машину. Откуда-то сбоку выскакивают два маленьких мальчика, похожие на ангелочков, и подхватывают шлейф элегантного нежно-розового платья. В роскошные густые волосы невесты вплетены живые цветы; одна белоснежная лилия незаметно откалывается и падает. Опираясь на руку суженого, походкой богини она восходит по ковру, усыпанному лепестками роз; публика замирает в немом восторге. Звучит Мендельсон, и жених с невестой проходят внутрь.

Толпа расходится. Вскоре улица перед дворцом пустеет — все достойное внимания происходит внутри. Лишь один представительный импозантный мужчина не уходит, он взором, полным тоски, смотрит в сверкающие окна, за которыми идет регистрация. В руках мужчина сжимает белоснежный цветок — лилию, что упала с волос невесты. От одуряюще сладкого запаха и волнения у мужчины кружится голова, ему дурно. Но он досматривает действие до конца: с замиранием сердца смотрит он, как молодые ставят свои подписи в заветной книге, и только после того как очаровательная ручка невесты делает решающий взмах и расписывается, мужчина отходит от окна. Взгляд его тускл, слезы стекают по щекам. Бесцельно бредет он по улице, и перед глазами стоит пленительная невеста в свадебном убранстве: она ласково улыбается.

Мужчина доходит до своего дома, машинально заходит, поднимается по лестнице. На входе его радостно приветствует собака, она повизгивает и лижет руку хозяина. Но ничто не способно развеселить импозантного мужчину, все ему не в радость. Он — в своей комнате. Медленным скорбным движением мужчина открывает ящик массивного письменного стола темного дерева и достает оттуда... револьвер. Белоснежная лилия на столе перед ним еще издает благоухание и раздирает душу. Мужчина печально улыбается, берет револьвер и...»

Когда я проснулась, так же гудел мотор и грел вентилятор, и хмурый Таланов,

насвистывая какую-то песенку, вел машину. Мы уже почти приехали.

— Куда теперь, Маш?

— Сейчас покажу...

Машина подпрыгивала по разбитой проселочной дороге. Сейчас будет поворот, потом еще один, ну а потом — мы расстанемся...

Мой сон был удивительным и никак не шел из головы. Он был каким-то... черно-белым, пресным. Самым удивительным было то, что во сне, думая о Степане, я не испытывала томления, которое раньше всегда присутствовало в моих грезах. И я уже не хотела показать ему, что я счастлива. Нет, не так: я не хотела доказывать, что могу быть счастлива без него. Мне это просто было не нужно, мне было все равно. Это удивительно новое чувство и пугало, и радовало одновременно.

Мы остановились. За дощатым сбитым наскоро папкой забором, окутанный весенней дымкой, стоял родительский домик. Я сняла очки и осторожно положила Сашке на колени. Было страшно.

— Машка, — помолчав, сказал он: — Мне нужно время. У меня есть время, Маш?

— Время?

— Да, чтобы обдумать все то, что я сегодня услышал от тебя.

— Обдумать?

— А, — Сашка неопределенно махнул рукой, бросил очки назад и вылез из машины.

Я сидела, вжавшись в кожаное кресло, продлевая последние мгновения, запоминая каждую мелочь. Он открыл дверцу (прямо как в моем сне), и в какой-то момент мы оказались близко-близко. В моей бедной голове, как в доме Облонских, все смешалось.

— Я... я позвоню тебе, — сказал Сашка. — Можно я не буду сейчас встречаться с твоими родителями?

— Угу.

Я хлопнула дверью светлой громады, по мощному торсу которой весело скакали солнечные зайчики, и нас одновременно кинуло друг к другу. Мы стояли, обнявшись, и не понимали, что происходит. Все вокруг провалилось, ушло, растворилось, я чувствовала лишь знакомый сладкий запах Сашкиных губ и его уверенные сильные руки, сжимающие меня крепко-накрепко, так, что было трудно дышать. Бывают в жизни моменты, которые можно назвать абсолютным счастьем. И, как бы банально это ни звучало, в ту минуту я поняла, что по-настоящему счастлива.

ОГРАБЛЕНИЕ ПО-МОСКОВСКИ

В «Шереметьево» была толкотня, и за окнами шел проливной дождь.

— Как же я пойду? — Я с ужасом взглянула на свои почти летние туфельки.

— Спокойно, Маша, я — Беседовский! — как всегда оглушительно хохотал Большой Босс.

Низенькая бабулька, проходящая мимо, с ужасом шарахнулась в сторону. Беседовский теснил меня к выходу, где уже дожидались охранники в количестве четырех штук.

Под двумя огромными зонтами наподобие шатров, которые почтительно держали над нами московские Кинг-Конги, мы достигли длиннущего черного лимузина, напоминающего библейского крокодила Левиафана, и загрузились. Внутри Левиафан оказался чрезвычайно хорош, был напичкан всеми последними чудесами техники, баром и даже маленьким телевизором. А у Сашки зато в его «Мерседесе»... Усилием воли я отогнала прочь мучительные и абсолютно не нужные сейчас воспоминания. При мыслях о Сашке я раскисала. Кровь прилиwała к голове и бежала вниз, к запретной зоне, а мне сейчас, как разведчику, требовалось незамутненное сознание.

Телефон у Беседовского звонил непрерывно, так что я могла спокойно наслаждаться московскими пейзажами за стеной ливня и комедией «Кин-дза-дза» в телевизорчике. С Сашкой мы смотрели ее несколько раз и всегда хохотали до колик, но сегодня картина мало меня забавляла.

Нереальность происходящего на экране была сродни моему вполне отчаянному положению: что я делаю в чужом городе с почти незнакомым мужиком? От подобных мыслей в голове начинало тоненько звенеть и спина холодела, но я изо всех сил гнала дурные мысли прочь. Ну в конце концов, самое худшее, что может случиться — увольнение, и не съест же меня Большой Босс! Ну выгонит с работы, попрошусь к Сашке в фирму, польмыть.

О моей поездке знала только Аришка. Перед очередным отъездом на отдых она примчалась ко мне, вывалила кучу «полезной ерунды» — «то, что под руку подвернулось», и до ночи давала ценные указания. «Под руку» Аришке попался непрременный флакон духов, благополучно забытый в суматохе сборов, воздушный розовый шарфик и дорожная малюсенькая сумочка.

— Куда мы едем? — между трелями его мобильного я все же успела задать вопрос.

— В «Восточный атриум», — бросил мне Босс так, будто я знала наперечет все рестораны столицы (с другой стороны, сама же спросила!), и затем снова в трубку: — Да, Игореша, я прибыл, можем через... — он взглянул на часы: — Через два часа, где обычно...

Ресторан «Восточный атриум» размещался внутри огромного современного здания и действительно был устроен по древнеримскому подобию. Второй и третий этажи по периметру огибали внутренний дворик, декорированный, как объяснил Беседовский мимоходом, в японском стиле.

Ливень переплавился в мелкий дождь, охрана чинно довела нас до дверей. Мы вошли внутрь, и нас окутало экзотическое царство. Внутри было тепло, светло и так мило, что сразу хотелось остаться здесь навсегда. У входа нас поджидал невысокий лысый тип в черном кожаном пальто.

Лысый мне не понравился сразу же, но не оттого, что был некрасив. Черты лица его

были какие-то смазанные, нечитаемые, а рыбки глаза веяли холодом и мраком, от них хотелось бежать куда глаза глядят. Лысый скользнул по мне равнодушным серым взглядом и отвернулся. Да, усмехнулась я про себя: тяжела бизнесменская доля, с кем только не приходится общаться!

— Крошка, ты ведь не очень хочешь есть? — спросил Беседовский и, не дожидаясь ответа, велел: — У нас важный разговор, можешь подождать там, наверху, я тебя позову, — и, положив толстую лапу на плечо лысому, ушел внутрь зала.

В самолете мы летели бизнес-классом, и я успела перекусить и даже глотнула немного шампанского — для храбрости. Беседовский ел и пил за троих и беспрестанно шумел: то громко рассказывал анекдоты, то просил добавки, то приставал к стюардессам — в общем, скучать не давал никому. Со мной Босс обращался как с говорящей куклой, которая всегда под рукой и которую иногда можно о чем-то спросить и даже получить ответ. Впрочем, особенно ломать голову не приходилось, как правило, томной улыбки вместо исчерпывающего ответа Беседовскому было достаточно.

Не спеша прогуливаясь по галерее, я рассеянно глазела по сторонам. Замысловатые картины на стенах, выдержанные в духе неомодернизма — Сашке бы понравилось, сплошь какие-то ромбы да квадраты, — не радовали глаз. В просторных нишах на возвышении стояли со вкусом подобранные икебаны. На противоположной стороне призывно сверкали огни бутиков, но я не хотела, чтобы Беседовский видел меня разглядывающей роскошные витрины. Еще решит, что я что-нибудь присмотрела, и захочет купить...

Но похоже, мне здесь еще долго придется гулять... Выйти на улицу, в дождь, и подышать столичным воздухом? Может, московский дух авантюризма вдохнет в меня уверенности и бесстрашия? Что-то подсказывало, что эти качества скоро очень мне понадобятся...

Случайно я бросила взгляд вниз и не увидела Беседовского. Наверно, вышел в туалет. Пора бы подумать, как я буду выкручиваться из щекотливой ситуации. Окажется ли Большой Босс настолько благородным, что не станет силой принуждать заниматься с ним любовью? Будет ли информация, которую я собираюсь ему выложить, стоить моего трехдневного пребывания в гостинице? Я решила надеяться на лучшее и уже было направилась к выходу, как вдруг еще раз посмотрела вниз.

Убранство ресторана согревало душу: пастельные естественные тона, официантки в национальной одежде, множество подушек на сиденьях и тихо льющаяся восточная музыка. Аришка рассказывала, что японцы едят палочками, вот бы попробовать! Столик бизнесменов находился в самом углу и почти целиком был закрыт легкой бамбуковой ширмой, покрытой иероглифами.

Лысый проделывал какие-то непонятные манипуляции с чашечками, и вдруг меня осенило. Я просто не верила своим глазам... Лысый, настороженно озираясь, сыпал что-то из облатки в чашку Большого Босса! В голове моей перецелкнулся какой-то невидимый рычажок, колесики зацепились за ролики, направив все мое существо в какое-то непривычное, незнакомое русло, и дальше я действовала, повинуюсь не разуму, а инстинкту.

Позабыв присущие мне медлительность и неторопливость и едва сдерживая крик в груди, я повернулась и рванула по галерее назад, к лестнице. Где же она, господи? Только бы успеть, только бы не разминуться с Беседовским! На каблуках бежать было невозможно, я сдернула их на ходу и помчалась дальше, чуть не потеряв сумочку. Служащий в синей ливрее преградил мне дорогу, и я схватила его за грудки.

— Где туалет? Где у вас туалет?

Наверно, вид у меня был страшный и кричала я очень громко, потому что служащий почел за лучшее побыстрее отделаться от психованной девицы, отпихнул меня и рукой указал направление.

Я неслась по мраморному коридору, ноги в колготках проскальзывали по блестящему сверкающему полу. Наконец я достигла цели: две темного массива двери с одинаковыми рельефными фигурками в кимоно красовались передо мной.

Подскочив с лету к одной, я ввалилась внутрь: вертлявая тощая девица у зеркала пугливо обернулась. Издав вопль, я рванулась к другой двери, толкнула ее и — столкнулась лицом к лицу с Беседовским.

— Крошка, тебе уже не терпится? Ты решила поймать меня здесь?.. — Большой Босс был, похоже, приятно удивлен.

Я почти валилась с ног, и он втоптал меня внутрь, в сияющее чистотой помещение. Темные веселые глаза изучали меня внимательно, Беседовскому явно нравился такой поворот событий.

— Дмитрий... Дмитрий... — я еле дышала и от волнения забыла отчество Босса. — А черт с вами, тот, за столом — лысый, он...

Беседовский впился в меня толстыми, как две булки, ручищами и тряхнул:

— Да что с тобой, крошка?

— Он подсыпал вам что-то в чашку! — простонала я. — Мне больно, пустите!

Он сразу отпустил меня и смотрел, не отрываясь.

— Ты уверена? Ты понимаешь, что говоришь?

Голос из скабрёзно-игривого превратился в железный. Он весь как-то подтянулся, построил и стал похож на льва в прерии, вышедшего на охоту.

— Почему ты босиком?

Я непонимающе поглядела на ноги, потом на туфли в руках и тут же закричала:

— Я бежала предупредить! Боялась, что не успею и вы...

Я уже не могла сдерживаться и завывала:

— Я сразу... сразу, как его уви-и...видела, поняла, что он что-то... замысл-я-яет, — растирая слезы по лицу, рыдала я. — И побежа-ала к вам, а вы-ы-ы...

Беседовский повел себя странным образом. Взял туфли и Аришкину сумочку, бросил на пол, подвел к белоснежному рукомойнику и сам умыл мне лицо, затем промокнул его салфеткой. Мне было все равно, стук в груди не унимался, и я не понимала, отчего Беседовский так спокоен.

Дверь туалета растворилась, мелькнули чьи-то напуганные глаза, и дверь затворилась.

— Туфли надень.

Я надела.

— Говорить можешь? — оглядев меня, спросил Босс.

Я кивнула.

— Давай еще раз и — по порядку.

Я «дала», то есть повторила все, что видела, еще немного волнуясь и нервничая. А вдруг лысый, заподозрив неладное, уже крадется по коридору с пистолетом в кармане?

По виду Большого Босса никак нельзя было понять, о чем он думал. Он только сопел и пристально вглядывался в меня, как будто что-то прикидывал или в чем-то сомневался.

Наконец он вздохнул, еще разок странно на меня посмотрел и решительно выдохнул:

— Идем.

— Куда? — испугалась я и отпрянула назад, к сияющей раковине.

— Как куда, обратно, — усмехнулся Беседовский.

— А... А вы разве не позвоните в охрану?... — растерянно спросила я.

Он молча сунул мне сумочку, взял за руку и силой повел за собой. Проходя коридор из зеркал во всю стену, я отвернулась — лучше не смотреть сейчас на отражение, а то точно упаду в обморок.

Дойдя до лестницы, Босс остановился и аккуратно, будто хрустальную вазу, прислонил меня к перилам.

— Жди, — и стал спускаться вниз, к низеньким столикам, бамбуку и тихим умиротворяющим звукам музыки.

Сверху мне было видно все как на ладони, на всякий случай я спряталась за искусственным деревом и наблюдала из-за него. Лысый как ни в чем не бывало сидел и в задумчивости что-то писал палочкой на плоской, как поднос, тарелке. Подошел Босс, уселся и что-то недолго говорил лысому. Тот посмотрел на часы, встал, приобнял Босса за плечи и... пошел к выходу.

Я тупо смотрела ему в спину, пока она окончательно не скрылась, и только тут увидела, что Беседовский активно мне машет. На ватных ногах я потопала вниз, держась чуть дрожащей рукой за перила и озираясь по сторонам. А вдруг это хитрый маневр и лысый вернется, чтобы сделать свое черное дело?

Беседовский ждал меня за столиком. Мне показалось, он как-то смущен, и смотрел он на меня по-прежнему странно. Я упала на мягкую подушку и застыла. Какое-то время мы молчали.

Босс руками закидывал в рот маленькие непонятные штучки, не переставая сверлить меня взглядом. Как же они называются, пыталась отвлечься я, Аришка рассказывала... Я судорожно поправила розовый шарфик на шее, не зная, куда деваться от темных испытывающих глаз напротив.

— Я хочу тебе сказать, Мария Николаевна, что ты очень хороший человек, — внезапно с набитым ртом сказал Беседовский, и я лишилась дара речи.

Во-первых, он запомнил мое имя-отчество. Во-вторых, не злится и не орет. В-третьих, говорит более чем странные вещи!

— Игорь — друг моего детства, я знаю его... лет сорок восемь, — мягко продолжал Беседовский. — Это один из тех немногих людей, в ком я уверен... на триста процентов.

— Но, Дмитрий Александрович, я же не...

— Я знаю, — остановил меня жестом Босс. — Ты ничего не сочинила, но...

— Но что? — я привстала с места.

— Милая, Игорь ничего мне не подсыпал, — ласково сказал Беседовский, я и не думала, что он способен на такой тон! — У него простуда, и он растворял лекарство, наверно, случайно перепутав чашечки, вот и все!

Никогда мне не было так стыдно. Я закрыла лицо руками и приготовилась снова заплакать. Друг детства, сорок восемь лет! Как он, наверно, обиделся! Что же у меня в голове — мозги или кю?

— Я Игорю, разумеется, ничего не сказал, он бы просто принял меня за сумасшедшего, — добавил Беседовский. — Но ты-то его первый раз видишь, а я знаю, он производит на незнакомых... гхм... странное впечатление.

Стало немного легче: все-таки одной душой, кто знает, какая Мэри Блинчикова дура, на свете меньше. Беседовский смотрел на меня в упор и словно о чем-то раздумывал. На темном, под цвет глаз, галстуке в крупную полоску сидело — ну куда же без него? — привычное пятно, наверное, вот этот темный соус в мисочке, и мне стало совсем хорошо.

— Но я убедился, ты действительно добрый человек, и скажи мне, пожалуйста: какого черта ты здесь делаешь? — с неожиданной теплотой и участием спросил Босс.

Руки мои перестали дрожать от страха, и сердце уже не билось как шальное. Официантки давно к нам не подходили, сочилась негромко музыка и телефон... залился трелью. Беседовский поднял толстый палец: жди, мол, и рыкнул в трубку:

— Да?

В трубке рассказывали о чем-то захватывающем, потому что лицо шефа из раздраженного становилось довольным и удовлетворенным — как у медведя, которому только что сообщили о посылке с медом.

— Ну и дела... — ронял Беседовский в трубку, широко улыбаясь. — Вот что значит, Юрьевич, интуиция — прямо задницей чувствовал, нельзя с ним связываться... Что? Да иди ты... Ну Степан Борисович, сам виноват, предупреждали ведь... Ну давай, Юрьевич, бывай. Спасибо, что позвонил... Да, обнимаю, ты тоже не болей, — Босс отложил трубку.

Как Степан Борисович? Все уже все знают и я зря приехала сюда? План не сработал, мое смешное благородство запоздало, и что теперь объяснять Беседовскому? Захотелось завывать, или зарыдать, или провалиться сквозь землю.

Обратив внимание на мое страдальческое лицо и догадавшись, о чем я подумала, Беседовский загоготал:

— Не бойся, девочка, это другой Борисыч, тезка нашего! Крутил с администрацией поганки, думал, сойдет с рук, ан нет — тюряга светит! А ведь предлагал в свое время и мне долю, звал, да я жо... Знаю, короче, заранее, куда можно соваться, а куда нет, — я напряженно ловила каждое слово Беседовского.

Босс пошарил глазами по столу в поисках съестного и, ничего больше не обнаружив — простудный друг детства Игореша все подмел, — налил в чашечку какой-то бесцветной жидкости и опрокинул в себя.

— А кто вам сейчас звонил? — тоненьким голоском осмелилась спросить я.

— Кто? — удивился Босс. — А тебе зачем? Кореш мой, адвокат питерский, Гайтанович, тоже с ним знаком давненько.

Разрозненные кусочки мозаики еще поелозили в голове, устаканились и сложились в понятную картинку. Здоровье папке не вернешь, и кафе «У Блинчикова» тоже, но на сердце стало спокойнее. Все-таки приятно, что хоть *какая-то* справедливость существует в этом мире...

— ...Хотя *наш* Степка тоже мне не нравится последнее время, — продолжал Босс, будто размышляя вслух, — запустил дело, непонятно чем занят... Так что ты делаешь здесь, милочка? — повторил свой вопрос Босс и, утопив красную кнопку, отключил телефон.

Луч солнца проник в помещение и заскользил по залу, высвечивая полоску в воздухе — значит, дождь кончился. Другого шанса не будет, поняла я, откинулась на приятно обволакивающую спину подушку и спросила:

— А вы меня не убьете, если я расскажу?

Босс затрясся от смеха и громыхнул:

— Ну раз я до сих пор этого не сделал, то теперь вряд ли...

РЫБКА В БАНКЕ

14 мая, в мой день рождения, была суббота. Накануне, чтобы разогнать хандру и перестать гадать: придет — не придет, любит — не любит, я принялась за генеральную уборку и за четыре часа устала так, будто разгрузила вагон камней. Зато квартира сияла чистотой и была готова к приему гостей. До ночи я варила, чистила и резала, так что до постели добралась почти без сил и уснула мертвым сном.

Вчера в офисе «Айс-Парадайс» все собрались толпой и поздравили меня. Букет цветов вручал Наум Иванович и даже поцеловал в щечку. Он больше не злился, так как давно крутил шуры-муры с Сушкиной. Уж не знаю, как лысеющий финдиректор и стервозная специалистка по внешним связям нашли общий язык, но в последнее время парочка чуть не целовалась в конторе. Наум Иванович даже похудел, да и в мадам Сушкиной тоже поубавилось ехидства и злобы на окружающий мир.

Муханов подарил коробку конфет и, обняв меня, шепнул на ушко, что он — нем как могила и я могу и впредь на него рассчитывать.

Павел Кузьмич ошивался где-то в отдалении, чему я была чрезвычайно рада. Всезнающая Сушкина сообщила, что у него появился новый объект для воздыхания — молоденькая новенькая курьерша из его отдела, и я мысленно пожелала им удачи.

Место исполнительного директора было вакантно. Ходили слухи, что Большой Босс ищет кандидатуру в столице, и все были слегка взбудоражены, как перед приездом ревизора.

Беседовский сдержал слово, и меня никто не спрашивал о том, куда делся Полозов, — мой московский вояж, к счастью, остался тайной для всех. Пока я не собиралась уходить с работы, все больше втягивалась в риэлтерский бизнес и к тому, что на вечернем предстоит учиться дольше на год, была готова.

В кулуарах, конечно, гуляли сплетни и домыслы, касающиеся Степана, но я не интересовалась этим — зачем?..

...В сейфе, ключ от которого я нашла в нижнем ящике моего стола, лежал сверток. В свертке заключалось будущее старика Кошкина и гражданки Ничипоренко, раньше проживавшей на Московском проспекте и которую мне еще предстояло найти. А ведь еще предстоит разобраться с Инессой — Степан признался, что Тополева А. Я. — мать Инессы и квартиры оформлялись на нее. Если понадобится, обращусь к Боссу, он своими длинными руками кого хочешь достанет и усмирит. Я представила себе Беседовского и улыбнулась.

Мой ультиматум исполнительному директору холдинга «Айс-Парадайс», повторно изложенный Большому Боссу в московско-японском «Атриуме» (так я и не научилась орудовать палочками!) сводился к тому, что Степан в три дня возвращает сумму, равную стоимости двух украденных квартир, и покидает страну на неопределенное время.

Вспоминать о нашем последнем разговоре было мучительно больно: было такое чувство, что я как будто перерезала ниточку, связывавшую меня с моей первой любовью...

...Передо мной сидел предельно уставший немолодой мужчина с посеревшим лицом. Несмотря на то что он оказался нечистоплотным стяжателем, мне было бесконечно его жаль, и я давно не любила его. Канарская сказка осталась очень далеко, за пределами сознания, мы оба изменились и были другими.

Скоро чья-то другая нога ступит на пушистый мохнатый ворс ковра, и чья-то рука по-своему передвинет все на дубовом столе и станет стряхивать пепел на пастуха и пастушку, и

новый директор займет глубокое кожаное кресло.

Степан уже не кричал, не бесновался и не грозил — он успокоился и смирился. Тень Беседовского, будто дух отца Гамлета, еще витала в стенах кабинета, и Полозов прекрасно отдавал себе отчет — с Большим Боссом ему не потягаться. Неизвестно, как бы сложилось, если бы шеф так вовремя не оказался на моей стороне, но, как любил говорить папка: «Если бы у бабушки были усы, она была бы дедушкой...» Я стояла, скрестив на груди руки, и выслушивала Полозова, который словно беседовал сам с собой.

— ...Знал, что не стоит ввязываться, это с самого начала дурно пахло, а вот ведь — попутал черт, — раскачиваясь в кресле, глухим голосом говорил Степан.

— Человеку свойственно ошибаться, — глубокомысленно заметила я.

— Да что ты смыслишь в ошибках, дурочка? И эта идиотка, приспичило ей вселиться в ту квартиру на Петроградской... А ты, дорогая, в рубашке родилась, так и знай, — он взглянул на меня с ненавистью, смешанной с чем-то трудноопределимым. — Я бы тебя в порошок стер, да не могу...

— Руки короткие, да?

Степан взглянул на меня, и в его глазах я прочла такую боль и тоску, что мне стало совестно. Он развелся и все еще любит меня, хоть и называет «дурочкой» — а что же ему еще остается? Какая же сложная штука — жизнь!

...Первыми пришли Аришка с Гиром — «без минуты муж» оказался на самом деле похож на голливудскую звезду, особенно в профиль, и я каждый раз, обращаясь к нему, сдерживалась, чтобы называть его правильно — Алексеем. Оба только что прилетели из Египта, были полны впечатлений и выглядели потрясающе. Аришка болтала без умолку и время от времени пыталась увлечь меня на кухню — ей не терпелось выслушать от начала и до конца мою московскую историю, но я не давалась.

Я перелистнула эту страницу, переросла вчерашний день. Степан остался в прошлой жизни.

Мистер Гир держался скромно и подчеркнуто вежливо, то и дело поправляя очки в стильной (но не в золотой!) оправе. Мне он понравился, ощущались в нем какая-то надежность и стабильность.

Маринка с женихом появились следом, и все ахнули: итальянец оказался привлекательным мужчиной среднего возраста с коротким седым ежиком на голове. По-русски он понимал мало и, вручив мне роскошный букет с довеском в виде галантной улыбки, уже не отрывал взгляда от Маринки. Она и впрямь расцвела, похорошела и прямо-таки лучилась счастьем. Аришка во все чрезвычайно удивленные глаза разглядывала жениха и, видимо, недоумевала, как могла Маринка, «мисс неуклюжесть из казино», заарканить такого молодца.

— Учю итальянский, скоро к нему поедem, с родителями знакомиться, — шепнула мне Маринка на ухо и, еще больше смущаясь, спросила: — А Саша придет?

— Мариш, я не знаю... — ну зачем она спрашивает, я и так вся на нервах!

После лесных откровений мы с Сашкой не общались. Прошло бесчисленное количество дней и ночей, а он не звонил. Думает...

Моя звезда вволю потешилась надо мной, то помогая мне и поднимая до небесных высот, то испытывая и бросая вниз, на землю. Моя звезда привела меня в весенний сосновый лес, и я знала: та истина, что открылась моему сердцу, чиста и прекрасна, а главное — она

была *истиной*. Мне оставалось лишь ждать, положившись на судьбу. Потому что если любить и верить, чувствовала я, счастье постучится в твои двери. Я запрещала себе думать о нем и мечтать о сказке; один воздушный замок, выстраданный и взлелеянный мной, рассыпался на кусочки, а я хотела *настоящего* счастья.

Маринка быстро сказала:

— Мэри, я давно хотела сказать, да как-то не получалось... — она наклонилась и тихо проговорила: — Знаешь, как он тебя любит? Он и ко мне-то приходил за этим — только о тебе да о тебе говорил, мне даже как-то неловко было, а потом я поняла: ты у него первая и последняя.

Я сглотнула комок в горле и быстро поцеловала подружку.

— Спасибо тебе, дорогая. Давайте к столу, всем садиться!..

Зазвонил звонок, и я впала в состояние оцепенения. А вдруг не он? Маринка легонько подтолкнула меня к двери:

— Мэри, вперед!

На пороге стоял Сашка. Никогда не видела его в строгом костюме и представить не могла, как он будет в нем хорош! Одна его рука прижимала к себе немислимый пук неизменных красных гвоздик — не три и не семь, а штук сто! — в другой была... баночка с рыбкой. Я не верила своим глазам: в баночке плавала, активно нарезая круги и очаровательно виляя разноцветным хвостом, желто-черная рыбка гуппи.

— Вот, — сказал Сашка. — Это тебе.

И протянул мне мои подарки.

Я так загляделась на рыбку, что не сразу услышала какой-то шум на лестнице.

— Машка, не пугайся, — деловито сказал Сашка, придерживая рискующий свалиться сноп цветов. — Я тут еще кое-что приготовил...

Кряхтя от натуги, два здоровых мужика на полусогнутых втаскивали в квартиру... аквариум. Третий с трудом волочил огромную канистру с водой.

— Куда нести, хозяйюшка? — весело крикнул один из них.

Я растерялась и вопросительно посмотрела на Сашку. Он помедлил мгновение и распорядился:

— В комнату — сюда, я покажу...

Когда улеглась суматоха, связанная с установкой аквариума, и мужики ушли, не забыв выпить по рюмочке «за здоровье хозяйюшки», в дверь снова позвонили.

За столом воцарилось молчание. Аришка хихикнула.

— Саш, открой ты, — попросила я и, когда он подошел к двери, спряталась за его спину.

На пороге стоял почтальон.

— Квартира Блинчиковых? Вам телеграмма, получите...

— Распишитесь, — быстро подхватил Сашка и лихо поставил на листке бумаги закорючку. — Рюмку водки, стакан вина? — обратился он к почтальону.

— На службе, — пожал тот плечами. — Разрешите откланяться!

Закрыв за почтальоном дверь, Сашка протянул мне телеграмму:

— На, держи, именинница!

Кто-то в комнате деликатно прикрыл дверь. Наверно, Маринка, добрая душа... Сашка стоял рядом и молча ждал. Я развернула и прочла вслух:

— «Поздравляю днем рождения желаю счастья спасибо».

— Маш, а что за штамп, странный какой-то? — спросил Сашка.

В глазах Таланова прыгали чертики.

— Штамп острова Кипр, подумаешь, — пожалала я плечами и обняла за шею.

От близости любимого закружилась голова. Сашкины глаза прикрылись, он глубоко вздохнул и поцеловал меня. Дыхание его участилось, через шелковистую ткань костюма, еще сохранявшую слабый аромат гвоздик, я слышала, как стучит Сашкино сердце. С трудом оторвавшись, я шепнула ему в ухо:

— А название пусть будет — «Золотая рыбка»!

— Название?

— Ну да, ты же просил, и я придумала!

Таланов схватил меня на руки и, покружив по прихожей, осторожно открыл дверь в комнату.

Сидящие за столом как по команде уставились на нас, и Сашка провозгласил:

— Наливайте!..

...Жених-итальянец долго пытался связать английский, итальянский и русский языки воедино. Но в конце концов плюнул и, воскликнув: «Са любоф!», выпил бокал до дна. Все зааплодировали.

Произносились тосты за дружбу, и за весну, и за удачу, и опять за любовь... Неожиданно кто-то вспомнил о Раевском.

— Миша уехал по контракту в Германию, — объяснила я. — Будет начинать там «новую жизнь»!

Раевский в самом деле вчера улетел в Гамбург, чему я была несказанно рада. Неделю назад он позвонил в чрезвычайном возбуждении: неожиданно подвернулось место для экономиста, знающего немецкий, а с языком у Раевского проблем не было. В Германии, заметила я, тоже свои казино имеются — но Миша клятвенно обещал не подходить к подобным заведениям на пушечный выстрел. Посмотрим...

Всю дорогу молчавший Гир подсел к Сашке, и между ними завязалась бойкая беседа о компьютерах последнего поколения, пошлинах, коносаментях и прочей мужской ерунде. Гир перестал стесняться, и в воздухе уже начинал вырисовываться некий грандиозный совместный проект... Сашка всюду сыпал непонятными, незнакомыми терминами и что-то уверенно чертил на невесту откуда взявшемся листе бумаги. Я подумала: а ведь нам предстоит открывать друг друга заново. И это так здорово!

— Мальчики, ну хватит, что вы все о работе да о работе! — капризно проговорила Аришка, теребя «почти мужа» за рукав. — Саш, расскажи, а как же ты университет бросил?

— Вот в чем дело, — серьезно ответил Сашка, повернувшись и поудобней устроившись рядом со мной на диване, — понимаешь, Ариш, в какой-то момент я понял, что для зарабатывания хлеба насущного образование не очень-то и нужно, вот Мэри за меня доучится! — и, пресекая жестом наши возмущенные реплики, добавил: — А если совсем честно: времени жалко, мне надо семью кормить.

И посмотрел на меня, и все остальные следом за ним — тоже. Вот сейчас я покраснею... Вместо этого я глубоко вздохнула и кинулась на шею будущему мужу, который все это время, пока я гонялась за призраком и вымышленным фантомом — в глубине моего сердца я знала об этом всегда, — был рядом и просто ждал меня!

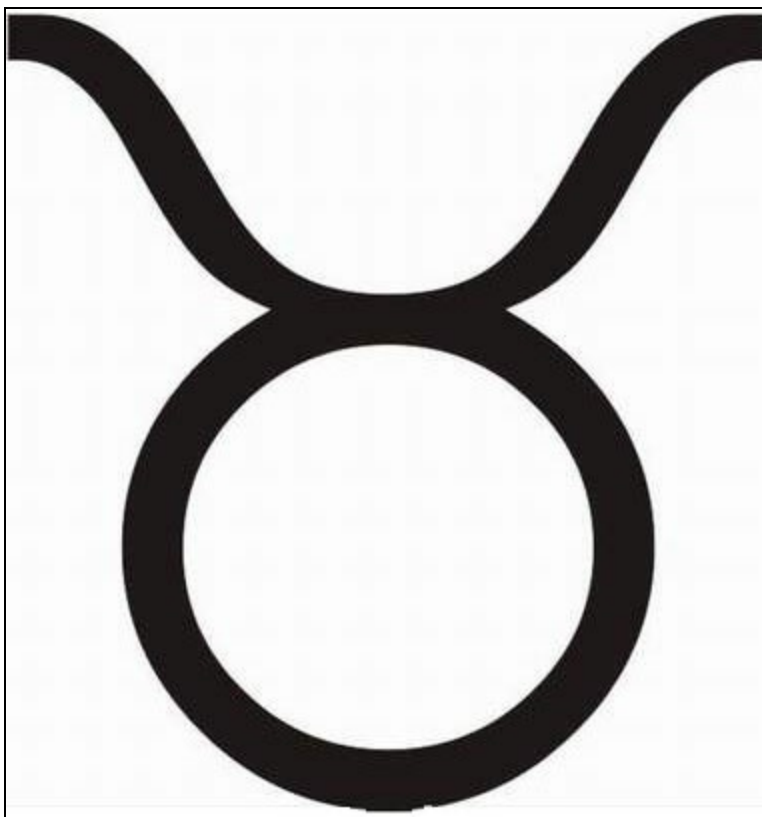
И, пока крики «Горько!» сотрясали мою небольшую квартирку, мы самозабвенно целовались и не могли оторваться друг от друга...

Но меня ждало еще одно дело. Когда шум и галдеж за столом повисились до нужного градуса и всем было очень и очень весело, я незаметно выскользнула из-за стола и, достав из шкафа бархатную черную коробочку, подошла к аквариуму. Мои любимцы, включая новенькую гуппи, радостно махали хвостами и поздравляли меня с незабываемым днем рождения.

Я медленно достала из коробочки изящный кулон с изображением моего небесного знака — Тельца — и осторожно открыла крышку. Под каким знаком родился Степан, мне так и не довелось узнать, но это было теперь совершенно неважно.

Маленький агатовый барашек, закручиваясь в красивую золотую спираль, опускался на песчаное дно и, опустившись, остался лежать там, блистая и искрясь среди окружающего его безмолвного великолепия.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ГОРОСКОП ТЕЛЬЦА

Если вы — Телец, вам не нужны никакие пособия и советы по обольщению противоположного пола. Ваша повелительница — Венера, и, если вы хотите заинтересовать мужчину, вам достаточно положить ногу на ногу и развернуть свои эротические антенны в его сторону. Если мужчина не мертв, он отреагирует!

Женщина-Телец необычайно чувственна, в искусстве притягивания мужчин ей нет равных. Она всегда имеет множество поклонников, но избирает некоторых, полагаясь исключительно на свою интуицию.

В ней собрались все лучшие женские качества, о которых любой мужчина может только мечтать! Она — соль земли, воплощение безумных мужских фантазий и грез, само обаяние и женственность.

Женщина-Телец часто обладает роскошными формами. У нее высокая соблазнительная грудь и неторопливая походка. Ее движения и жесты медлительны и грациозны. У нее мягкая и свежая кожа, красивый голос.

Ее жизненная позиция скорее пассивная, чем активная. Женщине-Тельцу нет надобности гоняться за популярностью. Она не тратит сил в поисках любви и наслаждений, которые приходят к ней сами.

Обладая спокойной, уравновешенной натурой, женщина-Телец редко нервничает. Мало что может поколебать ее жизненные пристрастия и установки.

Женщину-Тельца отличают искренность и честность. Если она чувствует фальшь, ей не придет в голову прибегнуть к обычным женским уловкам напоподобие слез, сцен или кокетства. Она прямо выскажет все, что думает, и примет решение, посоветовавшись со своей подружкой — интуицией. Преданная и верная натура, женщина-Телец не прощает неверности.

Она может выглядеть хрупкой, незащищенной, беспомощной, но это лишь ее внешняя сторона. Женщина-Телец с детства прекрасно знает, чего хочет, и в своем упрямстве может показаться кому-то неразумной. Но сама про себя она знает, что просто очень терпелива и настойчива — а как же иначе выжить в нашем сложном мире? Будучи уверенной в важности и необходимости предприятия, она пойдет к цели напролом, легко устраняя препятствия и помехи на своем пути.

Женщина-Телец отличается сильным эмоциональным чувством. Внешне неторопливая и немногословная, она обладает самообладанием и скрытой волей.

Если вы рождены под знаком Тельца, вы великолепно владеете собой. Какими бы сильными ни были эмоциональные реакции в вашей душе, вы никогда не выкажете своих чувств на людях. Вы терпеливы и, даже возбудившись, будете сдерживать свои желания столь долго, сколько потребует от вас здравый смысл.

Обычно вы удивительно спокойны и сдержанны, но если выходите из себя — берегись! Разъяренная женщина-Телец может напугать даже сильного мужчину. Правда, такие ситуации происходят достаточно редко — тогда, когда для этого имеется достаточно оснований.

Особо отличительная черта женщины-Тельца — врожденный здравый смысл. У нее редкая форма интеллекта — она чувствует, что для понимания правды нужно доверять интуиции.

Проявление ревности со стороны женщины-Тельца тоже характеризует ее как безусловно здравомыслящую личность: она посмотрит сквозь пальцы, если ее мужчина восхитится кем-либо в ее присутствии, но никогда не позволит ему переступить дозволенные рамки флирта. Мужчина может запросто подмигнуть привлекательной продавщице или отвесить комплимент подружке, но если он переступит границу понятий о морали, то гнев женщины-Тельца будет подобен землетрясению. Она зрит в корень, и ее терпение вряд ли стоит испытывать.

Женщина-Телец необычайно практична, не склонна к идеализму. Она не будет вздыхать и утирать глаза платочком, глядя на романтического героя в кино, когда живой и доступный мужчина находится рядом с ней. Платонические отношения — не для нее, любовь должна идти об руку с физическим влечением.

Женщин, родившихся между 21 апреля и 21 мая, не интересуют абстрактные размышления. Практический здравый смысл — вот что существенно для них. В голове у Тельцов всегда полный порядок, а их цели — ясные и прямые. От любого дела Тельцы желают получать удовлетворение, и это им здорово удается!

Венера одарила женщину-Тельца обаянием и женственностью. Ей свойственна любовь к красивым вещам, интерьерам, она знаток утонченной кухни и вин. Бывает склонна к полноте, но это придает ей дополнительный шарм. Обладая хорошим вкусом, понимает толк в драгоценностях. Шея у нее очень чувствительна, и, украшая ее, Женщина-Телец испытывает особое удовольствие. Она ценит роскошь и может быть разорительна для своих поклонников.

Окружающие ценят в женщине-Тельце ее мудрую способность принимать людей такими, какие они есть на самом деле. Она одинаково легко чувствует себя с разными людьми. Если кто-то пришелся ей не по душе, она не обижается, нет. Она просто будет равнодушно избегать этого человека.

Друзья женщины-Тельца — счастливые люди. Потому что эта женщина способна на беспредельную преданность друзьям, она не покинет их ни в горе, ни в радости.

Женщине-Тельцу присуще чувство гармонии во всем. Она без труда производит хорошее впечатление на окружающих: ее прямота нравится людям, а ее нетребовательность обезоруживает.

Женщина, родившаяся под знаком Тельца, — настоящая находка в любом учреждении. У нее ровный голос и спокойная манера поведения. Никакая экстренная ситуация не выведет ее из себя, а в случае кризиса она всегда оказывается на высоте положения. Ее терпения и сил хватит на то, чтобы выдерживать как физические, так и эмоциональные нагрузки. Области, где можно встретить женщину-Тельца, обширны и разнообразны: она одинаково комфортно будет чувствовать себя и в банке, и на сцене; должным образом справится с обязанностями экономиста, редактора или повара.

Телец — земной знак, на природе чувствует себя превосходно. Женщины-Тельцы любят большие букеты диких цветов. Дорогой парфюмерии они предпочитают запах свежестыранного белья, пьянящим аромат скошенного сена и горький дымок от сжигаемых осенних листьев.

Апрельско-майская женщина вполне может держать бразды правления в своих руках, но предпочитает, чтобы это делал муж. Она вообще признает только настоящих мужчин. Имея такую жену, муж может быть уверен, что она всегда будет ему моральной поддержкой и опорой в море житейских бурь.

Материнство — естественное состояние для женщины, родившейся под знаком Тельца. Она искренне обожает возиться с малышами, но когда дети подрастают, она становится строгой и требовательной, не терпит лени, неряшества и непослушания. Она — хорошая мать и со временем становится другом своим детям.

Она очень гостеприимна, но большие компании тяготят ее. Ее блюда — настоящая ловушка для мужчины, женщина-Телец превосходная повариха. В ее доме, где она чувствует себя прекрасно, царят чистота и порядок.

Женщина-Телец — требовательная и страстная любовница. Каждая ее связь напряжена, как коррида. В запасе у нее имеется огромный потенциал для сексуальных экспериментов, но раскроется она лишь тогда, когда будет целиком и полностью доверять партнеру. И на поле боя он останется бездыханным.

Сексуальное поведение обворожительной Телочки романтично настолько, что у мужчины захватывает дух. В спальне постелено шелковое белье и горят свечи. Она любит меха и может пожелать заняться любовью на меховом покрывале или прямо на шубе, расстеленной на полу. Когда Телочка входит в спальню в наряде Евы, неся на себе лишь духи и украшения, мужчина млеет от восторга.

ЛЮБОВНЫЙ ГОРОСКОП

СОЮЗ С ОВЕНОМ

Мужчина-Овен, считающий, что его спутница должна быть сверхженственной, испытывает вполне понятное сильное влечение к Тельцу. Но женщина-Телец не любит, когда ее подгоняют, и ее неторопливая натура может вступать в противоречие с импульсивным Овеном. С другой стороны, он стремится быть лидером во всем, в том числе и в завоевании подруги сердца, и женщина-Телец спокойно дожидается, пока взаимная страсть не достигнет пиковой отметки. Овену требуется беспрекословная верность, а именно этим качеством Телец обладает в полной мере.

СОЮЗ С ТЕЛЬЦОМ

Оба — земные знаки и предпочитают походу на вечеринку уединение на природе, прогулку в лесу или обустройство дачного участка. Оба ценят домашний уют и компанию немногочисленных преданных друзей. Медлительные и осторожные в выборе партнера, Тельцы будут долго приглядываться друг к другу, прежде чем поймут, что нашли свою половину. Мужчина-Телец больше, чем кто-либо, обладает мужскими качествами и этим чрезвычайно привлекает к себе женщину-Тельца.

СОЮЗ С БЛИЗНЕЦАМИ

Переменчивые, многоликие мужчины-Близнецы слегка пугают Тельца. С другой стороны, женщину, рожденную под знаком Тельца, привлекают артистичность и богатство воображения Близнецов. Сдержанность и здравый смысл Тельца интригует Близнецов, но «замедленная реакция» их раздражает. Краеугольный камень в такой связи — непостоянство Близнецов: измен женщина-Телец не потерпит.

СОЮЗ С РАКОМ

У обоих знаков присутствует желание построить страстные, эмоциональные отношения. Стандарты мужчины-Рака высоки, но когда он принял решение, то из романтического превращается в решительного и серьезного. За его мощным умом всегда стоят эмоции, и тонкая интуиция Тельца способна затронуть нежные струны его сердца. Рак, так же как и Телец, привязан к дому и способен обеспечить своей второй половине безбедное существование.

СОЮЗ СО ЛЬВОМ

Мудрой женщине-Тельцу достаточно трудно мириться с комплексом величия у Льва. Мужчина-Лев считает естественным занимать в жизни избранницы центральное место. Лев жизнелюбив и активен, а Телец склонен к сдержанности. В сексуальной области темп и настроение опять-таки задает Лев, и женщине-Тельцу придется постараться, чтобы ублажить его. Но мужчине-Льву очень импонирует нежелание Тельца быть в чем-либо выше и лучше партнера, а верность апрельско-майской женщины прольет елей на его ревнивое сердце.

СОЮЗ С ДЕВОЙ

С мужчиной-Девой можно надеяться на стабильное будущее, и это по душе женщине-Тельцу. Разборчивый мужчина-Дева не терпит обмана, не строит иллюзий — ему нужны ровные честные отношения, и здесь знаки подходят друг другу идеально. Что касается спальни, в женщине-Тельце больше развито физическое начало, и ей могут не нравиться пуританские наклонности мужчины-Девы. В занятиях любовью Дева предпочитает простые пути и старается избегать излишеств. Женщина-Телец — не против простоты, но ее неутомимость в сексе может беспокоить Деву.

СОЮЗ С ВЕСАМИ

Мужчина-Весы способен привнести в жизнь женщины-Тельца эмоциональную теплоту и понимание. Хотя Тельцу непросто выносить противоречивый характер Весов: как правило, мужчине-Весам необычайно трудно принять решение и следовать ему. В сексуальной сфере Весы будут стараться возбудить и удовлетворить партнершу. Телец также настойчив, так что шансы для взаимного удовлетворения в постели великолепные.

СОЮЗ СО СКОРПИОНОМ

У обоих знаков в равной мере развит сексуальный аппетит и оба не испытывают потребности в связях на стороне. В постели эта связь подобна урагану. Но в раздражении женщина-Телец может быть упряма, а гнева мужчины-Скорпиона должны опасаться все знаки зодиака. С другой стороны, сильная натура Тельца способна выдержать властный и требовательный характер Скорпиона.

СОЮЗ СО СТРЕЛЬЦОМ

Стремящаяся к прочной связи женщина-Телец захочет приструнить свободолюбивого мужчину-Стрельца, а это может не дать результата. Крайне сексуальный Телец будет доволен сладострастностью Стрельца, к тому же Стрелец обладает редким для мужчин даром — хоть и флиртует направо, он честен и верен в любви. Ужиться с экстравагантным Стрельцом нелегко, но его откровенность и искренность искупают многое.

Если Телец догадается предоставить Стрельцу определенную свободу и позволит ему руководить своей энергией, связь будет долгой и удачной.

СОЮЗ С КОЗЕРОГОМ

Выбирая спутницу, мужчина-Козерог обращает внимание на то, есть ли у нее вкус и интеллект, способна ли она быть хорошей хозяйкой и матерью. Женщина-Телец вполне удовлетворяет его запросам. Обладая интуицией, Телец способен понять романтическую ранимую душу Козерога, скрывающуюся за напускной сдержанностью. В сексуальном плане знаки подходят друг другу идеально: оба не стремятся к безудержному вычурному сексу. Несмотря на то что оба упрямы, связь может оказаться перспективной и надежной.

СОЮЗ С ВОДОЛЕЕМ

Внезапный и разбросанный мужчина-Водолей представляется женщине-Тельцу сложным к непредсказуемым спутником. Водолей не любит обязательств и клятв. Но с другой стороны, Водолей — тонкий психолог, он обладает интуицией и проницательным умом, чего не может не уважать Телец. Также и Телец, и Водолей никогда не станут навязывать свое мнение и диктовать свои условия. Связь возможна, если оба знака будут уважать индивидуальность друг в друге.

СОЮЗ С РЫБАМИ

У мужчин-Рыб живой непредсказуемый темперамент, и женщине-Тельцу подчас трудно с ним справиться. Но, помогая Рыбам в осуществлении их фантазий, настойчивый разумный Телец может достичь многого. Рыб легко обидеть, но мягкий спокойный нрав женщины-Тельца сгладит их ранимую натуру. Оба знака могут положиться друг на друга во всем, они надежны и порядочны. Успех в сексуальной жизни зависит от Тельца: он должен увлечь податливых мечтательных Рыб в чувственный поток любовных игр и наслаждений.

Филолог по образованию, редактор крупного издательства. Азартна, обаятельна, амбициозна. Увлечения: литература, астрология, эзотерика. Знает о таинстве любви не понаслышке. Доверяет звездам. На вопрос: «Автобиографичны ли ваши книги» — отвечает загадочной улыбкой.

Муж мой.

Жизнь юной красавицы Мэри Блинчиковой, родившейся под знаком Тельца, была веселой и беззаботной, пока все тридцать три несчастья не обрушились на героиню одновременно: разочарование в любви, болезнь отца, крах семейного бизнеса... Теперь ее будущее зависит только от нее самой. Мэри бросает вызов судьбе и устраивается секретаршей в фирму человека, который отвернулся от нее после божественной недели на островах Влюбленных. Но Судьба вновь совершает крутой вираж, и Мэри опять оказывается перед выбором...

+ гороскоп!

НЕВА *Худ. Лит.*

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.